ЗГВ:

ГОРЬКАЯ ДОРОГА ДОМОЙ

Михаил Болтунов

Annotation

Кто первым предложил вывод войск Западной группы? Правда ли, что Коль готов был выложить вдвое больше миллиардов за объединение Германии? Почему в Вооруженных Силах России бывшего шефа МИДа СССР Э. Шеварднадзе считают махровым предателем?

Ответы на многие вопросы читатель найдет в книге М.Болтунова «ЗГВ: долгая дорога домой».

- Михаил Болтунов
  - Незапланированное предисловие
  - ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
  - ЧАСТЬ ВТОРАЯ
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
  - ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
  - ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
    - 1
    - 2
    - 3
  - ЧАСТЬ ПЯТАЯ
    - 1

    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
  - ЧАСТЬ ШЕСТАЯ
    - 1
    - 2
    - 3
  - Прощай, Германия, прощай!
  - Вместо эпилога

Михаил Болтунов
ЗГВ: горькая дорога домой

Незапланированное предисловие

Эта книга была уже написана, когда произошла трагедий — погиб журналист Дмитрий Холодов. Он прошел Осетию, Абхазию, Чечню. Но смерть настигла военного корреспондента в Москве, в редакции. Зверское, страшное убийство.

Когда я пишу эти строки, убийца еще не найден. Да вряд ли его найдут вообще. Нет, не того конкретного исполнителя, который вложил запал во взрывное устройство. А того, кто организовал весь этот кровавый спектакль. Увы, как ни прискорбно, Диме Холодову и его газете была отведена роль детонатора. Не верю и не поверю, что убийство организовало Министерство обороны, как захлебываясь писали газетчики. Совершить убийство именно так, простите, все равно, что вставить запал в собственный зад, а потом взорвать его. К этой мысли, как мне кажется, уже приходят и главные обвинители от прессы. Интересно, к чему придут обвинители от юстиции? Как бы хотелось, чтобы они, наконец, добрались до истинных виновников гибели журналиста.

После смерти Холодова «дальнобойные орудия прессы» не одну неделю били по Министерству обороны. Знаю, меня готовы поправить: не по Минобороны, а по Грачеву и Бурлакову конкретно. И рядовые офицеры здесь ни причем. Святая наивность штатских людей. В октябре 1993-го ввести танки в Москву и открыть огонь по Белому дому приказал Президент, а плевали за это в лицо офицерам. Так что, причем. Еще как причем.

Однако я бы вытер плевки и принял упреки, как тогда, после октября 1993-го, если бы многое, о чем писалось в прессе, не знал лучше и глубже пишущих, не видел собственными глазами. В своей работе мне не надо было пользоваться слухами, выдумками, досужими байками. Не надо было искать отступников и торговать у них секретные документы и материалы.

Генералов и офицеров, чьи имена сегодня воскресли на страницах газет, знал лично, а не по рассказам дальних друзей и сослуживцев. Я служил в Западной группе войск, жил среди этих людей. Хотя, как корреспондент центрального военного журнала, не был подчиненным Бурлакова. В то же время имел по-своему уникальную возможность разобраться во всем самому, без советчиков, наушников и соглядатаев. Разобраться спокойно, а не в командировочном недельном «аллюре» из столицы в войска ЗГВ, когда надо успеть выпить заготовленную хозяевами

по такому случаю водку и пиво, понежиться «в халявной» полковой баньке, сделать экзотические загранпокупки, посетить кое-какие достопримечательности Германии и, если останется время, изучить проблему коррупции в группе.

Потому поверьте, я знаю цену многим статьям, журналистским расследованиям, теле- и радиооткрытиям из Западной группы войск.

Однако скажу сразу — заявление главного редактора «МК» Павла Гусева, сделанное после гибели Холодова, было крайне серьезным — редакция обладает документами, разоблачающими коррупционеров, и будет публиковать их. Какого журналиста, литератора не тронет такое заявление? Годами копался в этой теме, но, оказывается, многого не знал, не сумел найти, не смог раскрыть. Теперь другие, вместо тебя, обладают сенсационными материалами. И все-таки я был искренне рад за своих коллег по перу; если им удалось добыть документы, значит, преступники получат по заслугам. Ждал, каждое утро с нетерпением открывал «МК». Но утро приносило лишь досаду. Уже после нескольких публикаций стало ясно, — ничего нового в редакционном портфеле нет. Навязшие в зубах грачевские «мерседесы», о которых не писал только ленивый, известный доклад Ю. Болдырева, публикацию которого газета почему-то выдавала за первоисточник.

Возможно, что найдут не открытые ранее факты и доказательства различного рода махинаций и преступлений в ЗГВ. Наивно было бы думать: якобы в более чем полумиллионной группировке войск перевелись воры и взяточники, или на всех на них уже надеты наручники.

А чиновники за пределами ЗГВ из различных высоких министерств и ведомств, которые руководили и направляли, торговали и продавали недвижимость. Кто может поручиться за их кристальную честность?

Но пока это лишь предположения. Сейчас, когда я пишу эти строки, через месяц после гибели Дмитрия Холодова, в печати практически ничего нового. Многие газеты замкнулись на «перемалывании» старого компромата. Произошел какой-то странный перекос в сознании — Западная группа предстала перед глазами непосвященных читателей страшным, змеиным клубком преступников и коррупционеров. В истеричных воплях обвинителей, в горячей защите обвиняемых как-то забылось, что группа войск в Германии — это 8 миллионов военнослужащих, прошедших через нее за сорок девять лет. Целое государство!

Что группа войск это не только годы вывода, раздоры по движимости и недвижимости, споры о жилье, обвинения в коррупции, но и полувековое служение Отечеству. Служение, в которое вместились и трагические недели

противостояния, когда мир был на краю войны, и «блокада» Берлина, и берлинская стена, и многое другое, о чем молчат газеты. Сколько раз от солдат и офицеров группы войск в Германии зависела судьба страны, да что страны — Европы.

Да, о группе есть что сказать. В том числе и самое новое, неслыханное, сенсационное, чего не знавала Россия. И эта книга — есть попытка познания и осмысления поистине уникального явления в нашей жизни — Западной группы войск. Ибо вырывая ныне из контекста главу, наверное, далеко не самую лучшую, не самую светлую в истории группы, мы рискуем понять только то, что ничего не поняли.

Задумайтесь, группы нет, но какие-то неведомые силы извлекают ее из небытия. Наивно думать, что дело тут в отдельных личностях, будь то Главком Бурлаков или главред Гусев. Есть нечто другое, возбуждающее протуберанцы политической активности при одном упоминании — Западная группа войск.

Но что есть это «нечто»? Интересы мафии или столкновение разных политических сил? Желание убрать неугодных или просто «семейная драчка» сильных мира сего? Стремление свалить нынешних «министров-силовиков», а вслед за ними и Президента, или удобная возможность неимущим власти «думцам» пнуть предержащих эту власть?

И за всем этим маячит образ «летучего голландца» современности-Западной группы. Что же это такое — Западная группа войск?

Мы уходим, уходим..

Мы уходили. На этот раз из Германии. Последнее десятилетие мы только и делали, что уходили.

Из Монголии. Из Чехословакии и Венгрии. Из Афганистана. С Кубы. Из Польши. И вот теперь с последнего своего рубежа.

«А надо ли было оставаться здесь в сорок пятом?» — вопрошает разбитной телешоумен. Юродивые сыновья в который раз пытаются кроить отцовскую историю.

А надо ли было вообще воевать с фашистской Германией? Ведь и вправду сытнее здесь и теплее. Существует и такое мнение. Ну что с того, что оно рабское?..

Но случилось так, как случилось. К счастью всего мира, мы победили. И остались в Германии. Нет, не потому, что нам так хотелось. К этому взывали миллионы павших. За что отдавали они самое дорогое — жизнь?

За мир для своих сыновей. Хотели они одного, чтобы с немецкой земли никогда, во веки веков, не исходила угроза войны. Но разве не этого хотят сегодня сами немцы?

Если бы не мы, положившие на алтарь Победы, страшно промолвить, — 27 миллионов жизней, то кто? Американцы, англичане, французы? Будем уважительны к их борьбе, но справедливы к матери-истории: на той войне нас некому было заменить.

Или мы, или фашизм? Судьба не предоставила иного выбора.

Но через сорок пять лет выбор был. Уйти или остаться? Как оставались американцы, французы, англичане. Все страны-победительницы, кроме нас.

Однако мы ушли, сделав, безусловно, исторический шаг. Нам нелегко было решиться на этот шаг. Германская история и трагический опыт своей страны тому подтверждение. И тем не менее именно мы принесли объединение немецкому народу.

Некоторым силам в Германии, да и в России, хочется представить этот шаг как вынужденный, совершенный под давлением обстоятельств. Обстоятельства, конечно, были. Но сколько раз в послевоенной истории Советский Союз попросту плевал на очередные обстоятельства, на волю других народов — в 1956-м в Венгрии, в 1968-м в Чехословакии… Он, словно огромный монстр, глядел на мир жерлами своих танков, и мир, повизгивая, как побитая болонка, замолкал.

Теперь было иное — добрая воля народа великой страны, ее руководства во главе с Михаилом Горбачевым.

Следует отдать должное Горбачеву. Он решился на исторически смелый шаг и легализовал возможность немецкой нации на единство. Договор между ФРГ и СССР, подписанный 12 октября 1990 года, об условиях временного пребывания и планомерного вывода советских войск с территории Федеративной Республики Германии заложил фундамент огромного здания, имя которому «вывод войск».

Но строители знают: если расчет нулевого цикла ошибочен и фундамент не прочен, здание обречено, оно неизбежно рухнет. Рухнуло и здание, возведенное «архитектором перестройки» Горбачевым. И под обломками погребло, превратило в прах крупнейшую военную группировку на планете — Западную группу войск.

Самые боеспособные, подготовленные, имеющие за спиной героический путь и величайшие воинские традиции, полки и дивизии наших Вооруженных Сил ушли в никуда. Рассеянные по необъятной территории России, Украины и Беларуси, эти части и соединения ютились

в бараках, заброшенных строениях, армейских палатках. Офицеры делили на семьи старые казармы, времянки, сельские избы. Мерзли, мокли, проклиная все на свете, и уходили, уходили, уходили из армии.

Лучшие офицеры теряли веру в себя и в Отечество.

Это была гибель Великой Армии.

В самые напряженные периоды вывод войск опережал темпы строительства жилья в 9 раз. В августе 1993 года, когда до окончательного вывода оставался год, Германию покинуло 76 процентов личного состава Западной группы войск, то есть 419 тысяч человек.

А это значит более 40 тысяч семей офицеров и прапорщиков.

В России же на август 1993 года было введено в строй 2(?!) военных городка.

Бездомными, по существу на улице, оказались около 140 тысяч человек.

Разве это не преступление века? Кто и когда, в какой стране, в каком государстве на исходе XX-го столетия, позволил бы подобное издевательство над своей армией, над офицерами и прапорщиками, над их женами и детьми.

Кто же виноват в этом? Как могло случиться такое? Может быть, пришло время разобраться наконец в тайных механизмах преступления, совершенного против армии.

Но только ли в этих механизмах? Геноцид, развязанный против собственного воинства, лишь скромный цветочек в букете преступлений, содеянных в ходе объединения Германии и нашей упорной борьбы за интересы Советского Союза, а в последующем и России.

А может, и не было у нашей страны никаких интересов в Германии? Ни политических, ни военно-стратегических, ни даже интереса к собственному имуществу на миллиарды немецких марок, накопленному в ГДР за полвека жизни и службы?

Трагические вопросы… Но отвечать на них надо. Сегодня. Сейчас.

В тесноте буден, собственных нелегких забот, проблемы, возникшие в результате объединения Германии, отошли на второй план.

До Германии ли, в собственном бы доме разобраться.

Кто так считает, делает роковую ошибку.

Полвека содержания мощнейшей в мире военной группировки на немецкой земле стоили нашей казне неизмеримо дорого.

Но еще больше стоил полувековой мир в Европе. Так что разговор не о тех полувековых затратах — они были неизбежны и вынужденны, а о потерях последнего раунда.

Что греха таить, каждая из стран, участвующих в процессе объединения Германии, имела здесь свои интересы. Да, и США, и Англия, и Франция, и Советский Союз, а в последующем его правопреемница Россия, и, разумеется, сама Германия.

Кто более всего выиграл? Германия. Ныне мощное, самое мощное государство в Европе.

А кто же проиграл? Увы, Советский Союз, Россия. Да, став инициатором объединения немецкого государства, обладая международным приоритетом, а главное, возможностью отстаивать свои интересы, наше руководство проиграло по всем статьям, потерпело сокрушительный провал. Когда знакомишься с документами тех лет, беседуешь с очевидцами событий, экспертами и специалистами, создается впечатление, что Горбачев и Шеварднадзе попросту играли в поддавки с Западом, сдавая одну позицию за другой.

Многие мои беседы, интервью в Западной группе войск заканчивались на удивление стандартно. В конце разговора, офицер ли, генерал, раздосадованный, махнув на все рукой, говорил:

— Ну что тебе не ясно? Продали они Россию. Не знаю, за сколько сребренников, но продали.

Так ли это, не так — не знаю. Возможно, это лишь эмоции. Отметем же их в сторону. Обратимся к документам, мнению специалистов и попытаемся добраться до истины.

Но истина покрыта тайной…

Решения. Договоры. Соглашения. И за ними тайны, тайны… Боннского двора, Кремлевского двора. Крепко хранят свои тайны высокие дворы…

Кто первым предложил вывод войск Западной группы? Коль? Горбачев?

Правда ли, что Коль готов был выложить вдвое больше миллиардов за объединение Германии?

Почему в Вооруженных Силах России бывшего шефа МИДа СССР Э. Шеварднадзе считают махровым предателем?

А не предал ли сам Советский Союз своего бывшего союзника ГДР?

Верно ли, что М. Горбачев предложил Д. Бушу оставить американские войска на европейском континенте?

Был ли смертельно болен Э. Хонеккер, кто помог ему бежать в Москву? Кто и зачем хотел купить историю болезни бывшего руководителя ГДР за 300 тысяч марок?

Действительно ли генерал М. Бурлаков был «паханом» русской мафии

в ЗГВ, как о нем писала немецкая пресса?

Тайны, тайны… В своей книге мне хочется раскрыть некоторые из них. Конечно, не все удалось разгадать. Многие секреты раскроет только время. Но то, что удалось, выношу на ваш суд, дорогой читатель.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

О чем болела голова у Горбачева?
Счастливый час генерала Гэлвина.
Ай, да компромисс!
Признание Генерального секретаря Президенту США.
Звезда немецкой дипломатии.

1

Рухнула берлинская стена. Исчезла с карты мира Германская Демократическая республика. Ошеломленная старушка-Европа с удивлением и тревогой вглядывалась в знакомое и одновременно незнакомое лицо новой Германии.

Немцы клялись в миролюбии и вечной дружбе с соседями. В старых и новых землях фанфары славили Горбачева. Но бравурный звук фанфар все больше походил на сладкое пение коварных сирен. Корабль «советов» несло к неизведанным островам.

Горбачев, подобно Одиссею, велел своим морякам заливать уши воском.

Странно звучит эта фраза. Начало 90-х годов, апогей перестройки и гласности — и уши, залитые воском.

Не верите? Хотите проверить? Пожалуйста, поднимите газеты, журналы тех лет. Провалы Советского Союза в «Германском вопросе» следуют один за другим, а пресса не устает лизоблюдствовать и славословить по адресу Горбачева — великого демократа и архитектора перестройки и Шеварднадзе — видного дипломата современности.

А правда — горька. У берегов Германии горбачевский фрегат потерпел крушение.

Однако мы, россияне, мало что слышали об этом.

Освободим же уши от воска и послушаем.

…Меч Ялты и Потсдама безжалостно разрубил Германию на части. Было положено начало величайшей конфронтации между Востоком и Западом.

Многие десятилетия грозили мы друг другу, то бронированным кулаком, то «напалмом» ядерной войны.

Мир устал от противостояния. Мир не желал «хрустального» мира. Кто-то должен был сделать первый шаг навстречу. Его сделал Горбачев.

Вспомните, поистине Великий день для Германии — 3 октября 1990 года. Берлинская филармония. Торжественное заседание с участием видных государственных и политических деятелей Германии и зарубежных гостей.

Президент Рихард фон Вайцзеккер назвал день объединения историческим не только для немцев, но и для всей Европы и мира в целом.

И тут же прозвучало имя Михаила Горбачева. Президент ФРГ

неспроста поставил эти два имени рядом — объединенная Германия и Горбачев.

Пусть местные газеты и журналы еще упражнялись в словесной эквилибристике и заявляли, что «процесс коренных изменений», начатых Президентом СССР, создал якобы «предпосылки для воссоединения немецких государств» — всем уже было ясно — Горбачеву, именно ему, Германия обязана падением берлинской стены и мирным объединением нации.

Однако этот, без сомнения, исторический акт в мире был воспринят неоднозначно.

Пожалуй, лучше всех состояние Франции и ее реакцию на объединение Германии выразил парижский корреспондент известной немецкой газеты «Берлинер моргенпост». Его статья под заголовком «Мечты Франции об имперском величии окончательно рассеялись» вышла в июльском номере за 1990 год.

«Когда Коль возвратился из СССР, — писал автор, — и с восторгом информировал прессу о триумфальных итогах своей встречи с Горбачевым, во Франции, выражаясь фигурально, были приспущены государственные флаги.

Узнав о результатах переговоров, один из официальных представителей МИДа Франции сказал: «Мечтам французов о величии своей страны пришел конец!»

Газета «Котидьен де пари» отозвалась так: «После встречи Горбачева с Колем положение Франции можно сравнить с ощущением светской дамы, оказавшейся голой на людной улице.

В течение полувека французы мнили себя представителями великой державы: французские оккупационные войска размещались на территории Германии, Франция обладала собственным ядерным потенциалом, являлась постоянным членом Совета Безопасности ООН.

Германия никогда в послевоенной истории не рассматривалась ею, как мировая держава. Теперь договор меняет эту благостную картину».

Англия тоже немало озаботилась объединением Германии и ее растущей экономической и военной мощью. Об этом прямо заявила премьер-министр М. Тэтчер.

А как в Советском Союзе отнеслись к объединению Германии?

Вряд ли тут можно найти однозначный ответ. Однако большого противостояния Президенту не наблюдалось.

За многие годы тоталитаризма приученные заглядывать в рот и безоглядно верить вождям, советские люди верили и теперь.

Да уж как верили! Не станем стыдиться той веры. Ведь и вправду, на фоне старческой беспомощности Генсеков последних лет, молодой, вроде бы энергичный, обаятельный Горбачев казался «мессией», посланником Бога в уставшей стране.

Ну, а если бы и не верили, вряд ли что смогли бы изменить. Тогда еще Горбачев вершил политику, не оглядываясь на оппонентов, а тем паче на собственный народ.

Вспомните. Внеочередной Съезд народных депутатов в марте 1990 года. Горбачев одержал победу и стал первым Президентом в истории СССР.

Зарубежные средства массовой информации откликнулись на этот факт следующими комментариями:

> Газета «Кельнер штадтанцайгер». «Новый пост дает ему (Горбачеву — авт.) почти необъятную власть».
>
> Газета «Вестфелише рундшау». «По широте полученной власти М. Горбачева можно теперь сравнить лишь с И. Сталиным».

Право же, эти немецкие газеты были не далеки от истины. И, думается, неспроста пресса Германии обратила внимание прежде всего на «необъятность властных полномочий» первого Президента Советского Союза.

Что ж, тем приятнее осознавать, что полномочия эти Горбачев направил на благое дело — разрушение берлинской стены, объединение немецкой нации.

Сегодня, спустя несколько лет, возникает вопрос: благое дело для Германии, стало ли оно благом для Советского Союза, России? Ведь тогда, в 1990 году, ответственный работник ЦК КПСС, советник Президента Н. Португалов на страницах «Шпигеля» заявил: «Новые отношения между русскими и немцами дают СССР шанс вернуться в Европу и спастись от надвигающейся экономической катастрофы. Немецкая помощь позволит Советскому Союзу создать систему подлинно рыночного хозяйства, отчасти расплатиться с долгами и осуществить вывод войск из Германии, не бросая возвращающихся оттуда военнослужащих на произвол судьбы».

Вот так, не меньше! На немецких денежках от катастрофы спастись, рынок создать, с долгами слегка расплатиться и войска вывести. Ну, а уж потом в Европу въехать «на белом коне».

Забыл, видать, господин Португалов старую русскую пословицу: «На

чужой каравай рот не разевай…» Разинули-таки. И вышло как в сказке: по устам текло, да в рот не попало.

Но, право же, дело не в притязаниях на «немецкий каравай» ответственного работника ЦК. Хотя за ним ясно видны «горбачевские уши». Речь идет о другом. Не о том, почему не урвали из немецкой казны лишний миллиард, но отчего поступились собственными интересами, как отдали свои миллиарды, как промотали и погубили все, чем дорожили и гордились?

Горбачев и его окружение не могли не понимать, делая шаг к объединению Германии, какие глобальные экономические, политические, военно-стратегические изменения повлечет он, какие вызовет поистине «тектонические» процессы.

А значит, не могли не просчитать хотя бы на ближайшую перспективу последствия своих инициатив. Увы, сейчас доподлинно известно — не просчитали. Почему? Не захотели? Не были способны? Не смогли? Теперь это не суть важно. Скорее всего действовали, как учили, по-большевистски: сначала ввяжемся в драку, а потом посмотрим…

Возможно, в начале века это и давало хоть какой-то результат, в конце — могло дать только провал. Что поделаешь, изменился век.

Нельзя сказать, что первый Президент Советского Союза «не дрался» за интересы своей страны. Дрался. Но, черт возьми, экий негодный из него «драчун» — проиграл на всех фронтах, во всех поединках.

В спорте это называется низким профессионализмом, возможно трусостью, а в дипломатии, на уровне государственных интересов? Как там это именуют? Дипломатический просчет, ошибка, недогляд… А может преступление?

Попытаемся разобраться, что хотел получить Горбачев, и что получил? Ибо, как известно, в любом деле важен результат.

Оговорюсь сразу: не считаю, что СССР, как одно из государств-победителей, должен был иметь какие-то преимущества перед другими странами — Англией, Францией, США. Но равноправие — безусловно.

Итак, первое, что возникло в новой, складывающейся обстановке в Европе, это весьма заманчивая мысль: взять да и распустить оба военных блока, многие годы противостоящие друг другу.

Мысль эта, как ни странно, первой посетила головы генералов.

Журнал «Шпигель». Март 1990 года.

Западногерманский генерал в отставке Г. Шмюкле, занимавший в 1978–1980 годах пост заместителя Верховного Гпавнокомандующего ОВС НАТО в Европе, в статье, посвященной европейской безопасности,

предлагал: отказаться от старых военно-политических структур, распустить Северо-Атлантический блок и Варшавский Договор и создать вместо них новую Евро-Атлантическую систему безопасности, включающую в себя нынешнюю зону ответственности НА ТО и ОВД.

Газета «Вельт». Март 1990 года.

Начальник штаба ОВС стран Варшавского Договора генерал армии В. Н. Лобов: «Советский Союз и другие члены Варшавского Договора выступают за одновременный роспуск обоих европейских военно-политических блоков».

Однако политики оказались не столь наивными, как генералы. Кто знает, будь Варшавский Договор силен, как некогда, возможно развитие событий пошло по другому пути. Но к 1990 году «щит социализма» был «колоссом на глиняных ногах».

В дни празднования 35-летия Варшавского Договора министр обороны и разоружения ГДР Р. Эппельман заявил: «Варшавский Договор находится на грани роспуска. Венгрия, Чехословакия и Польша не заинтересованы в сохранении блока».

Кто же станет вести переговоры с противником, если не сегодня-завтра он рухнет сам? Так и случилось. Яснее других высказался Р. Рейган.

На страницах немецкой печати он заявил, что Северо-атлантический союз «ни в коем случае не должен быть распущен».

Выражая, надо полагать, официальную точку зрения руководящих кругов ФРГ, министр обороны Г Штольтенберг во время визита в Вашингтон в мае 1990 года горячо поддержал Рейгана. «С нашей стороны, — сказал он, — было бы серьезной стратегической ошибкой, перед лицом продолжающегося распада Варшавского Договора, в качестве своего рода ответного шага, ставить вопрос о роспуске НАТО».

Раньше было ошибкой ставить вопрос о роспуске НАТО перед лицом «растущей агрессивной мощи» Варшавского Договора, теперь — перед лицом его распада.

Однако, сколько не иронизируй по этому поводу, следует признать: Северо-атлантический блок оказался более жизнеспособным, нежели его противник. «Натовцам» есть чем гордиться сегодня.

Когда сорок пять лет назад создавался союз, не было никаких гарантий успеха. Если окинуть взглядом историю войн и конфликтов в Европе и за ее пределами, в одном лагере оказались и вчерашние друзья и союзники, но и, в недавнем прошлом, заклятые враги. И тем не менее удалось создать достаточно гибкую структуру НАТО, которая в зависимости от международной обстановки успешно адаптировалась к изменяющимся

условиям.

Были ли у НАТО критические, сложные моменты в биографии? Да, были. Они на нашей памяти. Выход Франции из состава объединенных вооруженных сил в 1966 году. Франция не принимает участия в работе Комитета оборонного планирования или военного комитета, проводит самостоятельную военную политику, но находится в постоянном контакте с соответствующими структурами союза через свои военные представительства при НАТО, а также участвует в тыловом обеспечении объединенных вооруженных сил, строит различные коммуникации, вкладывает средства в инфраструктуру.

Испания, присоединившаяся к союзу в 1982 году, наоборот, участвует и в работе военного комитета и комитета планирования, но не входит в структуру объединенных вооруженных сил. Так пожелал народ этой страны в ходе референдума в 1984 году. Однако и тут найдена гибкая форма сотрудничества. Испания заключила соглашение по координации действий, согласно которому ее армия будет выполнять особые функции совместно с подразделениями НАТО, оставаясь вне рамок интегрированных вооруженных структур.

Словом, НАТО удалось преодолеть кризисные моменты своего развития, Варшавскому Договору — нет. Тем более, что кризис, как известно, разразился прежде всего не в системе коллективной обороны.

На том, собственно, и закончилось. Варшавский Договор ушел в небытие. НАТО — укрепилось. Конечно, существует еще добрая воля руководителей стран-участниц Североатлантического блока. Но и тут не все просто и однозначно.

Попытаемся их глазами взглянуть на наши «нынешние преобразования».

Председатель военного комитета НАТО генерал В. Эйде как-то сказал: «Мы исходим из того, что главной причиной радикальных преобразований в Советском Союзе является разразившийся в стране социально-политический коллапс.

Политические реформы, не подкрепленные соответствующими переменами в экономике, привели к такой ситуации, когда надежды, нетерпение и отчаяние могут перерасти в хаос».

Признаемся, положа руку на сердце, — прав генерал. Из этого следует весьма простой вывод: кто из стран-участниц НАТО перед лицом потрясений, войн и конфликтов, разразившихся на территориях бывших советских республик, желает пренебречь интересами собственной безопасности? Хочу подчеркнуть словосочетание «собственной

безопасности».

Правда, руководители НАТО чаще стыдливо умалчивают это, больше напирают на европейскую безопасность. Только, что ж тут говорить за всю Европу, если пожар югославской войны сводит на нет теорию о Североатлантическом блоке, как гаранте мира и стабильности на континенте.

И тем не менее о НАТО, как о защитнике «собственной безопасности» стран-участниц альянса, можно говорить с уверенностью.

Что ж, как шутят у нас в народе, и на том спасибо. Хоть в Германии, Италии, Канаде, США, Нидерландах, Люксембурге, Бельгии не воюют.

Мне приходилось бывать в штаб-квартире Североатлантического блока, в составе делегации военных журналистов, — нас принимал Генеральный секретарь, доктор Манфред Вернер, заместитель Главнокомандующего ОВС НАТО в Европе, четырехзвездный генерал Дитр Клаус. Из наших бесед, собственных наблюдений я вынес одно — в НАТО понимают, что военная угроза с Востока исчезает, но опасность для стабильности не уменьшается.

Против этого трудно что-либо возразить.

Не возражал и Горбачев. Думаю, что здесь он верно оценил обстановку. Варшавский Договор развалился, и не было на свете силы, которая могла бы остановить его распад.

Как не существовало силы, способной распустить НАТО.

Горбачев любил повторять, что «мы живем в реальном мире». Что ж, эту реальность следует признать.

Таким образом, ко времени проведения переговоров стран-победительниц — США, СССР, Англии и Франции, с участием ФРГ и ГДР, Горбачева и его окружение волновал не сам союз НАТО как таковой, а блоковая принадлежность объединенной, мощной Германии.

Войдет ли новая Германия в Североатлантический альянс, или ее удастся нейтрализовать. Вот о чем болела голова у Горбачева…

2

Первая половина 1990 года прошла в затяжных дипломатических «боях». С одной стороны Советский Союз, с другой стороны — победительницы во второй мировой войне — США, Англия, Франция. Германия, как основной объект борьбы между Востоком и Западом, тоже не оставалась безучастной.

Каковы же были позиции сторон? Запад сплоченным фронтом выступал за вхождение объединенной Германии в Североатлантический альянс. Восток, то есть Советский Союз, протестовал.

Основными действующими лицами международной арены от нашей страны оставались все те же лица — М. Горбачев, А. Яковлев, Э. Шеварднадзе.

Газета «Вельт», накануне июньской встречи на высшем уровне, писала: «Суровые нотки в высказываниях Горбачева говорят о том, что он намерен превратить проблему членства Германии в НАТО в центральную тему…»

Смею не согласиться с «Вельт». Вряд ли эту проблему надо было искусственно превращать в центральную тему. Таковой она оставалась всегда в «германском вопросе».

Для Горбачева, кроме того, она стала своеобразным экзаменом на политическую зрелость. В стране с тревогой наблюдали, чем закончатся «немецкие инициативы» их Генерального секретаря, а впоследствии и первого Президента.

А Президенту было весьма не просто. Против него выступал не только Запад, но и некоторые вчерашние союзники по Варшавскому Договору. Признаться, этакая позиция «вчерашних» друзей не стала откровением, но вот США, Англия…

Тут Горбачев ждал смягчения позиций. Дав «добро» на объединение Германии, он очень понадеялся на уступчивость руководителей ведущих стран Запада. А это означало бы реальные дивиденты горбачевской внешней политики в глазах собственного народа.

Европа захлебывалась в похвалах Горбачеву. Германия была вне себя от эйфории объединения, но за круглым столом переговоров никто не хотел уступать. Ни на шаг, ни на йоту.

Примером тому — позиция «железной леди» Маргарет Тэтчер.

«История Европы не должна игнорироваться, поэтому необходимо

добиться четких гарантий безусловного членства объединенной Германии в НАТО и ЕЭС», — заявила она в интервью телевидению ФРГ.

Но как быть с трагической историей советского государства? Или в угоду «истории Европы» ее следовало «проигнорировать»?

И вновь одна Франция, устами своего министра иностранных дел Р. Дюма, выразила понимание нашей позиции и высказала осторожное опасение: если не будут учтены законные интересы безопасности СССР, Москва может заблокировать процесс европейской разрядки и разоружения.

Мог ли это сделать Горбачев? Вне всякого сомнения. Как делали его предшественники. Однако он пошел «другой дорогой».

На третьей сессии Верховного Совета СССР он неожиданно выдвинул идею ассоциированного членства Германии одновременно в НАТО и Варшавском Договоре.

Идея была столь фантастична, что и до сих пор наши военные специалисты не в силах объяснить, каким образом ее можно было бы осуществить практически.

Если к ней относиться серьезно и в основу контактов положить научные программы НАТО, проблемы охраны окружающей среды, сохранения природных ресурсов, здравоохранения, то, видимо, такое содружество вполне возможно.

Но речь шла о сотрудничестве в военной области. Области крайне специфической, замкнутой, стоящей на страже безопасности государства.

Помнится, во время посещения штаб-квартиры НАТО мы задали Генеральному секретарю доктору Манфреду Вернеру лукавый вопрос: а что если сформировать совместный русско-германский корпус? Ведь НАТО гордится своими «мультиподразделениями» — германо-американскими, германо-французскими, и уж, конечно, германо-датским корпусом, который успешно действует не первый год. Отчего же не быть, к примеру, русско-германскому корпусу? Условия для его создания самые благоприятные. Части и подразделения можно взять из состава Западной группы войск, они оснащены и обучены, имеют учебную базу, достаточно хорошо расквартированы, знают театр боевых действий, да и связи с бундесвером здесь крепкие.

Доктор Вернер не ждал подвоха, но быстро сориентировавшись, сказал, что «это скорее дело Германии, чем НАТО. И лучше не спешить, идти шаг за шагом. Начинать, например, с совместных учений».

«Ну, а потом, — улыбнулся Генеральный секретарь, — если германо-российское сотрудничество пойдет так далеко, что будет создан

совместный корпус, вряд ли это обрадует мировое сообщество».

И это всего лишь корпус. А не два мощнейших военных блока и объединенная Германия, вошедшая в них непонятно на каких условиях. Как и следовало ожидать, новая инициатива Горбачева о «двойном членстве» Германии была отвергнута Западом с порога. Г. Коль назвал ее «нереалистичной».

Газета «Вельт».

«Д. Буш и Д. Бейкер отвергли компромиссное предложение М. Горбачева, сделанное 12 июня с. г.»

Агентство Рейтер.

«Руководство НАТО отклонило предложение Э. Шеварднадзе, который в интервью журналу «НАТО сикстин нейшнз» заявил о возможности временного членства объединенной Германии одновременно в двух военно-политических союзах.

С соответствующими заявлениями выступали представитель штаб-квартиры НАТО, министр иностранных дел ФРГ Г. — Д. Геншер, министр иностранных дел Великобритании Д. Хэрд, представитель Белого Дома».

Итак, вновь поражение. Однако оно не обескураживает Горбачева. Президент СССР выдвигает новое предложение. На сей раз он готов согласиться на вхождение объединенной Германии в блок НАТО, но с одним условием…

Газета «Бильд». Май 1990 года.

«Р. Эппельман заявил после переговоров в Москве, что советская сторона даст согласие на членство объединенной Германии в НАТО, если этот союз из чисто военного превратится в политический».

По существу, это та же, первая инициатива, но вывернутая наизнанку. НАТО без военной организации, увы, не НАТО, а нечто другое. За что боролись? Думаю, именно таким вопросом задавались руководители стран-участниц Североатлантического блока. А стало быть, следовало заранее просчитать и ответ.

Метания Горбачева и Шеварднадзе ни к чему не приводили. Запад воздвиг свою, еще более мощную «берлинскую стену на пути советских инициатив».

Только Франция попыталась понять сложность ситуации, в которую попал Горбачев. Во время визита в Москву Ф. Миттеран предложил свою, названную впоследствии «французской», модель разрешения вопроса о членстве Германии в НАТО. Он считал, что новое немецкое государство может войти в политические структуры Североатлантического блока и не принимать участия в его военной деятельности.

Следует признать, предложение Президента Франции было весьма здравое. Как говорят в России, «и овцы целы, и волки сыты». И Германия в НАТО, и Советский Союз, вроде как, доволен. Только куда уж там. Министр обороны ФРГ Г. Штольтенберг во время встречи в Штраусберге с необыкновенной твердостью отклонил «французскую модель». Не потому, что она была плоха, нет. «Советы… начинают привыкать к мысли о членстве Германии в НАТО», — заявил Штольтенберг. И в этом вся разгадка выброшенной на свалку истории французской инициативы.

Конечно, говоря о «Советах», как о государстве в целом, министр обороны ФРГ мог и не подозревать, что «народ Советов» мало знаком с тонкостями политических баталий Горбачева. Сам Президент по этому поводу не ахти как распространялся, несмотря на свою природную разговорчивость. Да тут и понятно, хвалиться нечем. Советская пресса тоже в обиду «архитектора перестройки» не давала. Кое-что сообщала, но просчетов «шефа» на международной арене особо не разжевывала. Больше помалкивала.

Это, видимо, тогда родилась у русского певца и композитора Игоря Талькова, зверски убитого в России, едкая песенка о полугласности. «Полугласность, полутак, полуясность, полумрак… полукругом голова, полуговорит Москва…»

Так что правильнее было бы сказать, не Советы… начинают привыкать к мысли о членстве Германии в НАТО, а Горбачева и Шеварднадзе приучают и приручают к этой мысли.

Верно, зачем искать компромисс, ущемлять Германию, НАТО, если западные политики уже чувствовали — советские руководители готовы капитулировать.

После встречи с Президентом США Дж. Бушем, федеральный канцлер ФРГ Г. Коль заявил, что уже к осени нынешнего года будет получено согласие Советского Союза на полное членство объединенной Германии в НАТО. Это сообщение прозвучало по радио РИАС в начале июня 1990 года.

Однако канцлер ошибся. Горбачев и Шеварднадзе сдались значительно раньше.

В июне 1990 года в Берлине, в резиденции Нидершенхаузен, состоялся очередной раунд переговоров по формуле «2–4», в ходе которого обсуждались внешнеполитические аспекты объединения Германии.

Тут, как сообщалось в прессе, «министр иностранных дел СССР ознакомил участников встречи с новыми советскими предложениями». О, как они отличались от первоначальных. Помните, роспуск блоков,

превращение НАТО в политическую организацию. В общем, матушка-Европа встречает Горбачева на белом коне.

Но вместо победного коня лишь старая, дряхлая кляча. Да и та, как у шолоховского деда Щукаря, надута воздухом через задний проход.

Что же «просил» Шеварднадзе на этой встрече? Он уговаривал Германию сократить свои Вооруженные Силы до 200–250 тысяч человек, а численность войск держав-победительниц на 50 процентов.

И наконец, на церемонии официального закрытия КПП «Чек-пойнт-Чарли» на границе между Восточным и Западным Берлином ввернултаки еще одну «инициативу»: все воинские контингенты должны покинуть Берлин через 6 месяцев после объединения Германии.

Что касается сокращения армии ФРГ, то руководству Германии это предложение показалось ничем иным, как вмешательством в их внутренние дела.

Министры иностранных дел трех стран-победительниц в свою очередь заявили, что любые формы дискриминации немецкого государства недопустимы. На сколько же процентов сокращать воинские контингенты, они хотели решать сами.

В тот же день телевидение ФРГ сообщило: «Пакет выдвинутых советским министром инициатив был встречен западными участниками переговоров более чем прохладно.»

И последняя, пожалуй самая яркая цитата. Эти примечательные слова у нас в Советском Союзе никогда не публиковались. А жаль.

Они дают возможность в полной мере прочувствовать величину и значимость «успеха» нашей дипломатии по коренной проблеме «германского вопроса — о блоковой принадлежности нового немецкого государства».

Итак, внимание. Министр иностранных дел ФРГ Г. — Д. Геншер подчеркнул, что «только полностью суверенная Германия могла бы обеспечить стабильность в Европе. Поэтому уже сейчас следует начать подготовку к выводу советских войск с территории ГДР».

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

Но что же на это ответили Горбачев и Шеварднадзе?

Газета «Вельт ам зонтаг».

Июль 1990 года.

Верховный Гпавнокомандующий ОВС НАТО в Европе американский генерал Д. Ж. Гэлвин заявил: «Я испытал большое счастье и облегчение, узнав, что Горбачев… дал согласие на членство объединенной Германии в НАТО».

Газета «Берлинер цайтунг».

Август 1990 года.

«Фракция СДПГ в городской палате депутатов Западного Берлина считает необходимым выступить с предложением о присвоении М. Горбачеву Нобелевской премии мира. Руководство фракции намерено подать заявку в норвежский Нобелевский комитет».

3

.

Итак, Горбачев и Шеварднадзе «благословили» вхождение объединенной Германии в НАТО. Однако оставалось еще несколько крупных неразрешенных проблем.

Главенствующей, несомненно, была проблема ядерного оружия.

«На территории Западной Германии, — подчеркивал в конце 1990 года ведущий советский германист, тогда заведующий международным отделом ЦК КПСС Валентин Фалин, — сконцентрировано столько ядерного оружия, что его будет достаточно для уничтожения всего живого на планете».

Второй раз все живое на планете могли уничтожить советские ракеты, спрятанные в лесах Восточной Германии.

М. Горбачев предложил очистить от смертоносного оружия леса не только ГДР, но и ФРГ.

> **Телевидение ГДР. Март 1990 года.**
>
> «Вчера в Москву с трехдневным визитом прибыл председатель СДПГ (ГДР) И. Бёме, который в тот же день встретился с членом Политбюро ЦК КПСС, секретарем ЦК КПСС А. Яковлевым и советским экспертом по германскому вопросу В. Фалиным.
>
> Другой советский специалист по Германии Н. Португалов, касаясь в интервью проблемы объединения ГДР и ФРГ, потребовал полного вывода размещенного на территории Западной Германии атомного оружия».

Вот, собственно, устами Н. Португалова и высказаны требования советского руководства.

Что по этому поводу думал сам немецкий народ? Трудно говорить за весь народ, общегерманского референдума по проблеме размещения ядерного оружия, как известно, не проводилось, но данные выборочных социологических исследований есть.

Вот тому документальные свидетельства.

Западногерманский журнал «Винер». Март 1990 года.

«По результатам опроса, проведенного институтом Виккерта,

одновременно в ГДР (1507 чел.) и в ФРГ (2068 чел.) абсолютное большинство немцев (98 процентов в ГДР и 93 процента в ФРГ) убеждено, что на территории объединенной Германии не должно быть места ядерному оружию».

Однако совсем иначе виделась эта проблема из-за океана.

«Берлинер цайтунг». Июль 1990 года.

«Министр иностранных дел ГДР М. Меккель провел 14 июля с. г. в Вашингтоне переговоры с государственным секретарем США Д. Бейкером и советником Президента по вопросам национальной безопасности Скоукрофтом.

Правительство ГДР считает, — заявил М. Меккель, — что в ближайшем будущем с территории обоих немецких государств должны быть одновременно выведены ядерные средства США и СССР.

В ходе переговоров Бейкер и Скоукрофт сообщили М. Меккелю о серьезном недовольстве американской администрации некоторыми внешнеполитическими заявлениями правительства ГДР».

Судя по всему, США не собирались шутить. И слова у них не расходились с делом.

Радио «Свободный Берлин».

Октябрь 1990 года.

«Как сообщила мюнхенская газета «Абендблат», военное руководство США разработало секретный план, согласно которому дислоцированные в ФРГ американские бомбардировщики будут оснащены новыми ядерными бомбами».

Не берусь утверждать, был ли такой план, но если и был, излишне сокращать его не имело смысла. Ведь уже в декабре того же года, на сессии комитета военного планирования НАТО, немецкая делегация заявила о том, что «правительство ФРГ не возражает против дальнейшего нахождения на территории страны американских авиационных бомб в ядерном снаряжении».

Собственно, это можно считать ответом на «требование» Горбачева о полном выводе атомного оружия с территории Западной Германии. Помните, как в старой песенке В. Высоцкого: «Мы им посылаем, вы что это там? А нас посылают обратно…»

Не знаю, какие контрмеры принимали Горбачев и Шеварднадзе по дипломатическим каналам, но в Западной группе войск стали судорожно сворачивать ракетные бригады, дивизионы, вывозить ядерные боеголовки. Право же, зря беспокоились немцы, работа шла споро, без задержек, московские инспекторы подгоняли ракетчиков, невзирая на строгие

инструкции, а нередко и правила безопасности. Слава Богу, все обошлось, советские боеголовки препроводили на Родину и уже 22 октября 1991 года на 4-ом заседании смешанной советско-германской комиссии было заявлено: на территории Германии советского ядерного оружия нет.

А как же «требование» руководства СССР?

Еще 11 сентября 1990 года телевидение ФРГ сообщало о том, что министр иностранных дел СССР, встретившись накануне раунда переговоров по формуле «2+4» с главами внешнеполитических ведомств США, Великобритании и Фрйнции, настаивал на полном запрете размещения ядерного оружия на территории Германии, а уже через день было дано «добро» на их размещение. Что случилось за эти сутки? Советская дипломатия одержала очередную победу?

Газета «Берлинер моргенпост».

Сентябрь 1990 года.

«Накануне подписания договора были найдены взаимоприемлемые решения по последним спорным вопросам. Что касается систем оружия, способных использоваться как в обычном, так и в ядерном снаряжении, то договор запрещает их размещение на территории Восточной Германии».

Ай, да выход! Ай, да взаимоприемлемое решение!

При чем здесь территория Восточной Германии и какое, в сущности, она имеет значение для полета современной ядерной ракеты? Если вся территория ФРГ по своей протяженности от западного поселка Зельфкант (Северный Рей-Вестфалия) до саксонской деревни Дешка на востоке составляет 640 километров, то что же говорить о ее крошечной восточной части. Такое расстояние и для обычного, сегодняшнего оружия не преграда, а не то, что для авиации, стратегических, да и тактических ракет в ядерном снаряжении.

Что и говорить, гениальный компромисс! Только он, к сожалению, ровным счетом не имеет никакого отношения к безопасности советского, а теперь и российского государства.

Сколь горько писать об этом. Пыль, пущенная в глаза собственному народу, осела, мыльные пузыри дипломатии лопнули. Всяк имеющий разум — задумается над случившимся.

Теперь, когда объединенная Германия вошла в НАТО, а на ее территории по-прежнему размещается атомное оружие, которого «достаточно для уничтожения всего живого на планете», у Горбачева остался последний козырь — крупнейшая военная группировка в мире — Группа советских войск в Германии.

Рассказывают, что в конце 1989 года на стол одному из наших ведущих

«четырехзвездных» генералов попал доклад, автор которого считал: процессы, идущие в ГДР, необратимы, и пора подумать о судьбе группы войск. Генерал вызвал создателя доклада и угрюмо спросил:

— Полковник, вы знаете сколько у нас танков в Восточной Германии?

— Точную цифру затрудняюсь назвать, но, думаю, тысяч пять…

— То-то! Ты что считаешь, пятью тысячами танков мы не подопрем берлинскую стену?..

Горбачев был не столь наивен и закостенел. Он не собирался подпирать жерлами танковых орудий берлинскую стену. Первый Президент Советского Союза хотел войти в историю, как разрушитель той самой стены.

И стена пала. Однако советские войска еще располагались в Восточной Германии, как и войска НАТО в Западной.

Газета «Тагесшпигель». Май 1990 года.

«В ходе переговоров с Р. Эппельманом представители СССР выразили готовность сократить в 2 раза численность советских войск в ГДР и довести ее до 200 тыс. человек».

Представители Министерства обороны СССР, высокопоставленные генералы придерживались еще более радикальной точки зрения. Так, начальник штаба ОВС Варшавского Договора генерал армии В. Лобов однозначно считал, что «советские войска должны находиться на территории Германии до тех пор, пока там остается американская группировка».

Эксперт ЦК КПСС по военным вопросам генерал Г. Батенин также высказывался за присутствие войск Советского Союза в Германии. Их численность, предлагал он, (как и численность американских войск) должна быть определена на основе венских соглашений и результатов совещания «Хельсинки-2».

Еще один ответственный работник Центрального Комитета, германист, будущий посол России в Берлине Валентин Коптельцев, выступая в немецкой печати, заявил: «Все 4 державы-победительницы имеют в отношении Германии равные права… Нельзя допустить, чтобы американцы оказались в более предпочтительном положении, чем русские».

Верные слова, что и говорить. Но к нашему несчастью, американцы имели иное мнение. Совершенно противоположное.

Агентство «Рейтер». Март 1990 года.

«Госсекретарь США Дж. Бейкер подверг критике прогнозы, согласно которым правительство объединенной Германии могло бы обратиться к США с просьбой о выводе американских войск. Куда вероятнее, что

русских попросят уйти».

Русским и вправду вскоре стали намекать, указывая на дверь. Так Председатель фракции ХДС/ХСС в бундестаге ФРГ А. Дреггер как-то заметил: «Нахождение советских войск на территории ГДР является «пережитком» и потеряло всякий смысл».

Возможно, господин А. Дреггер и был прав. Только вот не возьму в толк, если нахождение советских войск — пережиток, то нахождение американских войск — что? Ведь и те, и другие пришли сюда на правах победителей, и права эти, в соответствии с известными международными Договорами, совершенно одинаковы.

Так, может быть, прав читатель журнала «Шпигель», приславший в редакцию весьма интересное письмо-отклик на статью «Что делать с русскими?»

Вот его мнение: «Что делать с русскими? Тот же самый вопрос вы могли бы задать в отношении войск западных союзников, размещенных в ФРГ На нашей территории находятся почти 3 млн. 400 тысяч иностранных солдат, целая сеть военных объектов.

Иностранные войска у нас также располагают особыми правами, ограничивают суверенитет федеративной республики. Они наносят ущерб окружающей среде, занимают 100 тысяч квартир. Население страдает от полетов боевой авиации.

Когда политики и журналисты требуют немедленного вывода советских «оккупационных войск», одновременно настаивая на сохранении военного присутствия наших западных «друзей» вплоть до XXI века, это граничит с шизофренией».

Что ж, немецкий читатель «Шпигеля» дал исчерпывающий ответ на мой вопрос, а заодно ответил и господину А. Дреггеру.

Читаешь эти строки и, право же, становится не по себе. Кажется, что мир перевернулся вверх тормашками.

Немецкий обыватель думает так, как должен бы думать советский Президент. И кстати говоря, отстаивает свою точку зрения.

Советский же Президент, наоборот, согласен с мнением Председателя фракции ХДС/ХСС и поступает как ему советуют.

А может, все это и не так? Мир по-прежнему тот же. И Горбачев совсем не разделяет воззрения Дреггера. Но тогда почему он сам предлагает вывести Западную группу войск с территории Германии?

Подчеркиваю, сам. По существу, в одностороннем порядке.

Бытует распространенное мнение, якобы Д. Буш и Г Коль поставили М. Горбачева в такие жесткие рамки, что тому ничего не оставалось делать,

как согласиться на все невыгодные, «ущербные» для нас условия.

Думаю, что это не так. А подобное мнение — миф во спасение бездарной горбачевской политики.

Мы нередко пополняем свое воображение слухами, сплетнями, некими «достоверными фактами», полученными из «серьезных» источников. Но давайте обратимся к документам. Они, к счастью, есть. Вот книга М. Горбачева «Переговоры на высшем уровне. Секретные протоколы времен моего правления».

Не знаю, была ли она издана в России, но на берлинских прилавках я ее встречал.

В июле 1990 года Коль прилетел в Москву. И вот в ходе переговоров Горбачев доверительно рассказывает своему немецкому коллеге, как он поверг в недоумение Президента США Дж. Буша.

«В разговоре с Бушем я совершенно определенно заявил, что пребывание американских войск в Европе является стабилизирующим фактором».

Буш не поверил своим ушам! Он ждал борьбы. Тяжелой, упорной. И это было вполне объяснимо. Советский Союз не за океаном, его границы в непосредственной близости к Германии. Здесь, на плечах полков и дивизий Западной группы войск, зиждется безопасность великой державы.

И вдруг советский Президент не только дает «карт бланш» на нахождение в Германии американцев, но и делает беспрецедентное заявление: войска США являются стабилизирующим фактором в Европе.

«Для Буша, — признавался Горбачев, — такое откровение явилось полной неожиданностью»… Еще бы, не каждый день приходится воочию видеть, как советский Президент запросто «сдает» интересы своей страны. Опытнейший политик, проницательный, умный руководитель страны никак не мог взять в толк. И потому, как Свидетельствует сам Горбачев, выслушав тираду «архитектора перестройки», Буш «переспросил еще раз».

Оказалось, он не ослышался. Так, по-актерски, эффектно разрешилась труднейшая проблема современности — быть или не быть американским войскам в Европе.

Как объяснил все это Горбачев? «Наша позиция, — сказал он, — изменилась после анализа реальностей в мире».

Что же это за позиция руководителя сверхдержавы, которая меняется с легкостью необыкновенной?

И что же это за «изменившиеся реальности», которые дают право жертвовать интересами страны?

Еще вчера он наотрез отказывался видеть объединенную Германию в

НАТО, а сегодня с улыбкой ангела дал на это благословение…

Еще вчера горячо жаждал преобразовать Североатлантический союз из военной организации в политическую, да остановился на полпути…

Вчера неистово боролся за вывод ядерного оружия с территории ФРГ, но потом вдруг милостливо простил его присутствие под носом у собственной страны.

Но почему? Во имя чего?

«Коль получил объединение, а Горбачев — помощь, столь необходимую, чтобы выжить», — однажды с улыбкой с телеэкрана объяснил мне ведущий немецкого канала ЦДФ. И добавил: «Это и называется реалистической политикой».

Радио «Дойчландфунк».

Октябрь 1990 года.

«Как сообщил вчера в Осло представитель комитета по присуждению Нобелевской премии мира, лауреатом 1990 года станет Президент СССР М. Горбачев.

Канцлер Г. Коль и лидер немецких социал-демократов Х. — Й. Фогель первыми направили телеграммы, поздравляя М. Горбачева по случаю присуждения ему Нобелевской премии».

4

«Наши войска стоят в Германии, как напоминание немецкому государству о злодеяниях фашизма».

Говорят, именно эти слова произнесла «железная леди» Маргарет Тэтчер на встрече с Михаилом Горбачевым.

Был ли это совет или своего рода намек тогда еще достаточно молодому политику, или премьер-министр Англии высказала собственную точку зрения на проблему пребывания британских войск в Германии, трудно сказать. Но Горбачев, как оказалось позже, имел свое мнение. Уходить, и как можно быстрее.

Подтверждением сказанному могут служить все те же «секретные протоколы». Обратимся еще раз к ним. Право, они стоят этого.

Г. Коль? Я думаю, мы должны подписать специальный протокол об условиях пребывания советских войск в Германии.

М. Горбачев: Договор об условиях пребывания советских войск в течение 3–4 лет.

Г Коль: 3 или 4 года для меня не имеет значения. Но для вас это станет проблемой, потому что экономическая ситуации на тех территориях, где разместятся выведенные войска, изменится… Меня больше волнует вопрос, куда будут выведены войска, и что их там ожидает?

Наивный человек, этот канцлер Коль. Какие проблемы, какая экономическая ситуация? Его волнуют люди, советские люди… Куда они будут выведены, что их там ожидает?.. Детские вопросы.

Это офицеры бундесвера привыкли жить в особняках, а советские командиры и в палатках, бараках перебьются. Ну что с того, что холодно, что стены на полметра промерзают. Временные трудности.

Не знаю, так или примерно так, думал Горбачев тогда, в июле 1990 года на переговорах на высшем уровне в Москве. Но поступал именно так.

Чего стоит только одна фраза о «3–4 годах». До сих пор десятки военных специалистов и аналитиков ломают головы — почему именно 3–4 года, а не 5–6, или 7, как, к примеру, у американцев. В том же 1990 году Пентагон объявил о выводе 60 тысяч военнослужащих с территории Германии. На это планировалось 7 лет.

Срок, взятый Горбачевым «с потолка», оказался пагубным для войск группы. Нет, мы не уходили из Германии. Мы бежали. Собираясь наскоро, по пожарному.

Вины руководства ЗГВ, генералов и офицеров тут нет. Надо было, работали днем и ночью, без выходных и отдыха.

В Европе мало кто верил в горбачевские «3–4 года», считали их больше пропагандистским трюком, нежели реальным расчетом времени на вывод огромной группировки.

Вот свидетельство «Берлинер Морген пост». В августе 1990 года газета писала: «Р. Эппельман заявил, что не расчитывает на то, что советские войска смогут быть выведены с территории ГДР в течение 3–4 лет».

Сама логика жизни, взвешенный, профессиональный подход к выводу войск определял иные сроки. Может быть, вывести людей, вооружение и боеприпасы представлялось возможным и в те 3–4 года, как, собственно, и случилось. Однако переброска на Родину, выражаясь штабным языком, «живой силы и техники» лишь полдела.

Полки и дивизии увозили с собой десятки тяжелейших проблем, которые не решены до сих пор.

Вот почему министр обороны Франции Ж. П. Шовенман заявлял, что если правительство и примет решение о выводе национального военного контингента с территории Германии, насчитывающего 50 тысяч человек, то этот контингент покинет ФРГ не раньше, чем через 4 года.

Стало быть, у американцев — 60 тысяч за 7 лет, у французов — 50 тысяч за 4 года, а у нас более чем полмиллиона в те же 4 года.

Кто запихивал нас в прокрустово ложе «3–4 горбачевских лет»?

Никто, кроме Горбачева и его соратников. Находились, правда, и еще более горячие головы. Один из советников Президента СССР в те годы, позже посол России в Берлине, Валентин Коптельцев «советовал» своему шефу вывести войска из Германии и вовсе за 2–3 года. Об этом своем мнении он заявлял со страниц немецкой печати.

Какую же судьбу готовил «крупнейший советский германист» офицерам и прапорщикам, выведенным на Родину? Оказывается, все они «могли бы быть демобилизованными». Вот так, запросто, лучшие элитные войска, высочайшие профессионалы — командиры, инженеры, пилоты, одним махом, и на «дембель». Без жилья, без работы, без пенсии, без средств к существованию.

Что и говорить, удивительно трогательная забота об армейских кадрах.

Еще более «нетерпеливым» оказался другой советник Президента СССР В. Дашичев. Что же он шептал на ухо Горбачеву? Об этом Дашичев признался корреспонденту радио РИАС в октябре 1990 года. Он был за «немедленный вывод советских войск». Немедленный, и только. Да и

ножкой топнул, назвав «слишком долгим планируемый срок вывода».

Вот такие «нетерпеливые» советники окружали Президента. По их заявлениям можно судить о глубине знаний обстановки, реальных оценках своих политических шагов, а главное, о желании и заинтересованности решить дело в свою пользу.

Однако советники советниками, а решения принимал Президент.

И решение о выводе Западной группы войск принял он.

Оставим в покое досужие вымыслы о том, что Горбачева якобы заставили его принять. Теперь уже доподлинно известно: предложение о выводе советских войск стало такой же неожиданностью для канцлера Г. Коля, как и для всех нас. С тем только отличием, что мы узнали об этом значительно позже.

Вот свидетельство высокопоставленного чиновника министерства транспорта ФРГ, руководителя рабочей группы «Транспорт» с немецкой стороны, господина Цилеша. Он однажды рассказал изумленным советским офицерам, что в ходе визита Коля на Кавказ Горбачев и Шеварднадзе «без всякой предварительной проработки» вдруг предложили вывести Западную группу войск на Родину.

В 9.00 Цилеш получил задание за 24 часа произвести расчет транспортных расходов и в то же время следующего дня доложить его Колю.

«Для канцлера Коля и для нас это решение было полной неожиданностью», — признался он.

Через бундесвер Цилеш получил все исходные данные по Западной группе войск, а через министерство финансов составил калькуляцию расходов.

Таким образом, через сутки федеральный канцлер ФРГ уже владел предварительными расчетами.

А что же Горбачев и Шеварднадзе? У них ведь были не сутки для подготовки. Надо думать, их предложение подкреплялось полнейшей информацией по группе войск, ее людским и материальным ресурсам, серьезнейшими расчетами по выводу частей и соединений.

Когда размышляешь над этими проблемами, кажется, иначе и быть не должно. Ведь за такого рода государственными решениями судьбы сотен тысяч людей, необратимые геополитические и военно-стратегические изменения.

Но тогда почему одному из компетентнейших специалистов министерства транспорта ФРГ показалось, что случилось это «вдруг», «без предварительной проработки»?

«Вдруг» для кого? Для немцев? Даже в столь экстремальной ситуации, как мы видим, Коль быстро сориентировался и уже на следующее утро был готов предметно обсудить проблему с советской стороной.

Нет, и «вдруг», и «без проработки» — это стиль нашего руководства. Был назван произвольный срок вывода войск, а потом начался мучительный процесс «втискивания» в сверхсжатые сроки.

В мгновение ока наши бездарные руководители поставили Главкома группы, штаб, различные управления и службы во фронтовое положение. Никогда и нигде в мире в такие безумно короткие сроки не перевозили столь огромное количество материальных ценностей и личного состава.

Без особой натяжки можно сказать, что все годы вывода служба военных сообщений ЗГВ находилась на военном положении. Назову лишь одну цифру: в 1992 году из Германии было отправлено почти 100 тысяч железнодорожных вагонов. Мыслимо ли это в мирное время? Иное дело война. Но, оказывается, у нас когда и нет войны, ее надо придумать. Российский офицер не должен жить нормальной, человеческой жизнью. Только во имя чего?

Неужто во имя аплодисментов, которые так хотелось сорвать «вождям перестройки»? Да уж, воистину, богу — богово, а кесарю — кесарево…

Однако вернемся к тем дням, когда Горбачев ошарашил и поверг в неописуемый восторг канцлера Коля — русские уходят!

Понимает ли Президент СССР, что объявив об этом всему миру, приняв на себя односторонние обязательства без каких-либо предварительных условий, он становится заложником собственной инициативы? Теперь он связан по рукам и ногам своими же обязательствами. Обратной дороги нет. Но и дорога впереди — это не усыпанный розами путь победителя, но горькая тропа просителя, «побирушки с сумой»: подайте, Христа ради, на вывод войск, подайте на обустройство бедных российских офицеров.

Правда, оставалась еще надежда на «добрую волю» Запада, на соседей по «общеевропейскому дому», на их лояльность и понимание.

Нас понимали, и ключевую горбачевскую идею «общеевропейского дома» не отринули с порога, но что касается вывода войск, тут вышла заминка. А вскоре выяснилось: ни США, ни Англия, ни Франция вообще не собираются выводить свои воинские контингенты из Германии и разговор идет лишь об их сокращении.

Газета «Тагесшпигель».
Июнь 1990 года.

«Министр по делам Вооруженных Сил Великобритании А. Чамильтон, выступая в британской палате общин, сообщил, что английское правительство изучает вопрос о возможном сокращении численности Британской рейнской армии.

В то же время он подчеркнул: о полном выводе БРА с территории Германии не может идти и речи».

Газета «Тагесшпигель».

Декабрь 1990 года.

«Министр обороны Бельгии Г. Коэм, выступая перед журналистами в Брюсселе, сообщил о намерении своего правительства в период до 1995 года уменьшить численность группировки бельгийских войск в ФРГ».

Агентство «Ассошиэйтед Пресс».

Сентябрь 1990 года.

«Командование группировки Вооруженных Сил США в Европе официально сообщило премьер-министрам западногерманских земель Бавария, Баден-Вюртемберг, Рейнланд-Пфальц и Гессен о том, что в рамках запланированного сокращения численности американских войск на континенте до 1997 года с территории этих земель будут выведены 60 тысяч военнослужащих».

Вообще, с выводом американских войск связана большая и шумная кампания в прессе Германии. Вот лишь одно наиболее характерное мнение. Принадлежит оно газете «Берлинер моргенпост».

«Внезапный вывод американских войск из Западного Берлина невозможен прежде всего по экономическим причинам, — считает газета. По данным сената, т. н. «оккупационные расходы» федерального правительства составляют 700 млн. марок в год, 85 процентов из которых перечисляются на нужды Западного Берлина.

Для обеспечения размещенного в городе американского контингента привлечены около 5 тысяч немцев. Поспешный вывод будет означать потерю для них работы.»

Озабочен сенат, встревожены рядовые граждане. Но разве потерей работы грозит только вывод американских войск, а сколько лишатся ее в результате ухода советских частей? Подсчитывал кто-нибудь? Увы, пресса хранила гробовое молчание.

О потерях в Восточных землях напишут потом, через несколько лет, когда российские дивизии и армии ускоренным маршем покинут

Германию.

Газета «Берлинер цайтунг».

Декабрь 1993 года.

«Жители Фюрстенберга со смешанными чувствами наблюдали за выводом частей ЗГВ. С одной стороны, они испытывают облегчение, а с другой — обеспокоенность за свое будущее. Конечно, с уходом русских не стало беспокойных соседей, сократилось число краж и других мелких инцидентов. Одновременно резко упал оборот местной торговли, о чем сокрушаются владельцы многочисленных кафе и магазинов. Хозяин — колбасник с грустью вспоминает, что были времена, когда его поставки исчислялись тоннами. Сейчас производство мясных продуктов в городе резко сократилось.

Бургомистр Фюрстенберга Айманс вспоминает, что во времена пребывания русских даже пожарная охрана была более многочисленной. Это диктовалось необходимостью тушения лесных пожаров, возникающих по их вине. Сократилось и число занятых в различных строительных фирмах и учреждениях, сотрудничавших с ЗГВ. Безработица в городе достигла 22 процентов».

Однако, верю, с этими трудностями, как Фюрстенберг, так и вся объединенная Германия, справится. И да поможет ей Бог в этом благородном труде.

Что же касается Западной группы войск, то после принятия решения о ее выводе с 1990 года по август 1994-го она пережила достаточно потрясений. Тут и уход в никуда лучших дивизий, и свое «ускорение», и так называемый «нулевой» вариант, и дезертиры, и многое другое.

Все это было, было… Но главное, был вывод. Порою нечеловеческими усилиями, но неизменно четко и в соответствии с графиком.

Заканчивалось полувековое противостояние. Начинался великий исход.

Газета «Морген». Сентябрь 1990 года.

«Продолжается забастовка советских военнослужащих, проходивших службу в городе Бург. Она началась 22 августа. Они протестуют против вывода в Советский Союз, в г. Орджоникидзе. Там нет ни квартир, ни школ».

5

К концу 1990 года было проиграно все. Объединенная Германия входила в НАТО, и Североатлантический альянс не собирался превращаться в политическую организацию.

Ядерное оружие Запада по-прежнему размещалось на своих позициях, а бывшие союзники по антигитлеровской коалиции отказались полностью выводить войска.

Мы же выскакивали из собственных штанов: выведем войска из Германии в 3–4 года!

Помните-догоним и перегоним Америку! Ах, как это было похоже на хрущевское шапкозакидательство.

Выводить войска, но как? Путь эшелонов лежал через Польшу. К тому времени — далеко не лояльное к нам государство. «Панство» потирало руки, ожидая содрать три шкуры с бывшего друга и союзника за транзит воинских грузов.

Тревожило и другое — куда выводить? Почти через полвека, бросив благоустроенное жилье в Германии, двинуть в леса Белоруссии и степи Ставрополья. А в группе войск 60 процентов офицеров и прапорщиков без крыши над головой.

Опять же, что увозить? Ясно: боеприпасы, военное имущество, вооружение, технику, а недвижимость — жилые дома, казармы, парки, аэродромы, ангары, словом все, что построили за десятилетия? Как быть с этим?

3–4 года срок небольшой, но более чем пол-миллиону советских людей предстояло жить на территории объединенной Германии, нести на плечах тяжесть вывода войск. И это в совершенно новых политических условиях, иных, незнакомых рыночных отношениях, праве и законах, валюте.

Кто-то должен был ответить на эти многочисленные вопросы, развязать тугой узел проблем.

И действительно, попытка разрубить германский «гордиев узел» оказалось предпринятой. С сентября по ноябрь М. Горбачев и В. Терехов с советской стороны, Г Коль, Г — Д. Геншер, Т. Вайгель с немецкой, подписали пакет документов, регламентирующих весь спектр советско-германских отношений.

Первым был заключен Договор между ГДР, ФРГ, Великобританией,

США, СССР и Францией об окончательном урегулировании в отношении Германии, более известный в мире как Договор по формуле «2 плюс 4».

В пакет также вошло Соглашение о некоторых переходных мерах, Договор о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве между ФРГ и СССР, Договор о развитии широкомасштабного сотрудничества в области экономики, промышленности, науки и техники.

Основополагающим для Западной группы войск стал Договор об условиях временного пребывания и планомерного вывода советских войск с территории ФРГ.

Позже, в декабре 1992 года, когда Россия стала правопреемницей Советского Союза и взяла под свою юрисдикцию ЗГВ, было обнародовано Совместное заявление Президента Российской Федерации и канцлера ФРГ.

Оно и поставило последнюю законодательную точку.

Итак, политики сделали свое дело. Смолкли аплодисменты. Пора было приступать к беспрецедентной в истории человечества операции — выводу громадной военной группировки. Начиналась «черная», рутинная работа или, как зовут ее в войсках, «пахота».

Тогда и было спущено высокое соизволение «пахарям» заглянуть в «святцы», то есть Договора и Соглашения. Ахнули «пахари», да поздно. Уже на рубеже 1990–1991 годов стало ясно: принятый «германский пакет» документов — это крупнейший провал советской дипломатии. По своим последствиям я назвал бы его катастрофическим.

Прежде всего состоялось не воссоединение двух германских государств, как нам рассказывали сказки Горбачев, Шеварднадзе и их подручные, а аншлюс, то есть поглощение ГДР Федеративной Республикой.

Позже в российской печати появятся публикации, в которых резвые авторы лихо высмеивали политиков-«схоластов», якобы доводящих спор по германскому вопросу до абсурда. Мол, какая тут разница «2 плюс 4» или «4 плюс 2».

Оказывается, разница огромная. За этими формулировками судьбы тысяч немцев Восточной Германии. Тех немцев, которые безоглядно верили нам. Самых преданных наших друзей. Среди них партийные и государственные руководители, работники союза свободной немецкой молодежи, генералы, адмиралы, офицеры ННА ГДР, погранвойск, сотрудники правоохранительных органов, разведки и контрразведки.

Помнится, я был немало удивлен, услышав заявление Генерального прокурора ФРГ, сделанное им в Карлсруэ. Оказывается, господин фон Шталь собирался после 3 октября 1990 года арестовать всех, кто обвинялся в шпионаже в пользу ГДР.

Но как поступить с теми, кто шпионил в пользу ФРГ? Почему бы их не посадить на скамью подсудимых вместе с восточными «коллегами»? Ведь до воссоединения оба немецких государства были признаны мировым сообществом и являлись равноправными членами ООН.

Ответ на этот и многие другие весьма не простые вопросы уходит корнями в тот самый 1990 год, когда Э. Шеварднадзе дал «добро» германскому министру иностранных дел Г. — Д. Геншеру на аншлюс.

Говорят, что ехал он на переговоры с совсем иными предложениями Горбачева. Но… наплевал на указки своего патрона и, словно боясь опоздать, спешно предложил вариант «2 плюс 4».

А это означало: все согласования проходят между немцами, а потом с внутригерманским решением знакомятся четыре державы-победительницы.

Что это? Механическая перестановка цифр? Нет, кардинальное смещение интересов и приоритетов.

Такая «вольность» министра иностранных дел Советского Союза оказалась неприятной неожиданностью для Лондона и Парижа. Ведь англичане и французы в переговорах с нами настаивали на формуле «4 плюс 2». Она вполне отвечала четырехсторонней ответственности держав-победительниц за Германию. Но Шеварднадзе не посчитался ни с чьим мнением.

Более того, на очередной встрече министров иностранных дел шеф советского МИДа преподнес новый «подарок» бывшим союзникам. Он заявил, что договоренности по внутренним аспектам объединения Германии могут вступить в силу сейчас, без оглядки на Англию, Францию, США и, в первую очередь, СССР. То есть договорятся четыре державы-победительницы о погашении их прав и ответственности в отношении Германии, не договорятся, не имеет значения. Он, Шеварднадзе, дает старт аншлюсу.

Остается лишь сожалеть о случившемся. Как беспомощен был Шеварднадзе, когда следовало отстаивать интересы своей страны, и как широко и запросто распоряжался правами, завоеванными кровью и жизнями наших отцов, опытом и усилиями еще сталинских наркомов.

А советская пресса тем временем пела заздравную шефу МИДа. Восхищениям не было конца: ах, он ушел в отставку, эффектно предупредив о надвигающейся диктатуре! Ах, это настоящая сенсация!

Но сенсация, оказывается, родилась в ином месте, в центре Европы. Как «человек месяца», Шеварднадзе напишет в февральском номере популярного тогда «Огонька»:

«После 20 декабря 1990 года ко мне потоком идут письма и

телеграммы. Я не могу спокойно читать их, такие это свидетельства человечности. До спазм в горле, до перехвата дыхания волнуют меня выраженные в них чувства…»

И далее он перечисляет города, откуда приходят письма и телеграммы — Москва, Ленинград, Киев и даже из доселе неизвестных министру мест, таких как Рамонь, Тимошино, Мурмаши, Крапивино, Линево, Плавск, Омутнинск, Клинцы.

Не сомневаюсь в вашей искренности, дорогие москвичи и киевляне, рамоньчане и крапивинцы, линевцы и клинчане, и потому «до спазм в горле, до перехвата дыхания» хочу рассказать правду о вашем кумире.

А для этого вернемся к аншлюсу. Он успешно состоялся. Задумывался ли кто-нибудь, сколько судеб одним росчерком «безумного пера» поставили мы на грань катастрофы! Сколь велика трагедия этих людей?

Еще долгие годы будут болеть обманутые сердца восточных немцев, а преступное безразличие советских руководителей к ним станет отравлять атмосферу российско-германских отношений.

Конечно, найдутся люди, которые, прочитав эти строки, лишь вздохнут: нам ли печься о немцах? Они как-нибудь выберутся из своих проблем, а мы…

Так вот о нас, о тех самых 546 тысячах человек советских людей в составе группы войск в Германии. Как им дальше жить, служить определял тот самый Договор об условиях временного пребывания и планомерного вывода советских войск с территории ФРГ.

Помню, как один из генералов ЗГВ сказал мне однажды: «Сколько раз беру в руки Договор, столько раз его проклинаю».

А ведь и вправду, было за что проклинать. В 27 статьях и 4-х приложениях Договора редко где не ущемлены права российского человека.

Вот лишь один пример… В почте Главкома ЗГВ генерал-полковника Матвея Бурлакова были разные письма. Но это потрясало болью и безысходностью. Отец писал о гибели сына, офицера группы войск, в автомобильной катастрофе. Вместе с сыном погибла и невестка. Остался малолетний внук.

Через несколько месяцев от потрясений и горя умерла мать погибшего офицера. По существу, была погублена вся семья — остался дед с внуком-сиротой на руках.

По свидетельству немецкой полиции и военной автомобильной инспекции Западной группы войск, виновником всех несчастий оказался гражданин ФРГ.

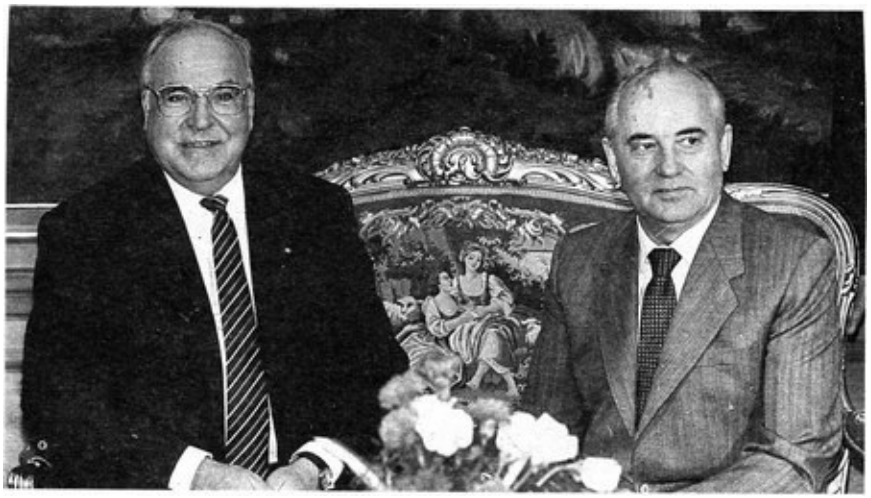
Потерявший семью, наш соотечественник спрашивал: в какие

судебные инстанции он может обратиться?

Помните, как в одном из рассказов Василия Шукшина дед отвечает рассерженной бабке, что она может жаловаться куда угодно, хоть в ООН. Так и отец офицера мог жаловаться хоть в Организацию Объединенных наций, однако толку от этой жалобы ровным счетом не было бы никакой.

Все, кто служил и работал в Западной группе войск, оказались совершенно бесправными. Словно и не люди они совсем, не граждане великой державы.

Ведь чтобы отцу погибшего офицера ЗГВ подать иск в немецкий суд, надо предварительно оплатить адвокатский гонорар (кстати говоря, немалый, поскольку профессия адвоката в ФРГ одна из самых высокооплачиваемых). И это, в соответствии с немецким правом, обязательное условие. Без участия адвоката, выступающего на стороне истца, ни один германский суд не примет дело к рассмотрению.



М. Горбачев и Г. Коль. В ходе этой встречи и решилась судьба ЗГВ.

Приходилось стоять и в таких очередях…

Матвей Бурлаков с внуком Матвеем. Май 1993 года.

Последний главком ЗГВ Матвей Бурлаков. Это он выводил

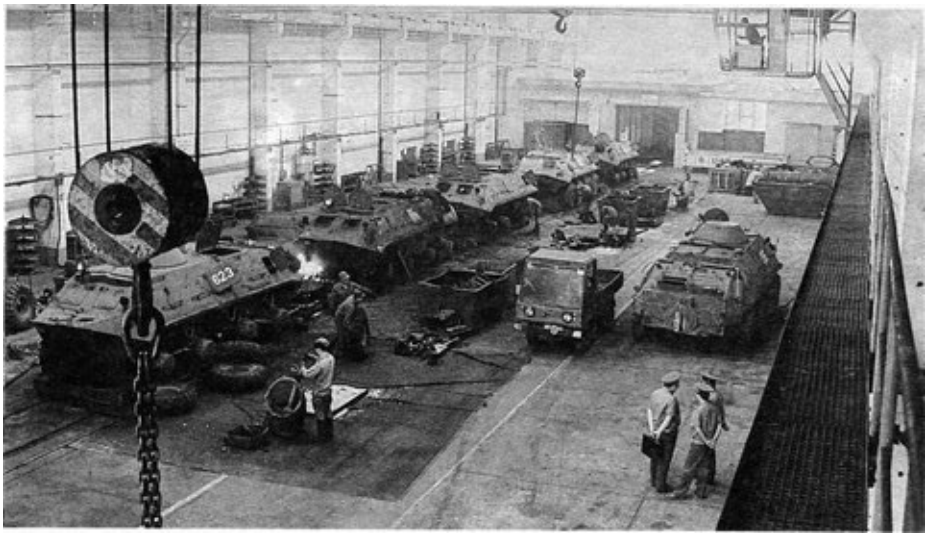
войска на Родину.

Продается наша слава. В центре Берлина.

Немецкие гости у КПП штабного городка Вюнсдорф.

Министр обороны П. Грачев и Главком ЗГВ М. Бурлаков. Вюнсдорф. Май 1994 года.

Несмотря на уплотненный график вывода группы, в ЗГВ шла упорная боевая учеба.



В одном из цехов базы ликвидации ЗГВ. Идет уничтожение легкой бронированной техники.

2-я танковая армия уходит из г. Фюрстенберг.

«Так провожали самолеты...»
г. Фалькенберг. ФРГ.

Дорога домой. Самолеты улетают на Родину.

Ожидание. На краю летного поля.

«Зачехленные домой уходят танки…» На станции погрузки перед отъездом в Россию.

На переправе в ЗГВ.

На переправе в ЗГВ.

Западную группу войск любили посещать высокие гости. Г. Бурбулис возлагает цветы в Трептов-парке.

По карману ли нам такие услуги? Увы, нет. Не говоря уже о десятках других проблем: как пробить визу, выехать за границу, опять же на какие деньги?

Но представим, что ситуация не столь трагична, и наш офицер с места автомобильной аварии доставлен в немецкую клинику. Одни сутки лечения стоят по нашим меркам огромных денег — 400–500 марок. Российские расценки могли вызвать лишь улыбку: 10 рублей за сутки лечения.

Или иной поворот. В военный суд надо вызвать свидетеля — очевидца преступления, немецкого гражданина. Случаев, когда возникала такая необходимость, было достаточно. В 1993 году каждый день против

российских граждан из состава ЗГВ совершалось, как минимум, три противоправных действия. Наших соотечественников били, калечили, а иногда и убивали.

Однако суды ЗГВ не спешили приглашать немцев в свидетели. Почему? А потому, что всего лишь 30-минутное пребывание такого свидетеля на судебном заседании обходилось казне Западной группы в среднем в полтысячи марок. Немцы умеют считать деньги. И в счет вносилось буквально все: время отсутствия на работе, стоимость бензина на дорогу, амортизационные затраты на эксплуатацию машины и т. д.!

Ну а если в немецкий суд вызывался военнослужащий ЗГВ? Тут совсем иное дело. Выделялась служебная автомашина, вместе со свидетелем ехал старший машины, переводчик. Все служебные заботы откладывались назавтра. А какова компенсация? Да никакой.

И это не потому, что «наше государство богатое». Просто жизненные ситуации, в которые попадали тысячи офицеров и служащих Западной группы, были упущены составителями Договора. А значит, полмиллиона советских людей оказались в рабском, униженном положении.

Я неспроста при анализе договорно-правовой базы двух стран — ФРГ и СССР особое внимание уделяю частностям. На первый взгляд «мелким», проходным, незаметным… Случилось то, чего не должно было случиться: наши политики, подчеркну, не коммунистические, а демократические политики, опять не заметили человека.

А ведь Э. Шеварднадзе в советской прессе убеждал нас: «…Жизнь и судьба человека, положение личности — та самая малая, но главная «единица измерения» на шкале политики».

Смею не поверить Эдуарду Амвросиевичу. Увы, «жизнь, судьба человека» остается малой, но никак не главной заботой таких, как бывший шеф союзного МИДа. Тут уж по какой шкале не мерь.

Однако, по воле Горбачева и Шеварднадзе, ущемленным оказался не только конкретный офицер, солдат, рабочий и служащий, но вся группа войск, а значит, и государство.

Ведь, согласно советско-германским договоренностям, правительство ФРГ вносит в так называемый переходный фонд на содержание ЗГВ 3 млрд. марок, а также предоставляет нашей стране беспроцентный кредит на эти же цели.

Надо отдать должное, немцы выполняли свои обязательства исключительно пунктуально.

Что же касается группы войск, то она постоянно несла потери.

Почему? Да очень просто. Сумма переходного фонда строго

фиксирована — 3 миллиарда, и ни пфеннинга больше. Но ведь уже тогда, в 1990 году, когда подписывались документы, было очевидно — рост цен в новых землях Германии неизбежен. Так и получилось. За три года с 1990 по 1993 годы стоимость электроэнергии увеличилась в среднем на 21–26 процентов, питьевой воды на 12–14 процентов, газа — на 20–75 процентов. И, как результат, — «дипломатическая близорукость» обернулась для Западной группы войск дополнительными расходами в 150 миллионов немецких марок.

Главнокомандующий группой, финансовая служба, квартирно-эксплуатационное управление три года боролись за пересмотр расчетов по коммунальным услугам. Немцы пошли навстречу, но время, а вместе с ним и деньги, были потеряны.

С кого сегодня спросить за пущенные на ветер миллионы? С Горбачева, с Шеварднадзе? Жизни не хватит им, чтобы рассчитаться.

Понимаю, всего наперед не предусмотришь. Но смотреть лучше бы на месте, а не из Москвы, где и готовились все документы, откуда привлекались эксперты.

Теперь нередко приходится слышать, мол, и опыта у нас не было, и специалистов.

Ложь. И опыт был, и специалисты. Из Москвы в группу войск следовало прислать, пожалуй, только юристов, знатоков международного права да экологов. Их как раз и не хватало. Остальные нашлись бы и в ЗГВ. Как, собственно, и случилось, когда все проблемы были взвалены на плечи самой группы войск.

Однако к разработке Договоров и Соглашений местных «спецов» не подпустили. В одном из интервью я поинтересовался у Главкома группы генерала Матвея Бурлакова, советовались ли с ним, когда Москва выступила с инициативой «паушального», или «нулевого» варианта, связанного с российской недвижимостью.

Оказалось, даже с ним, человеком, безусловно, компетентным и знающим, не соизволили посоветоваться. Что уж говорить о его подчиненных.

А ведь и подчиненные могли бы предложить немало дельного.

Во сколько, например, обойдется казне передислокация одного батальона внутри группы войск? Эту цифру мог бы назвать любой офицер-финансист. Но увы, его никто не спрашивал. Хотя немцы никогда и не скрывали, что будут обращаться с просьбами о передислокации наших частей. Что ж, пойти навстречу нужно, но за чей счет? Оказывается, за наш, российский. Но почему? Да потому, что в подписанном Договоре об этом

ни слова.

Опять махнем рукой, мол, мелочь. Как сказать? Батальон, переведенный из Лейпцига в город Ощац стоил российской казне 200 тысяч немецких марок. Всего же внутри группы войск было передислоцировано 174 воинских части. Считайте, сколько мы не построили квартир для бездомных офицеров из-за головотяпства советских дипломатов.

И так какую статью Договора ни возьми. Просчеты, провалы… И ущерб, постоянный ущерб, нанесенный советской, а позже и российской стороне.

Вот статья седьмая. Порядок деятельности авиации советских войск. Казалось бы, уж тут не на чем терять. Ан, нет. В соответствии с этой статьей ночные полеты нашей авиации запрещались с 15 апреля по 15 октября, то есть в самое лучшее, плодотворное время для боевой учебы.

Правда, пилоты бундесвера в этот период не очень заботились о спокойствии своих граждан, они летали, как прежде. Ибо понимали — самолет не мотоколяска, летчики не могут не летать.

В отличие от Горбачева с Шеварднадзе, понимали это и в наших ВВС. И потому принимали экстренные меры — перегоняли из Германии самолеты, вспомогательную технику, завозили запасные части, топливо, продовольствие.

Летали в Россию летчики, техники. Через две недели их сменяла другая группа. И так все полгода.

Сколько сил, денег уходило на это, но, как говорят в народе, что написано пером, не вырубить и топором. А еще — семь раз отмерь… Только кто же у нас мерит?..

6

Перед назначением на должность Главкома Западной группы войск, генерала Матвея Бурлакова представили Горбачеву. На декабрьском Пленуме ЦК, в перерыве, Министр обороны Маршал Язов, улучив момент, доложил Генеральному.

Горбачев стал пространно говорить о важности поста Главнокомандующего группой, звучали напутственные дежурные фразы, но вот одна из них запомнилась Бурлакову. Генсек дважды повторил: наша недвижимость в Германии оценивается в 30 миллиардов немецких марок и реализовать ее надо по уму.

Подошел Председатель Совета Министров Рыжков, с интересом поддержал разговор. Сказал, что проблемы группы войск надо решать на правительственном уровне, обещал помочь.

Окрыленный напутствием первых лиц государства, Бурлаков улетел в Германию. А вскоре пришла «помощь», обещанная Рыжковым. Совмин принял постановление и образовал правительственные комиссии. Правда, Главкому ЗГВ была отведена скромная роль уполномоченного по выводу, ну и соответственно пост Председателя Советской части смешанной советско-германской комиссии по урегулированию спорных вопросов.

Основные комиссии возглавляли министры, заместители министров, председатели союзных комитетов.

Так, комиссией по экономическому и научно-техническому сотрудничеству было предписано руководить самому академику С. Ситаряну, заместителю Председателя Совмина.

Вопросами имущества советских войск в Германии предстояло заняться советско-германской комиссии во главе с министром внешних экономических связей К. Катушевым.

Совместным управленческим комитетом по осуществлению специальной программы жилищного строительства для выводимых войск руководил замминистра обороны, генерал армии К. Кочетов. А у него в «подручных» ходили еще три замминистра — обороны, ВЭС и Госстроя.

Даже совместной рабочей группой по переподготовке уволенных в запас военнослужащих «правили» чиновники в ранге первых замов — Ф. Коврига, первый зам. Председателя Госкомтруда СССР и В. Перегудов, первый зам. Председателя Гособразования СССР.

Что и говорить, состав «правительственного десанта» в Германию был

весьма представителен.

Правда, и работа им предстояла нелегкая. Имея по существу «минусовую» договорно-правовую базу, трудно было рассчитывать на успех. От полного провала их могла уберечь только продуктивная, высокопрофессиональная деятельность.

Однако, судя по всему, крупные, влиятельные чиновники не за тем влезали в состав комиссий, чтобы, приехав в Германию, немедля впрягаться в хомут. Немецкая земля хлебосольна и благодатна, если у тебя есть деньги. А деньги, право же, были, и немалые. 200 миллионов дойч-марок отпустило Правительство ФРГ на программу переподготовки военнослужащих. 200 миллионов! Подумать только, какая радость для Ковриги и Перегудова.

И «потекли» командировки в Германию, почаще да сроком подольше. А как же, надо изучить страну, обычаи, вкусить старинной немецкой кухни, познать германский характер, а уж потом и за работу.

Для более «удобного» познания обычаев, страны и кухни Коврига и Перегудов приобрели автомобиль «Мерседес», всего лишь за 60 тысяч марок.

Какая мелочь 60 тысяч, когда в кармане 200 миллионов…

К счастью, немцы оказались не столь наивными и деньги, отпущенные на переподготовку, решили использовать по назначению. Руководство банка «Кредитанштальт фюр Видерауфбау», заподозрив неладное, остановило финансирование до представления концепции переподготовки.

Неприятный инцидент, только вот уж невидаль, концепция. В недрах Госкомтруда и Гособразования спешно «склепали» некий проект. В основу его была положена грандиозная идея приспособления некоторых профтехучилищ для переподготовки офицеров.

Чему же хотели обучать в приспособленных ПТУ бывших комбатов и командиров полков, ведущих инженеров, летчиков, имеющих за спиной, как правило, академическое образование? Первичным рабочим профессиям.

Ну как тут не вспомнить незабвенного Никиту Хрущева, устроившего настоящий «погром» армии и флота. Ведь это же он, увольняя без пенсии, крыши над головой и средств к существованию, звал генералов и офицеров в маляры, слесари, но чаще — в свинари.

Неужто и вправду не найти лучшего применения знаниям и многолетнему опыту этих людей.

Потом, когда рухнет Советский Союз и уйдут в небытие «перегудовы» и «ковриги», а в России будет развернута система учебных центров по

переподготовке, этот случай мне расскажет полковник Юрий Кириллов. К ним, в управление учебных центров, обратится всемирно известная фирма «Марс».

Она предложит за счет фирмы организовать обучение нескольких десятков отставных офицеров в Америке. По возвращении, «Марс» гарантировал каждому выпускнику место начальника смены на кондитерском комбинате, введенном в строй в Подмосковье, и отдельный коттедж для проживания.

Поверьте, желающих поучиться в США и отхватить особняк недалече от столицы было более чем достаточно. Но фирма отвергла с порога многих соискателей. Ей нужны были офицеры и только офицеры.

Интересный случай. Несколько странный для высоких интеллектуалов, глядящих на армию, как на сборище «солдафонов», но что поделаешь… У аналитиков-интеллектуалов «Марса» свой взгляд на нашу армию.

А тогда, в 1991 году, вояжи высоких чиновников из Госкомтруда и Гособразования прервал неожиданно грянувший путч. И только в сентябре, после беседы Главкома ЗГВ с вице-премьером правительства России А. Шохиным, проблема была решена.

Эту работу в группе возглавил молодой, энергичный генерал В. Харсеев. С небольшой группой сотрудников он смог привлечь для переподготовки крупные немецкие фирмы, академии. Они обучали военнослужащих менеджменту и маркетингу, финансовому и банковскому делу, организации работы малых предприятий, освоению персонального компьютера.

Около 13 тысяч человек обрели в ЗГВ гражданские профессии.

Другая советско-германская комиссия, громко названная комиссией по экономическому и научно-техническому сотрудничеству, имела на выходе нулевой результат. Не помогли ни академическое звание, ни должность зампреда Совмина, ни «высокие кресла» его заместителей.

В более бюрократических проволочках утонула идея создания объединенного центра по ремонту вертолетов советского производства. А база для этого была — прекрасно оснащенные вертолеторемонтные предприятия ЗГВ.

Осталось нереализованным предложение об открытии совместного завода по переоборудованию легковых машин для инвалидов.

А попытка организовать СП на базе танко-ремонтного завода Западной группы войск в Лейпциге фирмой «Конверсия-жилье» выросла в крупный скандал. Эту фирму едкие на язык журналисты теперь иначе и не называют,

как «Конверсия-жулье».

По существу, провалом закончилась и деятельность комиссии по вопросам имущества на территории Германии. Несколько месяцев шло согласование статей Договора. Отсутствовала четкая концепция подхода к проблеме реализации недвижимости. Продолжались пустые, безрезультатные заседания.

Катушевская комиссия так и «умерла», не успев согласовать важнейшую 9 статью Договора.

В начале 1992 года ее сменила российская комиссия, во главе с министром Е. Араповым. Работа этой комиссии закончилась подписанием Совместного заявления Президента России и канцлера ФРГ 16 декабря, по которому мы передавали все свое имущество немецким властям без взаимных претензий.

Право же, бесславный конец высоких правительственных комиссий… А проблемы? Они остались на плечах тех, кому в конце 1990 года родное советское Правительство не доверяло. На плечах Главкома, генералов, офицеров Западной группы войск.

Что же касается высоких чиновников из министерств, то читаешь документы, анализируешь их «бурную» деятельность и диву даешься: откуда они, где родились, какая мать вскормила их? Может, и не россияне они вовсе, и выросли на другом, далеком «сладком» континенте, и интересы, богатства Родины им безразличны. Будут ли они удачно, с выгодой проданы, просто отданы ни за грош или, хуже того, разворованы, промотаны — наплевать… Наплевать!..

Манкурты… Иного имени для этих людей не подобрать. Мы думаем, ломаем голову, как нам обустроить Россию. Манкурты — люди без памяти, без Родины, думают, как им обустроить себя.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Иваны, не помнящие родства.
Неизвестное государство.
На выводе не было друзей.
Купите, господин, аэродром.
Дырка от бублика.
Приезжайте в гости к нам.

1

Недавно узнал: написана и вскоре будет представлена лучшим умам Пентагона докторская диссертация. Ну а нам то что до ученых изысканий военного ведомства США? Ровным счетом ничего, если бы речь не шла о нас с вами, о нашей истории, точнее, истории группы советских войск в Германии.

Да, да, тема претендента на докторскую степень именно так и звучит — история ГСВГ.

Что ж, впору радоваться успехам американских коллег, ведь мы за 50 лет не успели написать эту самую историю.

Не успели… Не смогли… Теперь американцы будут знать нашу историю лучше нас. Горько. Выходит, мы и есть те Иваны, не помнящие родства?

Да, смею утверждать, что это так. Недавно с экрана телевидения, вещающего миллионам людей, услышал:

«Германия стала благодатным полем для взращивания генеральских амбиций.

И сегодня достаточно ясно, что настоящей причиной нашего затянувшегося военного присутствия в Германии была не угроза возрождения милитаризма в ФРГ, не противостояние войскам НАТО…»

Прерву цитату автора, вещающего за кадром. В тот момент я сам задал себе вопрос: что же? Действительно, что было причиной нашего полувекового стояния в Восточной Германии? Может, тележурналист студии «Аты-баты» поднял новые неизвестные пласты истории, и вот сейчас, на моих глазах состоится историческое открытие.

И оно состоялось. Телевидение после этой передачи не извинилось перед зрителями, а тележурналист (я специально интересовался) не был уволен с работы за клевету на собственную историю.

Оказывается, единственной причиной военного присутствия советских войск в Германии стали «кровные интересы нашей генеральской элиты».

Вот так мы сволочим и поганим собственную историю. Не успевший остыть от обильных водочных возлияний в Западной группе войск, журналист бросается к экрану и сообщает миру «открытие». И уж «генеральским интересам» отводится величайшая роль творцов истории. Думаю, что в Пентагоне, на защите докторской диссертации прозвучат иные обоснования нашего полувекового противостояния.

Попытаемся же и мы заглянуть в историю пребывания советских войск в Германии. Может, это убережет нас от убогих «телевизионных открытий».

С чего начиналась группа? Сначала ГСОВГ — группа советских оккупационных войск в Германии, позже просто ГСВГ — группа советских войск в Германии, и наконец, ЗГВ — Западная группа войск?

Думаю, из всего многообразия памятных дат и событий того времени следует выбрать два.

5 июня 1945 года правительства СССР, США, Великобритании и Франции опубликовали совместную декларацию об осуществлении верховной власти в Германии командующими союзными войсками.

А 9 июня Главноначальствующий Советской Военной Администрации — Главнокомандующий Советскими оккупационными войсками в Германии, Маршал Советского Союза Г. К. Жуков подписал приказ № 1 об организации военной администрации по управлению советской зоной оккупации.

Эту дату принято считать днем рождения группы войск в Германии.

Чем были заполнены первые дни, недели, месяцы вновь созданной группировки? Местью, грабежами, кровавыми разборками? Сколько раз так уже было в истории. Не в далекой, столетней, — в недавней, когда фашистские войска входили в советские города и села — жгли, убивали, насиловали.

Нет, офицеры и солдаты ГСОВГ не мстили немецкому народу за 27 миллионов погубленных жизней своих братьев и сестер, за треть уничтоженного национального богатства страны, за 10,5 тысяч концлагерей.

Война закончилась. Группу войск, ее первого Главкома Маршала Жукова заботила судьба 2,5 миллионов жителей Берлина и 480 тысяч пленных.

Потому первыми законодательными актами советского командования стали постановления: «О снабжении продовольствием немецкого населения в Берлине», «О восстановлении и обеспечении нормальной работы коммунального хозяйства Берлина», «О снабжении молоком немецких детей Берлина».

Это невозможно вычеркнуть из истории: снабжение молоком немецких детей. Моим старшим братьям в июне 1945-го было шесть и пять лет. Они не знали вкуса молока. Да и откуда, какие коровы на выжженной, бездыханной смоленской земле? Скот еще в сорок первом вывезли в Германию. Лепешки с отрубями сорок пятого года помнят братья мои.

Рассказывают, тошнило от них крепко, да еще сильнее хотелось есть.

Данные военной комендатуры Берлина свидетельствуют о том, что с 10 мая по 1 августа 1945 года жители города получили: муки — 58 771,2 т., крупы — 11 015,9 т., мяса — 8199,6 т., картофеля 97 589,6 т… И дальше следует список продуктов — жиры, сахар, чай, кофе натуральный, кофе суррогат…

В одном из документов Советской военной администрации говорилось: «Выдачу хлеба населению города Берлина производить ежедневно, предоставив право потребителям получать хлеб сразу на два дня…»

А хлеб этот, между прочим, был прислан из страны, жестоко пострадавшей от фашизма.

Распределением продуктов и занимались военные только что созданной группы войск.

А еще они налаживали разрушенное хозяйство Германии, пахали землю. Да, да, разминировали пахотные поля, помогали немецким крестьянам отремонтировать посевной инвентарь и пахали, сеяли, где на оставшихся от войны тракторах, а где на… советских танках.

Врачи группы советских оккупационных войск боролись с эпидемиями дизентерии и тифа. Медикаментов в городе не оказалось. Их доставили в Берлин советские солдаты, а городскую фармацевтическую промышленность обеспечили сырьем.

Таким было рождение группы войск в Германии — мирным и хлебным. И право же, грешно об этом забывать.

Лучшие армии и дивизии трех прославленных фронтов: Жукова, Рокоссовского и Конева вошли в состав группы. Управление сформировали на базе штаба 1-го Белорусского фронта, и расположилось оно в Потсдаме, рядом с любимым детищем Фридриха Великого — замком и удивительным по красоте парком Сан-Суси.

Позже штаб группы переедет в старое гнездо Вермахта — местечко Вюнсдорф, где некогда в подземных бункерах располагался Главкомат Сухопутных войск. Здесь зрели замыслы захвата Европы, здесь были проведены первые военные игры для проработки зловещего плана «Барбаросса». Вюнсдорф почти на полстолетия станет столицей советских войск в Германии.

1-я танковая армия расквартировалась в Дрездене, 2-я танковая — ушла в Фюрстенберг, 3-я — в Магдебург, 4-я, которую переименуют в 20-ю общевойсковую, — в Эберсвальде.

Прославленная сталинградская армия Чуйкова, переломившая хребет

Паулюсу, стала в Норе, в Тюрингии.

Самая большая авиационная группировка — 16-я воздушная армия. На языке Геринга, «Западный воздушный флот» разместил свои 30 полков во всех землях Восточной Г ермании.

Интересно и то, что в составе группы было военно-морское объединение — Краснознаменная, ордена Ушакова Днепровская флотилия, которая комплектовалась из трех бригад речных кораблей.

Командовали этими объединениями и соединениями прославленные герои войны: Маршалы Михаил Катуков, Сергей Руденко, генералы Дмитрий Лелюшенко, Семен Богданов, Николай Берзарин.

Символично, что первым Главкомом группы был величайший полководец нашего времени Маршал Георгий Жуков. В марте 1946 года в руководство группой вступил Василий Соколовский. Потом пришли Василий Чуйков, Андрей Гречко, Матвей Захаров, Иван Якубовский, Иван Конев, Петр Кошевой…

На рубеже 60-х-70-х годов их сменили более молодые — Виктор Куликов, Семен Куркоткин, Евгений Ивановский, Михаил Зайцев, Петр Лушев, Валерий Беликов, Боре Снетков.

В войну они еще не командовали фронтами, армиями, дивизиями, но поднимали в бой батальоны, роты. Имели ранения, боевые ордена.

Последним Главкомом группы стал Матвей Бурлаков. Он оказался первым не воевавшим. Войну встретил мальчишкой, проводил на фронт отца, да так и не дождался обратно. Погиб боец Прокопий Бурлаков в сорок первом, в самом начале войны под Ленинградом.

Управление группой войск в Германии, этим поистине феноменальным образованием, не имеющим аналогов в мире, всегда считалось высшим эталоном военной, государственной, дипломатической зрелости военачальника.

Отсюда путь лежал в Министры Обороны (Маршалы Г Жуков и А. Гречко), в начальники Генерального штаба (Маршалы М. Захаров и В. Куликов), в Главнокомандующие объединенными Вооруженными Силами Варшавского Договора (Маршал И. Якубовский и генерал армии П. Лушев).

Случалось, в высшие эшелоны военной власти выходили и те, кто командовал в составе группы объединениями, соединениями. Так было с Маршалом В. Огарковым и генералом армии М. Моисеевым, которые в свое время возглавляли в ГСВГ дивизии, а позже пришли к управлению Генеральным штабом Вооруженных Сил.

Августовский путч 1991 года перепутал всю строгую, отработанную

десятилетиями иерархию движения военных чинов. Неожиданно для всех Министром обороны СССР стал авиатор, бывший командующий 16 воздушной армией ГСВГ, потом Главком ВВС, Маршал Е. Шапошников.

Все остальные, кто стоял у руля группы, назначались заместителями Министра обороны, Главкомами видов Вооруженных Сил, направлений.

Не повезло только двоим. В должности Главкома ГСВГ умер Валерий Беликов, да горбачевским указом отправлен на пенсию Борис Снетков.

О жизни, боевом пути многих Главкомов группы написаны книги, кое-кто и сам подготовил и издал мемуары. Почти все они, может быть за исключением «Воспоминаний и размышлений» Жукова, вряд ли могут претендовать на объективность портрета военачальника.

Помню, мой отец, фронтовик, знающий войну не понаслышке, прочитав очередную мемуарную книжку, усмехаясь спрашивал, показывая на фотографию очередного маршала: «Куда ж его теперь? В божницу поставить, да молиться…»

Теперь уже, наверное, никто не создаст реальный и правдивый портрет Маршалов Василия Чуйкова или Андрея Гречко, Ивана Конева или Петра Кошевого. Ушли современники, носители правды.

А ведь хотелось бы, чтобы дети наши и внуки, изучая историю войны, видели в Маршале Жукове не только жесткого, а порой и жестокого военачальника (а именно такой образ полководца создали писатели и кинематографисты), но и человека весьма ранимого, с душой открытой добру и вниманию.

Представьте себе ноябрь 1945 года. Маршал Георгий Жуков — легендарный полководец, спаситель Европы в зените славы и чинов, пишет письмо английскому фельдмаршалу Монтгомери.

О чем это письмо? О значении Победы, о многочисленных заботах Главноначальствующего Советской военной администрацией? Нет.

О судьбах двух молодых советских парней Андрея Беспалико и Николая Ковриги, которые совершили преступление против немцев и были приговорены английским судом к смертной казни.

«Я хочу просить Вас, господин фельдмаршал, — пишет Жуков, — обратить внимание на чрезмерно суровый приговор суда.

Осужденным Беспалико Андрею в настоящий момент двадцать лет, а Ковриге Николаю — восемнадцать лет. К началу вторжения немецкой армии на территорию Советского Союза Беспалико был шестнадцать лет, а Ковриге — четырнадцать лет.

Физическое и духовное формирование их, как достойных и добропорядочных граждан, протекало в период тяжелой оккупации

гитлеровцами районов, где они росли и родились, проводимой на их глазах… политики истребления мирного населения, а затем уже на территории самой Германии, куда они были увезены в качестве рабов. Это не могло не сказаться на психологии этих несформировавшихся молодых людей, возненавидевших немцев.

Осужденный Ковриго, имея пятнадцать лет от роду, добровольно ушел на фронт защищать честь и достоинство своей Родины, был ранен, взят в плен. Трижды бежал из немецких лагерей, пока, наконец, не попал в штрафной лагерь, откуда был освобожден нашими уважаемыми союзниками по оружию.

Этих тяжелых обстоятельств, в которых обвиняемые находились, росли и воспитывались, суд не учел, поэтому вынес им такую суровую кару — смертную казнь».

Дальше Жуков говорит, что он верит в этих молодых людей, из них вырастут достойные граждане, полезные для общества. И потому обращается к Монтгомери с покорнейшей просьбой: смягчить участь осужденных, заменив смертную казнь на срок отбывания в тюрьме.

Право же, эти строки читаешь со спазмом в горле. Великий Маршал молит о спасении двух молодых душ. Но ведь он посылал на смерть тысячи. Посылал. Как требовала того страшная военная необходимость. Иного пути у него просто не было. Не изобрело человечество другого пути к победе и спасению.

Но без этой трагической надобности полководец не желал сгубить ни одного человека, ни единой души.

Увы, были во главе группы и люди с совершенно противоположными принципами.

Мне рассказывали как-то ветераны-авиаторы дикий случай, в который и поверить-то трудно.

На Сандомирском плацдарме переправу через Вислу охраняли наши летчики. Приказ Командующего фронтом Маршала Ивана Конева был таков — не допустить к переправе немецкие бомбардировщики.

В одном из налетов под натиском наших «ястребков» «юнкерсы» стали беспорядочно сбрасывать бомбы и уходить. Несколько бомб упало у переправы, сорвало один или два понтона и их унесло течением.

Комендант в панике доложил Коневу о том, что переправа разбита немецкой авиацией.

Не разобравшись, командующий фронтом приказал расстрелять летчиков дежурной эскадрильи.

И уже привели шестерых пилотов, сняли с них ремни, сорвали погоны.

До «вышки» оставался один шаг.

За подчиненных вступился Главком ВВС Новиков. С облета переправы вернулся заместитель командира авиационной дивизии Еремин и доложил — переправа цела, исправно действует.

Но Конев закусил удила. Опьяненный безграничной властью, он стоял на своем: расстрелять. Расстрелять просто так, ни за что, раз сказал «великий полководец» Конев.

Кто мог отменить приказ комфронта? Только Верховный. Новиков бросился к аппарату. Сталин подозвал к телефону Конева, а тот: «Вам наврали, товарищ Сталин».

Но Коба велел отпустить летчиков.

Нечеловеческий, по своей дикости, случай. А ведь немало лестного читал о Коневе. Экий он был отзывчивый, чуткий к подчиненным. Историю эту услышал почти в сорокалетнем возрасте, а должен был знать лет на двадцать раньше, когда сам стал солдатом, потом курсантом, лейтенантом.

Сколь радужны были мои ожидания, и сколь печальна встреча с реальностью — с матерщиной и бранью, с барством и презрением к младшему по званию.

Увы, многие, вылезая в высокие чины, напрочь забывают откуда вышли сами.

Ведь Конева самого чуть не расстреляли под Москвой. Спас его Жуков. Но сколь коротка и амбициозна маршальская память.

Что поделаешь, как ни горько в этом признаваться, командовали группой войск и такие «полководцы». Надо думать, не всегда самые лучшие, самые честные, самые человечные.

Но это что касается руководителей, а если говорить о группе войск, то время уже признало неоспоримый факт — ГСОВГ, ГСВГ, ЗГВ была мощнейшей военной группировкой в мире.

Но мало кто знает, что ее история — это история не наращивания, а постоянного сокращения и, наконец, полного вывода войск.

Началось оно, по существу, с первых месяцев деятельности группы. Из советской оккупационной зоны были выведены две армии — 5-я ударная и 47-я, несколько корпусов, 50 дивизий.

В середине 60-х годов оказалась расформированной 18-я гвардейская армия. В конце 70-х годов, в соответствии с советской мирной инициативой, с территории ГДР вышли на Родину несколько дивизий.

И наконец, последний этап. 1990 год, односторонняя «горбачевская» инициатива полного вывода Западной группы войск.

В последние годы сокращают свои воинские контингенты в Г ермании и США, Великобритания, Франция. За 1992–1993 годы вместе взятые они вывели 3 дивизии, в то время как в Россию возвратилось 13 дивизий.

После завершения вывода на территории ФРГ остается армейский корпус и дивизия США, по одной бригаде Великобритании и Франции.

Однако будем справедливы — история группы войск — не улыбки из-за берлинской стены. Это прежде всего десятилетия «холодной войны» и напряженности.

Германия в планах американского штаба проходила под кодовым названием «серая земля».

В страхе перед армадой советских танков НАТО понарыло вдоль границы колодцы, оснастив их ядерными боеприпасами.

Взгляните на карту немецкого государства. С той и с другой стороны больше тысячи военных гарнизонов, не считая баз, складов, аэродромов. Германия, будто вечный солдат, вдоль и поперек перепоясана бетонными стенами военных объектов.

Сейчас много суждений, следовало ли держать столько войск в Германии. Мой ответ, наверняка, не удовлетворит скептиков и потому сошлюсь на мнение Ф. Карлуччи, который в бытность свою Министром обороны США докладывал Президенту и конгрессу: «Наличие крупных обычных сил и потенциала ядерного устрашения предотвращали войну между сверхдержавами в течение более 40 лет».

Да, в почти полувековой истории группы войск были разные страницы.

Тяжелое, взрывоопасное противостояние двух военных союзов, восстание немцев в 1953 году, блокирование границы ГДР с Западным Берлином, вхождение нескольких дивизий из состава ГСВГ в Чехословакию в 1968-ом.

Но самый страшный для войск Советского Союза в Германии, как впрочем, и для всего мира — год 1961-й. Год Карибского кризиса и возведения Берлинской стены.

О «Карибах» сегодня известно больше, но ведь в октябре 1961 года мы тоже были в шаге от третьей мировой войны. И не где-нибудь на далекой Кубе, а в сердце Европы.

Американские и советские танки стояли лоб в лоб, на дистанции прямой наводки. Уже тогда американцы подивились выдержке наших танкистов. После того как спала горячка первых дней противостояния, солдаты США стали открыто вылезать из боевых машин, и только на советской стороне словно все вымерло. Ни единой живой души, лишь

зловещие жерла танковых орудий, направленные в сторону противника.

Оказывается, экипажи менялись ночью. Тогда же передавалась и пища.

Не знаю, была ли необходимость в такой предосторожности, но то, что танкисты ГСВГ умели стрелять и были исключительно мобилизованы, сомнений нет.

Думаю, историкам еще предстояло осмыслить ту трагическую ситуацию, когда мир стремительно катился в бездну ядерной войны.

Д. Кеннеди в своем распоряжении написал: «Обеспечить любой ценой свободный доступ из Западного Берлина в Восточный». Вчитайтесь в слова американского Президента — любой ценой!..

Н. Хрущев отдал Главкому Группы Маршалу И. Коневу приказ: если американцы начнут демонстрацию силы, открывать огонь, бить боевыми снарядами.

Слава Богу, не случилось ни того, ни другого.

Пусть история не имеет сослагательного наклонения, зададимся страшным вопросом: а если бы случилось?

Если бы победило так называемое «рабочее восстание» в 1953 году, а американцы попытались выполнить безумное распоряжение своего Президента в 1961-ом, кто мог дать гарантию, что события не стали развиваться бы по ближневосточному или югославскому сценарию? Только с двумя поправками — США и СССР — не Югославия, а ядерные ракеты, бомбы, фугасы — не автомат Калашникова.

Накануне окончательного вывода западная пресса была единодушна: войска группы — «оккупационные» войска. Они подавили «рабочее восстание», а в 1961-ом — блокировали Берлин. Бывшие советские союзники — США, Англия, Франция — спасли Берлин. И потому они — «защитники демократии».

Эх, кабы все так просто. Черное и белое, спасатели и оккупанты. Но жизнь далеко не одномерна.

Да, мы спасли мир от нацизма, но на смену ему пришли сталинские методы правления. Нас упрекают в том, что мы не принесли в Европу истинную свободу и демократию.

Хотя, как ни парадоксально, для многих стран этот порабощенный сталинской диктатурой солдат дал очень многое. Территория от границ СССР до границ ГДР на западе, которую фашисты цинично именовали генерал-губернаторством, обрела независимость, и в 1945-ом поляки уже не боялись называть себя поляками.

Так было и с Югославией, Чехословакией. Что же касается Германии, тут разговор особый.

Все, кто обвиняет войска группы «в жестокости» во время июньских событий 1953 года, почему-то умалчивают об их предыстории. Скрывают имена тех, кто долго и тщательно «сеял ветер», желая «пожать бурю».

Сейчас русских упрекают в возведении берлинской стены. Но будем же объективны к матушке-истории — эта стена выросла между двумя немецкими государствами значительно раньше 1961 года.

Не успели высохнуть чернила на союзнических документах, а У Черчилль объявил «крестовый поход против Советов». Вспомним, это 1946 год.

А разве не Маршал, творец известного экономического плана, настаивал: «В настоящее время о единой Германии нечего и думать». Когда прозвучали его слова, в 1961-ом? Да нет же, в 1947.

Известный политический деятель ХДС Иоганн Бантист Градль после некоторых финансовых мероприятий Запада с радостью писал в газете «Таг»: «Отныне между западными зонами и советской зоной пролегает также и валютная граница. По ту сторону зональной линии — заграница». Признание Градля опубликовано в 1948 году.

Подобные красноречивые откровения можно перечислять довольно долго. Закончу, на мой взгляд, весьма точным определением француза Альфреда Госсера, автора книги о ФРГ.

«Прежде всего о сопутствующих явлениях, об условиях, в которых родилась Федеративная Республика Германии. Она появилась на свет в 1949 году, как близнец Атлантического пакта. Матерью этих близнецов была холодная война».

Однако «холодная война» была матерью не только ФРГ, но и колыбелью «рабочего восстания». Теперь уже многое известно о тех днях — и особая активность западных разведслужб, и пограничная охрана, приведенная в состояние повышенной боевой готовности, и американские танки на границе с ГДР, и горячие призывы радио РИАС к организации генеральной забастовки в ГДР.

Ну а прибытие в Берлин всемирно известного «миротворца», директора ЦРУ А. Далласа и начальника штаба сухопутных войск США генерала Риджуэя. Неужто и сегодня кто-то будет настаивать на том, что эти господа приезжали помахать нам пальмовой ветвью.

Не забудем и другое, что крайне важно — после войны, страшной войны с фашизмом, прошло только 8 лет. И вновь в эпицентре внимания Германия. Задумывался ли кто-нибудь на Западе, как воспринималось это событие в Советском Союзе? Однозначно — фашизм поднимает голову. Можно ли было предложить иное объяснение людям, потерявшим в войне с

фашизмом миллионы своих соотечественников — жен, мужей, братьев, сестер, детей?

Можно и нужно. Но это не меняло бы сути дела. И потому «миссия» группы войск воспринималась в те годы, как самая праведная.

Не было ни грана сомнения и у воинов ГСОВГ Да и могло ли произойти иначе, ведь офицеры, сверхсрочнослужащие группы практически все — фронтовики. Восемь лет назад они поднимали взводы на штурм рейхстага, а сегодня — вводили батальоны в Берлин.

Как ни прискорбно осознавать, но в каждом восставшем немце они видели нового фашиста, новую угрозу войны.

Кто в этом виноват — Хрущев 1953 года или Гитлер 1941 — го? Как ответить на этот вопрос? Да и существует ли ответ?

Так что не станем представлять историю группы плоской, черно-белой и лишь однозначно выгодной для той или другой стороны.

Великий русский историк Ключевский говаривал, что история ничему не учит, она только наказывает за незнание ее уроков.

Но неужто мало наказано человечество? Не будем еще раз испытывать судьбу.

2

Телепрограмма ЦДВ. Июль 1987 года.

«Советские войска в ГДР, как считают западные эксперты, являются самыми лучшими среди армий стран Варшавского Договора».

Журнал «Ойропеише веркунде» № 6.
1987 год.

«ГСВГ находится в высокой степени боевой готовности и способна вести наступление без предшествующей ей мобилизации».

…Западная группа войск словно оцепенела в ожидании. Всяк, кто служил здесь, уже знал наизусть слова советско-германского Договора. «Вывод советских войск начинается с момента вступления в силу настоящего Договора… Вывод осуществляется в соответствии с графиком, согласуемым с германскими властями…»

Что чувствовал в эти дни Главнокомандующий ЗГВ генерал армии Борис Снетков?

Огромное, неизвестное миру государство лежало на его плечах.

Он еще не знал, не ведал, что через месяц с небольшим сбежит на Запад командир 244 мотострелкового полка подполковник Михаил Колесников. «Дезертир номер один», как назовут его потом в газетах.

Когда об этом случае доложат Горбачеву, тот будет вне себя.

Еще несколько месяцев помощники Президента СССР в газетах и журналах будут нагнетать обстановку, ратовать за скорейший вывод группы. Куда? Это их не интересовало. Академик О. Богомолов в те дни с дрожью в голосе заявлял в германском телеканале АРД, что «Западная группа войск в настоящее время находится в стадии морального разложения».

И Горбачев подпишет разгромный Указ, аналогов которому не найти даже в самые дремучие застойные десятилетия.

Бориса Снеткова снимут с должности, и в декабре того же памятного года в командование группой войск вступит генерал-полковник Матвей Бурлаков.

Так распорядилась судьба, что Бурлаков один из немногих наших

генералов, которому приходилось вводить и выводить войска. В свое время он входил в Монголию во главе 39 армии, обустраивался, осваивал «восточную заграницу».

А в ЗГВ приехал из Венгрии, откуда выводил на Родину Южную группу.

Увы, но подобным уникальным войсковым операциям не учили нигде — ни в училищах, ни в академиях. Ни даже в самой признанной и титулованной из всех военных учебных заведений страны — академии Генерального штаба.

Так что приходилось полагаться только на свой опыт. Хотя опыт этот вряд ли был применим здесь, в Германии. Ведь что такое Южная группа войск? Четыре дивизии, да и десяток-другой отдельных частей. А в Западной группе шесть боевых, развернутых по полному штату, армий — пять полевых и одна воздушная.

В одной только 3-й танковой армии, что дислоцировалась в Магдебурге, на самом коротком пути к Бонну, больше «сил и средств», чем во всей Южной группе.

Да, это было настоящее государство с более чем полумиллионным населением. На вооружении ЗГВ состояло столько танков, боевых машин, самолетов, сколько с трудом собирал весь бундесвер.

В 777 военных городках, расположенных во всех землях Восточной Германии, неустанно шла боевая учеба.

Только на боевое дежурство здесь каждый день заступало 14 тысяч человек, а в карауле и суточном наряде не смыкали глаз 40 тысяч солдат и офицеров.

В воздухе и на аэродромах в готовности к боевому применению находились 1400 самолетов и вертолетов, на стартовых позициях — десятки ракетных установок с ядерным оружием.

Офицеры и солдаты совершенствовали боевое мастерство в учебных центрах, располагая самым большим полигоном в Европе.

Магдебургский учебный центр раскинулся на 43 тысячах гектаров и позволял проводить дивизионные учения с боевой стрельбой.

Ежегодно группа в цилиндрах своих двигателей сжигала 800 тысяч тонн топлива и горючесмазочных материалов.

Каждый день, чтобы обеспечить жизнь группы, на дороги Германии выходили 14 тысяч автомобилей.

Группа советских войск в Германии из года в год создавала, лепила собственную, необходимую для жизни и боя, инфраструктуру.

Оглядывая сегодня ее нелегкий путь, понимаешь: она и вправду была

уникальным, единственным за всю историю Советского Союза и России, воинским формированием.

Уникальным по целям своим и задачам, по размаху и мощи, по исторической роли для судеб советского и немецкого народов.

Это она выполняла решения Ялтинской и Потсдамской конференций, участвовала в ликвидации основ нацизма на немецкой земле, разворачивала деятельность советской военной администрации.

Группа войск осуществляла не только оккупационные функции, но прежде всего налаживала нормальную жизнь Восточной Германии, занималась становлением органов власти и управления, обеспечивала немецкое население продовольствием, медицинским обслуживанием, открывала школы, театры, музеи.

Переселение в Восточную Германию миллионов новых граждан из всей Европы, возвращение пленных солдат вермахта из концлагерей создавало сложную обстановку. Офицерами и солдатами группы пресекалась деятельность фашистских организаций, банд грабителей.

В последующие десятилетия группа советских войск в Германии стала испытательным полигоном новейших образцов оружия и боевой техники, настоящей полевой академией для командиров и солдат.

До ввода войск в Афганистан боевые характеристики вооружения, возможность личного состава действовать в экстремальных ситуациях оценивались по результатам крупнейших учений и маневров частей и соединений Западной группы войск.

Последний этап существования группы характеризовался радикальностью изменений отношений со странами НАТО, открытостью, завершением деятельности ЗГВ на немецкой земле и выводом войск, новыми партнерскими отношениями с ФРГ.

Почти за полстолетия существования группы с ней связали свою судьбу 540 тысяч офицеров, 180 тысяч прапорщиков, 5 млн. 380 тысяч солдат и сержантов. Если сюда прибавить 416 тысяч рабочих и служащих да 1,5 млн. членов семей военнослужащих, получится солидное государство — более 8 млн. человек.

Эти люди, с гордостью считающие себя ветеранами ЗГВ, оставили здесь частицу своего сердца. Она навсегда в их судьбах — группа войск в Германии.

Обратись сюда издатели книги Гинесса, им бы пришлось существенно пополнить свой труд.

Интересно, что группа войск все делала своими руками — пекла хлеб, реставрировала музыкальные инструменты, восстанавливала знамена,

испытывала новейшую технику, проводила уникальные медицинские операции, учила детей.

Главком группы генерал-полковник Матвей Бурлаков любил повторять, что в декабре 1990 года принял под свою команду не шесть армий, как значилось в секретных докладах Генштаба, а семь! Седьмая армия — 90 тысяч детей, 50 тысяч из которых — учащиеся. Они одновременно обучались в 176 школах. Каждое утро 3 тысячи автобусов доставляли их к школьному порогу.

Естественно, такое количество детей и женщин требовало сильной, хорошо оснащенной, разветвленной службы гинекологии и педиатрии. И служба эта действовала. Нигде в Вооруженных Силах не было столько детских и гинекологических кабинетов, отделений, роддомов.

Почти по 5 тысяч новорожденных в год принимали родильные отделения ЗГВ. Всегда рождаемость в группе войск в 2–2,5 раза превышала союзную. А когда в России уже катастрофически падала рождаемость и смертность брала верх, тут еще рожали и рожали. Даже весной 1994 года, когда от группы осталось лишь 10 процентов прежнего состава, главный гинеколог подполковник Анатолий Савицкий признался, что в родильных отделениях на свет появляется по 12–15 малышей в неделю.

А теперь представьте себе, сколько надо было продуктов, чтобы прокормить этих маленьких граждан вместе с их родителями. Оказывается, 800 тонн в сутки.

Западная группа войск даже в годы расцвета и могущества нашей армии старалась больше полагаться на свои силы. Помню комичный случай, когда российский военный журналист, подобно шукшинскому герою, «срезал» немецкого генерала, спросив его о подсобных хозяйствах бундесвера. Генерал никак не мог взять в толк, зачем воинским частям свинофермы? Солдатское ли дело кормить поросят? Нет, не солдатское. Но коли Отечество не способно прокормить своих защитников, хрюшка, выращенная на полковых задворках, очень к месту. Так вот, хрюшек в подсобных хозяйствах содержалось ни много ни мало — 44 тысячи голов, да еще несколько тысяч коров, овец.

Однако не хлебом единым да салом была жива группа войск.

ЗГВ имела свою немалую печать — несколько десятков дивизионных газет, армейскую газету ВВС и старейшую в Вооруженных Силах групповую газету.

На русском и немецком языках выходила в эфир радиостанция «Волга».

Местное Вюнсдофское телевидение было желанным гостем в каждом

доме. До сих пор в моей видеотеке хранится прекрасный фильм «Последняя осень», снятый начальником телестудии капитаном 1-го ранга Вячеславом Русиновым.

В свое время здесь давал спектакли групповой профессиональный драматический театр. Правда, при очередном сокращении, еще в 60-е годы эта воинская часть была выведена с территории Германии.

Оркестру штаба, ансамблю песни и пляски повезло больше. Они радовали своим искрометным искусством воинов группы, немецких граждан до самого вывода. А радовать было чем. По созвездию народных и заслуженных артистов ансамбль мог соперничать с ведущими художественными коллективами страны.

…Вот таким было это государство в государстве. Думаю, что оно выполнило свое историческое предназначение — полвека стояло на страже мира в Европе.

И как сказала немецкая газета «НойесДойчланд»: «Можно по-разному относиться к проблемам пребывания советских войск в Восточной Германии, однако следует помнить об одном: добровольно или не очень, но они пошли на весьма непростой шаг».

Да, это был очень непростой шаг. Хочется верить — Германия не забудет его.

3

Газета «Нойс Дойчланд».
Декабрь 1990 года.

Статья под заголовком «Наберитесь терпения: вывод они еще не отрабатывали».

«Вопросы, связанные с практическим осуществлением вывода, судя по всему, никогда не планировались и уж, тем более, не отрабатывались.

Выступая на пресс-конференции, Гпавком ЗГВ генерал армии Б. Снетков охарактеризовал предстоящий вывод подчиненных ему войск как «трудную и в значительной степени необычную задачу».

Газета «Морген». Декабрь 1990 года.

«Вывод такой массы войск будет представлять величайшую операцию в Европе со времен 2-ой мировой войны».

…Над красными черепичными крышами, над крестами костелов в январское светлое небо взлетел пронзительно-грустный марш «Прощание славянки».

Мы прощались с Европой. Первые эшелоны советских войск уходили домой. «Помнит Эльба. Помнят Альпы и Дунай», — пели солдаты.

Помнят ли? Право же, не случайный вопрос. И в том была возможность нам, россиянам, убедиться.

В нашем народе живет грустная мудрость: ни одно благодеяние не остается безнаказанным. 640 тысяч лучших сынов советской страны лежат в польской земле. 640 лучших полков — цвет армии, погибли, спасая матерей и детей Польши, да еще 1 миллион 100 тысяч уничтожены в концлагерях на территории панства, которое фашисты и государством то не считали.

Мы из безымянного и попранного генерал-губернаторства возродили Польшу, вернули полякам право называться поляками, отдали самые жирные куски Германии и что же?.. Воздалось нам за благодеяние.

В январе 1991 года подразделения Западной группы войск двинулись на Родину.

Это был единственный отработанный путь вывода. Позже мы откроем

для себя порт Росток, договоримся с Чехословакией о транзите воинских грузов по ее территории, а докеры Мукрана, грузившие всю жизнь муку, научатся перегружать мины и снаряды. Но пока Советский Союз надеялся на Польшу, на союзника и друга.

Ох, уж эта русская, открытая душа. Не можем без друзей, без «братушек». Не набратались, стало быть, за столетие? В 1877 году бросились спасать болгар, положили на Шипке и у Плевны двести тысяч русских гренадеров. Хозяева же продали кости освободителей на удобрение англичанам.

Где мы только не воевали, кого не спасали. Потому горько осознавать, что дружба и воинское братство оплачивалось нашей кровью, тысячами жизней наших солдат и офицеров.

Сто сорок четыре тысячи жизней за свободу Чехословакии, сто тысяч — Венгрии, пятьсот — Германии. Но больше всего за Польшу.

Что ж, первыми нас и отблагодарили поляки, когда по их территории пошли эшелоны тех самых дивизий-освободительниц. Сначала запретили провоз боеприпасов, топлива, а потом объявили такие цены за транзит, которые мир не слыхивал. Да еще поставили условие — оплата не в немецких марках, которые нам выделила на транспортные расходы Германия, а в долларах. Поди ж ты, «панство» теперь признает только американскую валюту.

Что все это означало для Западной группы войск? Прекращение вывода и срыв международных договоренностей.

Обращение в Москву, Правительство, Министерство обороны, Генштаб ничего не дали.

В свою президентскую должность вступил Лех Валенса, победивший на выборах в декабре 1990 года, и Советский Союз из союзника и друга окончательно превратился в противника. Да еще какого!

Министр иностранных дел Польши К. Скубишевский так и завил, что «его страна опасается сложностей, которые могут быть вызваны тем, что на востоке объединенной Германии будут продолжать находиться советские войска», И потому Польша предлагает разместить там общегерманские соединения и, уж на крайний случай, смешанные немецко-польские части.

Полвека, с тех пор, как генерал-губернаторство перестало быть пылью у фашистских сапог, оно не опасалось советских войск «на востоке Германии», а теперь вдруг подняло вой на всю Европу.

Газета «Тагесшпигель». Ноябрь 1990 года.

«Состоялся первый в послевоенной истории визит в ФРГ

Министра обороны Польши. Гпава военного ведомства Колодзейчик проинформировал Штольтенберга, что польское руководство намерено вывести из Западных районов страны 10 процентов дислоцированных там воинских формирований и перебросить их ближе к границе с Советским Союзом.»

Крикливые заявления нашего бывшего союзника имели свое логическое продолжение. Польша вдруг решила пересмотреть Договор о правовом статусе советских войск, заключенный в 1956 году, с которым она еще вчера полностью соглашалась. Чего же хотели вчерашние «братья по оружию»?

Привожу слова командующего Северной группой войск генерал-полковника В. Дубынина, наполненные горечью и болью. Они прозвучали в ходе польско-советских переговоров о выводе войск.

«Польская сторона… стремится представить воинов СГВ как оккупантов, как международных преступников и предлагает вывести их со своей территории как военнопленных: в закрытых на замок и опломбированных польской таможней вагонах, без личного оружия и боевой техники. Вывести бесславно и с позором войска, которые в 1944–1945 годах освободили польский народ от коричневой чумы, от фашистской оккупации, отдали в вечное пользование полякам Восточную Померанию».

Теперь, думаю, понятна обстановка и причины, по существу, запрета на транзит эшелонов ЗГВ.

Но Западную группу «задушить» не удалось, тщетными оказались и потуги «панства» навязать нам кабальные условия выхода войск.

Служба военных сообщений группы, возглавляемая полковниками Вячеславом Плютой и Валерием Курихиным, предложила «идти морем», через порты Росток и Мукран. Главнокомандующий ЗГВ колебался. Уж очень непривычным был этот путь, да и сложностей немало. Чего стоили одни перегрузки. Ведь советские вагоны, прибывающие в порт Росток, невозможно использовать в Германии из-за иной ширины европейской колеи. Значит, или менять на них тележки, транспортировать к складам и арсеналам группы, загружать, возвращать в порт, вновь менять тележки. Или сразу перегружать из немецких вагонов в советские. Работа крайне трудоемкая, а вывести следовало более 700 тысяч тонн материальных средств и 33 тысячи единиц вооружения и техники. Нагрузка на порт возрастала в 6 раз!

Однако выбора не было. И паромный комплекс Мукран-Клайпеда стал

главной артерией вывода войск. По существу, комплекс оказался палочкой-выручалочкой для Западной группы. Каждое паромное судно (а их было пять) принимало 103 железнодорожных вагона на свою верхнюю и нижнюю палубы. То есть не надо было заниматься перегрузкой из вагонов в трюм корабля. А в Клайпеде вновь выгрузкой-погрузкой. Там сразу формировался состав и уходил к месту назначения.

Экономилось время, деньги, в целости и сохранности доставлялось дорогостоящее оборудование, военная техника.

Помог Западной группе войск и Балтийский флот. Его сухогрузы, вспомогательные судна приходили в порт Росток, загружались боеприпасами и ложились курсом на Санкт-Петербург или Высоцк.

Польша тем временем ждала долларового дождя. Но шли месяцы, Вюнсдорф молчал. Главком ЗГВ, служба военных сообщений по дипломатическим каналам вышли на транспортников Чехословакии. Тем тоже нужна была валюта, но они оказались умнее и хитрее поляков. Дали «добро» на транзит. А тут и мы не лыком шиты, предложили свои условия — будет скидка на тариф по оплате вагонов — будут транспорты. Нет — ждите, как ждут поляки. Сошлись на том, что чехи снизят тарифную плату на 41 процент.

Экономия оказалась весьма к месту, да и путь открыт для вывода 1-й танковой армии из Дрездена.

Теперь постарались сделать так, чтобы о соглашении с чехами узнали в Польше. Высокомерные «польские паны» снизили визгливую ноту до делового тона. Начальнику службы военных сообщений группы позвонил высокопоставленный чиновник министерства транспорта Спыхальский.

Чиновник предлагал свои услуги. Он сказал, что согласен на оплату в марках и по тарифам ниже чешских.

Воистину прав был де Голль, когда однажды на заседании кабинета министров сказал:

— У уважающего себя государства друзей не бывает.

Говорят, он сделал ударение на слове «уважающего». Но разве мы умеем уважать себя?

Однажды отставной генерал КГБ рассказал мне забавную историю. Он работал советником на Кубе и долго мучался, как бы в шифровке в Москву поделикатнее перевести слова Фиделя Кастро о нашей помощи. Мучался, мучался, а потом плюнул и написал это не совсем литературное слово как есть. А было оно произнесено в ходе переговоров Фиделя и тогдашнего руководителя Вьетнама Ле-Зуана. Когда Кастро узнал о советских поставках риса Вьетнаму, ему показалась эта помощь малой, вот он и

рубанул с плеча, не выбирая выражений.

Шифровка попала М. Суслову, и тот поблагодарил генерала, мол, открыл глаза на наших друзей.

Выходит, прежде никто и не догадывался, что с нашим простодушием и готовностью отдать последний пиджак младшему брату мы всегда были объектом паразитирования союзников. И право же, избавление от таких «братьев» — большое счастье.

Как показал опыт вывода российских войск из Европы, нашими истинными союзниками оказались ни венгерские радикалы, развесившие по всей стране плакат, где на толстом затылке советского воина красовалась надпись: «Конец, товарищ.», ни чехи, ни поляки, захлебывающиеся в националистической. паранойе, а немцы. Спокойно, с достоинством и профессионализмом делающие свое дело.

Это не значит, что в наших взаимоотношениях не было проблем. Помнится, в конце 1991 года руководство ростокского порта подняло цены на погрузочные работы в два раза. Мол, у нас вздорожали энергоносители. Платите, русские…

Мы бы и рады, да не можем, по Договору на транспортные расходы выделена строго фиксированная сумма. Пытались вразумить портовиков — не вышло. Пришлось обратиться к соседям ростокцев — в порт Висмар. Не очень он для нас был удобен, но делать нечего. Договорились, что висмарцы снизят тариф на 30 процентов в сравнении с Ростоком. И уже была снаряжена транспортная рота — механики, водители, для работ в Висмаре, как прибыл «гонец» из Ростока: руководство порта соглашалось грузить по старым ценам.

Инцидент оказался исчерпанным. Бывали и такие случаи. Но бывали и другие. Примером тому может служить труднейшая, опаснейшая операция по вывозу в Россию ракетного топлива. Наши цистерны, работающие на внутренних линиях, по жестким требованиям ООН, не годятся для европейских железных дорог.

Германия попросту могла отказать нам в разгрузке этих емкостей в порту Росток и отправить назад, в Россию. Но федеральный министр транспорта ФРГ, по просьбе Главкома группы, взял на себя ответственность.

Вместе с ним дали «добро» на транзит сверхопасного груза премьер-министры земель, по территории которых проходили транспорты, а также полицай-президиумы.

Признаться, цистерны наши были не только нестандартными, крупногабаритными, но и далеко не новыми, производства еще 50-х годов.

Так что ответственность немецких чиновников была очень велика.

А ведь могли встать в позу, как поляки? Могли, имели все основания, ведь международные права на их стороне. Однако сумели понять, пойти навстречу.

Конечно, немцы были заинтересованы в скорейшем выводе войск. Но дело не только в этом. Следует отдать им должное, за все годы вывода никогда националистический угар не брал верх над разумом.

Более того, что скрывать, именно немцы не раз урезонивали малые, хорохорящиеся страны. Польшу, например, или Литву.

Когда российские войска покинули Литву, местные власти закрыли в Клайпеде военную железнодорожную комендатуру. Комендатура та, крохотная, всего десяток человек: несколько офицеров, два мичмана, да четверо служащих. Однако свободная Литва никак не могла стерпеть на своей суверенной территории такой «крупный» воинский контингент иностранного государства.

А для Западной группы войск та кпайпедская комендатура на вес золота. Прибывает транспорт из Германии в порт — чужая страна. Как решить таможенные проблемы, куда определить караул, сколько оплатить за фрахт парома? Десятки проблем. Их надо кому-то решать.

На самом высоком уровне обратились к Литве. После долгих раздумий получено «добро» — комендатуре быть. Через неделю в ЗГВ приходит факс, литовцы передумали — комендатуре не быть. После поездки полковника Плюты в Клайпеду сжалился начальник Клайпедского морского пароходства, взял в свой штат четырех служащих комендатуры. Но нагрузка слишком велика. Четверо не справляются с работой.

Готовится пакет документов с высокими подписями — заместителя начальника Генштаба российской армии, замминистра путей сообщений, и снова двинулись с челобитной в Литву. Но Литва и на сей раз не спешила.

Плюнул начальник ВОСО группы и поехал в Бонн, в федеральное министерство путей сообщения. Рассказал свои беды-горечи. Подивились в министерстве поведению Литвы. Немцам тоже не выгодно терять рабочие места в порту Мукран, откуда уходят наши транспорты на Клайпеду.

Обещали помочь, вразумить литовское правительство. Слово свое сдержали.

Союзники, друзья, соседи… Сегодня они все ломятся в двери НАТО. Право же, напрасно Россия беспокоится. Пусть братаются теперь с Америкой, Англией, Францией. Мы набратались с ними вдоволь.

Только, судя по всему, не нужны наши бывшие союзники ни тем, ни другим, ни третьим. И в НАТО их не пускают не потому, что противится

Россия. Мировые державы сыты нашим опытом, да и своего им не занимать.

Много ли военной удачи принесли немцам румыны, итальянцы, болгары? Общеизвестно и признано, что судьбу войны решила величайшая Сталинградская битва. Общеизвестно и другое — фронт у Сталинграда Красная Армия прорвала на румынско-итальянском фронте. Кому же нужны такие союзники?

«Вступать в военные союзы следует лишь тогда, считал кардинал Ришелье, когда уверен, что справишься с противником в одиночку». По большому счету мы всегда рассчитывали только на свои силы. Это был верный расчет. Ибо, лишь слегка качнулся «корабль Советов» под неумелой рукой капитана, и союзники, друзья, «братушки» бросились с него, как крысы.

И уже Румыния, нищая, полуголодная, великодушно заявляет, что она не будет вводить войска в Молдавию. Какие войска, разрешите спросить? В лучшие-то времена у нее не было войск. Но разве такие заявления для нас новы? Вернемся на несколько десятилетий назад, в предвоенное время и вспомним о притязаниях тех же румын на Одессу и Измаил. Неужто история нас не учит? Нет, не учит. Потому в Прибалтике надевают на наших генералов наручники, а Россия лишь приводит в состояние боеготовности воздушно-десантную дивизию. Они делают, а мы лишь собираемся делать, оглядываясь, не погрозит ли пальчиком дядя Клинтон из-за океана.

Если кто-то считает, что наручники надели на генералов и юродиво подхихикивает, ошибается — наручники надели на Россию.

Это чувство удавки на руках ли, на горле, знакомо каждому, кто выходил из Германии, а особенно тем, кто выводил войска.

Страшная, право же, картина, когда бывшие друзья пытались обобрать до нитки ослабевшую Россию. Даже Украина, пользуясь тем, что южные перевалбазы теперь принадлежат ей, остановила эшелоны Западной группы. Оказалось, не нужны рубли Киеву, как в свое время Польше марки, подавай материал для пошива военной одежды. Только где же его взять, коли российские склады давно пусты.

Счастье наше, что только 5 процентов грузов ЗГВ шли через Чоп. Но несчастье в другом — вывод войск Западной группы явил собой экзамен истинности и прочности отношений России и ее ближайших соседей. Тяжело осознавать, что предал нас всяк, кто мог предать, но тем трезвее будем впредь. И, помня заповедь де Голля, научимся уважать сначала себя. Научим этому других. Для этого у России есть все — сила, слава, честь,

великая история.

4

Российская недвижимость в Германии. Уверен: интерес к этой теме не погаснет с годами. Представьте себе, почти полвека мы здесь строили, строили… Ввозили и строили. Аэродромы, полигоны, парки боевых машин, хранилища, жилые дома… Да разве все перечислишь. Мастерили и возводили все, что необходимо для службы и жизни: от самого мелкого — до гигантского.

Не год, не два… Полвека. Так сколько же народных денег вывезено сюда и «вбито» в немецкую землю. Вряд ли есть возможность подсчитать эту галактическую цифру.

Ну а теперь представьте, что все это отдано. Не за понюшку табаку, как говорят на Руси.

Мы считали, что получим от продажи недвижимости миллиарды марок. Цифры назывались разные, самые невероятные, и 30 миллиардов марок, и 10 миллиардов. Но не получили, по существу, и ломаного пфеннинга.

Есть отчего завыть волком. Нищая страна, нищая армия дарит миллиардные подарки, сама оставаясь, простите, с голым задом.

Об этом уж писано-переписано. Можно было бы начать новые, захватывающие тома о том, как пытались разворовывать, растаскивать, проматывать эту недвижимость. Называть цифры убытков, проклинать казнокрадов и мздоимцев. Но их имена знает не только Россия, СНГ, а благодаря вниманию немецкой прессы, и вся Европа. Некоторые из них уже за решеткой, иные по-прежнему в мягких руководящих креслах.

Так стоит ли притворяться, тем более, что ни одна газетная статья не внесла ясности. Разменявшись на частности, журналисты не ответили на самый главный вопрос — в чем же корень зла, отчего все лошло не так, как хотелось, наперекосяк и, наконец, ни за грош было отдано немецкой стороне.

Кстати говоря, до истины не докопались не только журналисты, но и многочисленные комиссии — президентские, парламентские, прокурорские.

Вполне возможен и другой вариант — не хотели докопаться? Кто знает? Во всяком случае, в многочисленных докладных записках по итогам проверок, инспекций, ревизий не было ответа на волнующий всех вопрос — что лежало в основе и послужило первоисточником теории, рожденной в

недрах президентского окружения, о необходимости полной сдачи недвижимости?

Как мы помним, Горбачев, в беседе сЯзовым и Бурлаковым, придавал проблеме реализации «германской» недвижимости первоочередное значение.

Думаю, и Ельцин не мог не осознавать ценность построенного здесь за полвека. Но тогда почему уже в ноябре 1991 года на встрече в Бонне он предложил так называемый паушальный вариант, который стал предтечей полной передачи недвижимости ЗГВ без взаимных претензий?

Признаюсь: не один месяц понадобился мне, чтобы приблизиться к разгадке этого сложного явления. В моем архиве сотни бесед, мнений юристов, специалистов по недвижимости, строителей, работников КЭЧ, финансовых инспекторов, медиков, экологов, авиаторов.

Пришлось перевернуть тома документов, справок, отчетов, экспертных заключений, обвинений, оправданий, ведомственных переписок.

И только теперь я смею высказать свои соображения по этой крайне сложной, болезненной проблеме, в фокусе которой пересеклись политические, экологические, нравственные интересы, государственные и личные амбиции. «Паушальный», или «нулевой вариант», обнаружил высокий профессионализм с одной стороны, и бездарность с другой, крупнейшие дипломатические просчеты и победы.

Итак, 12 октября 1990 года в Бонне под гром аплодисментов был подписан Договор между Федеративной Республикой Германии и Союзом Советских Социалистических Республик об условиях временного пребывания и планомерного вывода советских войск с территории Федеративной Республики Германии.

Подпись за СССР поставил, как свидетельствует документ, Владислав Терехов, за ФРГ — Ган-Дитрих Геншер.

А за три дня до этого тот же Владислав Терехов, а с немецкой стороны доктор Тео Вайгель, подписали Соглашение между правительствами двух стран о некоторых переходных мерах.

Статья 7 Соглашения гласила о том, что «определение состава и стоимости недвижимого имущества, построенного за счет средств Советской стороны… Осуществляется специально создаваемой для этого советско-германской комиссией. Она также определяет формы реализации этого имущества».

Непосредственная реализация имущества была возложена на Министерство внешних экономических связей. Запомним эту, весьма важную деталь. В дальнейшем нашем повествовании она станет

определяющей.

Какая же роль отводилась Западной группе войск? Откровенно говоря, весьма незавидная. А точнее, не лезть со свиным рылом в калашный ряд. Мягче выражаясь, роль подсобного рабочего: подкрасить, подмазать, вывезти мусор, словом, проделать подготовительные работы. А продавать будут специалисты. Ну что ж, баба с возу — кобыле легче. И потому подобное сообщение было воспринято командованием ЗГВ вполне спокойно. В конце концов, не дело армии торговать. Хотя, справедливости ради, были кое-какие опасения. Попросту говоря, чиновники военного ведомства беспокоились (и не без основания), куда уплывут денежки от проданной недвижимости? К тому времени в стране достигла пика развязанная беспрецедентная грязная антиармейская кампания. В армию плевали изо всех углов, словно люди в погонах были не их сыновьями и братьями, а пришельцами с чужой враждебной планеты. Крепли голоса безумцев, что армия вообще не нужна.

Президент безмолвствовал. О какой заботе правительства о людях военных в этот момент можно было говорить? Деньги, при всем бедственном положении офицеров, не попали бы в армейский карман. Однако и опасения по этому поводу оказались преждевременными. Денег пока не было. Но кое-кому они казались уже в руках. И потому министерство внешних экономических связей не спешило.

Другая высокая договаривающаяся сторона, то бишь немецкая, работала исключительно активно и напористо. Достаточно привести лишь один пример. Она заключила договор с известной фирмой ИАБГ на проведение углубленной экологической экспертизы. На эти работы федеральным правительством было отпущено 70 миллионов дойч-марок (!). Я видел тома документов, где был исследован каждый клочок земли на территории советской воинской части. В доказательство прилагались цветные и черно-белые фотоснимки, результаты замеров и проб грунта, анализ состояния подземных вод, описание загрязнения. Все исследования проводились по нормам ФРГ, которые значительно отличаются от наших.

Конечно, уже тогда Западная группа войск резонно возражала. Как, например, в грунте того или иного аэродрома отделить бензин и масла советских самолетов от того же самолетов немецких люфтваффе. Ведь многие наши авиационные части дислоцировались на прежних аэродромах германских ВВС.

Вот лишь один пример — военный аэродром в городе Перце. Со времен войны здесь располагалась авиационная часть вермахта с базой обслуживания.

Пролив бензина 15–30 метров, определили немецкие экологи. Что ж, вполне возможно, аэродром не розарий. Но сколько тут советского, а сколько немецкого бензина, увы, не под силу ответить даже самым высоким профессионалам-экологам.

Разгорелся спор… А таких объектов в Германии — аэродромов, парков боевых машин, бензозаправочных станций, складов хранения ГСМ, — сотни.

Главком ЗГВ прекрасно понимал: «перетягивание каната» на местном уровне ничего не даст. Эту проблему следовало решить в Бонне и Кремле. Ибо она не начиналась и не заканчивалась временем пребывания группы Советских войск в Германии.

Мы не захватчики, мы не по собственной воле пришли на немецкую землю. Фашистская Германия и ее агрессия заставили сделать это. Тогда возникает закономерный вопрос: почему взаимные расчеты за нанесенный экологический ущерб начинать с 1945 года, а не с 22 июня 1941 года?

Логично было бы включить в этот счет гигантский ущерб, нанесенный фашистскими войсками экологии Советского Союза.

Но Кремль молчал. А в «региональной» борьбе силы были явно не равны. С немецкой стороны выступали высокопрофессиональные специалисты-экологи, а с советской — офицеры, весьма далекие от экологии.

Вы спросите, где же были наши ученые-экологи? А действительно, где? Во всяком случае, все призывы командования ЗГВ прислать таковых оказались гласом вопиющего в пустыне.

Но только ли о них речь? Видимо, логично (и этого ожидали в группе) было сразу после подписания Договора сформировать не только «высокую» комиссию, но и ее рабочие органы, включив в их состав компетентных в различных областях знаний специалистов, которые занялись бы изучением рынка недвижимости и ее продажей, а также и взаимными экологическими претензиями.

Увы, ничего подобного не случилось, да и случиться не могло.

Комиссия, которую с советской стороны возглавлял Министр внешних экономических связей Катушев, с немецкой — статс-секретарь министерства финансов Клемм, заседала, но по-прежнему не были согласованы две крайне важных статьи — седьмая и девятая.

Суть седьмой статьи — общие положения об определении возможных претензий. Что, собственно, считать ущербом, а что не считать?

Полигон, к примеру, — изъезженный танками, изрытый окопами, заваленный металлическими обломками. Считать все это, как ущерб,

нанесенный немецкой стороне? На первый взгляд непосвященного в тонкости дела, разумеется, считать. Но полигон и есть полигон. Использовался по прямому назначению. Открывая его, никто не обещал, что здесь будут цвести сады, благоухать оранжереи.

Однако к этой простой истине совместная комиссия после бурных дебатов пришла лишь в июле 1991 года, на своем третьем заседании, спустя девять месяцев после заключения Договора между СССР и ФРГ.

Девять месяцев на утрясание одной статьи Договора. Браво! Весьма плодотворная деятельность Министерства ВЭС.

А время работало против нас. Жесткие, поистине фронтовые, сроки вывода войск Западной группы не давали возможности командованию оглядываться на ленивое «позевывание» катушевской комиссии.

В марте 1991 года немецкую землю покинула 207-я мотострелковая дивизия, оставив свои военные городки в Стендале, в июле — 12-я танковая и 27-я мотострелковая ушли из Нойруппина и Галле. Сотни жилых домов, казарм, парки боевых машин оставались безхозными. И продать — не продашь, и бросить — преступление.

Правда, жизнь брала свое. И видимо, в кремлевских коридорах тоже поняли — без участия самой Западной группы в реализации ее имущества не обойтись. И пусть поздно, в мае 1991 года, но все-таки было создано Управление реализации собственности Министерства обороны СССР. Но и управление, по существу, работать не могло. Еще не была согласована девятая статья Договора.

Почему эта пресловутая статья стала камнем преткновения? В первую очередь потому, что вся недвижимость по Соглашению реализуется на рыночных условиях. А коли так, вставал вопрос: как распределять вырученные денежные средства?

Немецкая сторона предлагает открыть совместный счет. Правда, пользоваться им невозможно, пока не определится сумма претензий. И только после вычета этой суммы деньги могли идти в дело.

Естественно, СССР такая «блокировка» не устраивала. Перестройка набирала темп, страна нищала, валюта нужна до зарезу. Советская сторона заняла жесткую позицию.

И вроде бы уже намечались какие-то сдвиги. На 22 августа 1991 года планировалось четвертое заседание совместной советско-германской комиссии, на которой окончательно решалась судьба девятой статьи. Но грянул путч. «Катушевская» комиссия приказала долго жить.

Победившая демократия пела и ликовала, делила награды и должности. А миллиардное богатство Советского Союза в Германии

повисло в воздухе. До него ли было в победном августе девяносто первого?

Отдел реализации недвижимости группы войск на свой страх и риск судорожно пытался спасти положение. Были выставлены на торги и даже удалось продать наш военный городок в Тюрингии, отдельные здания в других местах Германии.

Однако недоговоренности на межгосударственном уровне оставались булыжником на дороге: ни обойти, ни объехать.

О «германских» богатствах правопреемница Союза — Россия вспомнила лишь в начале 1992 года. Была создана новая комиссия при Президенте. Возглавил ее министр Е. Арапов.

22 апреля в Бонне состоялось-таки долгожданное четвертое заседание. Для Западной группы войск оно было громом средь ясного неба.

Дело в том, что несмотря на развал Союза и временную «забывчивость» России, рабочая группа комиссии, командование ЗГВ продолжало встречи и консультации с немецкой стороной. Сначала была достигнута договоренность об открытии двух отдельно взятых банковских счетов — российского и совместного, потом о зачислении на наш счет 20 процентов средств, полученных от реализации, а в октябре уже 50 процентов. То есть половину дохода мы получаем, что называется «чистоганом», а с другой половины оплачиваем претензии по экологии.

Казалось, надо ли желать лучшего. Однако и у нас в Министерстве обороны нашлись ретивые чиновники, которые никак не хотели считаться с реальностями. Какие 50 процентов, вопрошали они, только 80. На меньшее не соглашаться.

Ждали, что подключатся политики, дипломаты, ведь договоренности рабочей группы предварительные. Немецкие политики подключились, и руководитель рабочей группы доктор Фишер заявил:

«При подсчете стоимости и ущерба для вас не выйдет какая-либо положительная сумма… Вам нужны деньги. Мы понимаем это. Но и возможности нашего бюджета весьма узки. Мы принципиально не согласны с тем, что при реализации объектов выйдет плюс для России».

Это, по существу, и было ответом на наше упрямство и бездеятельность. Что ж, немцы народ практичный, и они отстаивали интересы своей страны. И это, кстати говоря, их право.

Точно такое же право имели и мы. Тем более, речь шла о нашей, «родной», российской недвижимости.

Увы, право это и возможности мы не использовали.

В 1992 году российское руководство оценивало нашу недвижимость в Германии значительно скромнее, чем Михаил Горбачев в 1990-м. Сумма

называлась совсем иная — 10, а не 30 миллиардов марок. Однако тоже не мало.

Поползли упорные слухи, что Москва готовит предложения по так называемому «паушальному» варианту. То есть немцы выплачивают нам 7–8 миллиардов марок за недвижимость, а остальные 2–3 миллиарда идут в счет погашения экологического ущерба, нанесенного советскими войсками.

Привлекательная перспектива для России. Только немцы умеют считать деньги не хуже нашего. И заранее, за непроданную недвижимость они не собирались выкладывать ни пфеннинга, а не то что миллиарды.

Кстати говоря, первый урок рыночной экономики преподал Главкому ЗГВ статс-секретарь Министерства финансов ФРГ господин Картенс. Во время посещения Бонна генерал-полковник Бурлаков в беседе с Карстенсом назвал эту магическую цифру — 10 миллиардов марок. На что статс-секретарь заметил, что в условиях рынка цена определяется не вложенными затратами и реальной стоимостью объекта, а спросом. Поэтому ваша недвижимость стоит ровно столько, сколько за нее дадут наши и зарубежные бизнесмены. И ни марки больше!

Что ж, урок хоть и горький, но весьма полезный. К сожалению, рядом с Президентом России не оказалось господина Карстенса. «Урок» не состоялся, и на первом же своем заседании (имеется в виду в новом, российском составе) в апреле 1992 года комиссия объявила, что вносит на рассмотрение глав правительств обеих сторон вопрос о «паушальном» решении имущественно-финансовых вопросов. И тут же сделала ссылку: «как это предлагалось российской стороной в ходе беседы между Президентом РФ Б. Н. Ельциным и Федеральным канцлером Г Колем, состоявшейся 21 ноября 1991 года в Бонне».

Оказывается, еще полгода назад Б. Ельцин предложил Колю «паушалку». А в группе войск об этом ни слухом, ни духом. Офицеры, занятые реализацией недвижимости в поте лица, готовили военные городки к торгам.

В земле Бранденбургбыл подготовлен и выставлен на торги 31 военный городок — Недлиц, Треббин, Пренцлау, Бернау…

В Тюрингии — 35 городков — Геба, Готта, Нордхаузен…

В земле Саксония-Анхальт — 20 городков, в Мекленбург-Предпомерании — 6.

Во многих из них мне приходилось бывать. Они разные — эти городки. И я далек от мысли, что их все купили бы тотчас, за миллионы, да еще и толпились бы в очереди. А ведь были у некоторых наших руководителей и такие бредовые надежды. Нет, нарасхват бы они не пошли.

Почему? Это тема отдельного разговора в следующей главе. А здесь лишь хочу подчеркнуть: торги не простое дело, следовало бы потрудиться. И потрудились бы. Сумели ведь потом зарабатывать миллионы на продаже угольной пыли, отработанной резине, металлоломе. А городки, как не крути, не пыль. Но, не судьба…

А немецкая сторона, как и следовало ожидать, не спешила с «паушалкой». Ни на четвертом, ни на пятом заседании совместной комиссии 10 июня 1992 года доктор П. Клемм не дал ответа.

Россия же спешила. Вот выписка из пятого заседания, состоявшегося в Вюнсдорфе.

«Российская делегация на основе послания Президента РФ Б. Ельцина Федеральному канцлеру Г Колю от 13 мая 1992 года по вопросу о паушальном урегулировании проблемы реализации недвижимого имущества российских войск на территории Германии заявила, что в нынешней ситуации такое решение представляется единственно возможным…»

Неужто и вправду те, кто делал это заявление, считал его и единственным, и возможным? Право же, не верится.

На нашу горячность и спешку немцы ответили холодно и расчетливо.

Комиссия Клемма заявила, что у нее нет полномочий для ведения переговоров о паушальном урегулировании.

Думаю, это был весьма мудрый дипломатический ход. Мы же в очередной раз загнали себя в тупик — от продажи городков опрометчиво отказались, а «паушалка» буксовала. Уходило время, уходили войска, уплывали миллиарды. Реальные миллиарды. Может, не оценивали мы, даже не 8, но миллиарды. Реально, по оценкам наших военных экспертов, мы смогли бы продать нашу недвижимость не менее чем за 5–6 миллиардов.

Предположим, что ошибаются самые опытные эксперты, пусть выручка составила бы половину прогнозируемого. И то хлеб, как говорят в народе. Сколько бы квартир для бездомных офицеров смогли бы построить.

Не построили. Потому как в результате упорной дипломатической борьбы за свои «заводы, мосты, пароходы» получили лишь дырку от бублика.

Меня могут упрекнуть, что я забыл о 550 миллионах марок, причитающихся нам по итогам встречи Коля и Ельцина. Отвечу на упрек словами Совместного заявления от 16 декабря 1992 года. «Российская сторона предпримет меры по ускорению вывода Западной группы войск, стремясь закончить его к 31 августа 1994 года…

Германская сторона дополнительно предоставляет Российской стороне

сумму в 550 миллионов немецких марок в качестве взноса для обустройства возвращающихся в Россию войск…»

Так что это плата за ускоренный вывод, нежели за недвижимость.

Но мне сдается, 550 миллионов марок — это застенчивое желание Германии хоть как-то подсластить горькую пилюлю, проглоченную Россией.

О том, что она горька, думаю, сегодня ни у кого не остается сомнений.

5

В середине декабря 1992 года канцлер ФРГ Гельмут Коль прибыл в Москву. Его визит запомнился всей стране лихим вертолетным прыжком из Кремля в Завидово. Сопровождал гостя Президент России Борис Ельцин.

От грома винтов вздрогнули древние стены московского Кремля, но не вздрогнула Россия. А надо бы. 16 декабря главы российского и германского государств подписали Совместное заявление.

Событие, которого так долго добивались российские руководители, свершилось. Десятилетиями наживаемая собственность была передана немецкой стороне.

Не знаю, как проходили переговоры в Москве. Воспоминаний об этом пока не опубликовано. Что же касается результатов переговоров, то «паушалка» обернулась для нас круглым нулем.

Как такое могло случиться? Не круглые же мы дураки, чтобы на корню отдать все, что нажито за полвека.

Оказывается, бытует мнение, якобы разговоры о цене и ценность российской недвижимости в Германии не стоят и выеденного яйца. Мол, «сараюшки» наши — казармы, дома, склады, никому были не нужны. Никто бы их не купил. Остались бы мы с носом, реально не выручив ничего, да еще за нанесенный экологический ущерб пришлось бы платить из собственного кармана.

Потому и пошли на «паушалку». Хоть за экологические претензии рассчитались.

Удивительное, право же, мнение. Еще вчера во все колокола звонили о миллиардной выгоде за проданную недвижимость, а сегодня, не выручив ни пфеннинга, говорим, что иначе и быть не могло.

Может, и вправду не стоят ничего «сараюшки»? И верно говорил доктор Фишер, председатель рабочей группы с германской стороны, что он «не видит плюса» для советской стороны?

Пусть заявление доктора Фишера останется на его совести. В конечном счете, сдавая без боя свою недвижимость, проиграли мы, наше государство. И потому нам важнее всего понять, стоило ли бороться за советские аэродромы и казармы, или «германские» богатства — это просто миф?

Нет, богатства Западной группы войск не миф, не мираж в пустыне. Мы построили здесь полностью или частично 777 военных городков, 5269

складов и баз, 3422 учебных центра и полигона, 47 аэродромов.

Мы оставили, уходя из Германии, 20 тысяч квартир!

Да, многое из того, что построила группа войск, не соответствует высоким западным стандартам. Ведь объекты возводились, как правило, хозспособом, руками солдат.

Хотя, справедливости ради, следует отметить: жилые дома, складские помещения, введенные в строй на рубеже 70-х-80-х. годов, не уступают по качеству образцам восточногерманского градостроительства.

Словом, Западной группе было что выставить на торги. Но, как говорил на своем «уроке» рыночной экономики статс-секретарь Министерства финансов Карстенс, все упирается в спрос. Находились ли покупатели нашей недвижимости?

Это и есть главный аргумент в сегодняшнем споре. Те, кто подсовывал Президенту идею «паушапки», настаивают на том, что покупателей не было.

Смею утверждать: подобные заявления не более чем фальшивка.

Штабной городок известной I гвардейской Краснознаменной танковой армии в Дрездене по экспертной оценке наших специалистов стоил около полумиллиона немецких марок. Западные фирмы предлагали 2 миллиона.

На торгах в Портсдаме военный городок Крампниц, где квартировала 35 мотострелковая Краснознаменная дивизия, оценивался покупателями в 5 миллионов при реальной стоимости 3,5 миллиона дойч-марок.

Пользовались спросом городки, расположенные в курортной зоне — на балтийском побережье, на острове Рюген. Там у нас было 5 городков.

Построены они в 80-е годы. Базовая стоимость — 1 миллион марок. Однако, как считают специалисты, продать их можно было бы в 3–4 раза дороже.

То же самое следует сказать и о домах отдыха Западной группы войск (Линдав, Бад-Заров, Бад-Эльстер), находящихся в живописных местах Германии.

Ну а теперь несколько слов о покупателях. Прежде всего в приобретении недвижимости были заинтересованы немецкие фирмы, и потому их в числе претендентов оказалось больше.

Берлинская фирма «Бишофф» желала скупить несколько складов для хранения горючесмазочных материалов, а электрическое объединение Т. Хенигеля из Фюрстенберга интересовали наши кабельные сети.

Фирма GEN-V предлагала к покупке недвижимость в крупных городах, таких как Дрезден, Лейпциг. Кстати говоря, в этих местах у нас было что продать. Только в Дрездене — несколько военных городков.

Кроме названного уже штабного, городки 11 гвардейской танковой дивизии, 68 понтонно-мостового полка, 3 отдельного полка связи.

Складские помещения в Потсдаме и Бранденбурге хотели приобрести бранденбургские заводы по обработке металла, а фирма «Майерхофер» предлагала свою достаточно высокую цену за санатории и дома отдыха ЗГВ.

Берлинский «Индастри консалт» желал выкупить военный городок в районе Берлина, Потсдама, а фирма «Везотра» такой же городок недалеко от Котбуса или Франкфурта-на-Одере.

Вносили свои предложения по приобретению недвижимости и совместные советско-германские, советско-американские предприятия.

«Дойче-Лада» искала удобные участки земли для оборудования автомобильных стоянок, а совместное советско-американское предприятие «Диалог» — городки в курортной зоне на острове Рюген.

Коммерческо-методический центр «Аэропоиск» из Санкт-Петербурга тоже присматривал городок на побережье Балтики.

Были заинтересованные фирмы из Австрии и даже из Японии.

Так что находились покупатели, господа. Хотя покупатель покупателю рознь.

Наивно думать, будто все городки мы могли бы продать по приличной цене. «Элитных» городков не так уж и много.

Кто купит, к примеру, казармы батальона, расположенного вдали от крупных индустриальных центров? Разве что община близлежащего немецкого городка или деревни, но она не сможет выложить миллион. И поэтому случалось, за нашу недвижимость предлагали половину стоимости, а то и четверть или того меньше.

Что ж, рынок есть рынок. Только куда уж там, из Москвы раздавались громоподобные указания — ниже оценочной стоимости не продавать. А в начале декабря, накануне визита Г Коля в Россию, из столицы пришла строжайшая депеша. Хотите знать, каково было ее содержание? Успеть хоть что-нибудь продать, пока не грянул гром? Наоборот. Отозвать документы на все городки, которые сторгованы дешевле.

Выходит, и полцены не возьмем, все отдадим бесплатно. Что это? Низкий профессионализм, умопомрачение или некие высшие государственные интересы, на которые постоянно намекают крупные чиновники, желая оправдать свои бездарные решения?

Что же это за страна, где государственные интересы никак не совпадут с интересами ее граждан? Мне, наивному, всегда казалось — судьба бездомных, униженных российских офицеров и есть судьба России.

Однако оставим эмоции, вернемся к анализу проблемы. Была миллиардная недвижимость Западной группы. Были покупатели, готовые платить за нее твердой валютой. Возможно, не столько, сколько нам хотелось, но платить. Мы же отдали все в зачет экологических претензий. Неужто столь велик был экологический ущерб?

Аналитики Западной группы войск подметили весьма существенную деталь. В одной из своих научных разработок они писали: «Главной причиной кампании, развернувшейся в средствах массовой информации ФРГ, следует считать существующую неясность в отношении условий передачи объектов ЗГВ немецкой стороне. Немецкие СМИ усиленно обрабатывали общественное мнение в направлении дополнительного ускорения вывода войск группы и создания ситуации так называемого «нулевого варианта», в результате которого объекты ЗГВ безвозмездно передавались германской стороне».

Что это за «кампания в средствах массовой информации ФРГ», о которой почти ничего не было известно широкому кругу общественности в России?

Знаменательная по своим результатам кампания.

По нашим, еще с коммунистических времен, понятиям, кампания — это нечто организованное, инициированное сверху — из Политбюро, например, или ЦК. Многое в России можно инициировать и сейчас (что, собственно, и делается), поскольку пресса, радио и телевидение, за редким исключением, в руках нынешнего руководства.

Однако, сдается мне, что немецкой «империей прессы» Акселя Шпрингера вряд ли под силу «порулить» даже канцлеру или Президенту ФРГ Империя не просит у правительства дотаций на выплату зарплаты журналистам или покупку бумаги. Она зарабатывает сама.

Потому хочу быть правильно понятым: кампания в СМИ Германии это не то, что кампания в средствах информации России.

И тем не менее кампания была. Порою казалось, что чуть ли не каждый пишущий в газету должен сказать пару «теплых слов» об «экологическом беспределе» в гарнизонах ЗГВ.

Газета «Морген». Ноябрь 1990 года.

«Экологический ущерб в невообразимых масштабах причиняют окружающей среде большинство объектов недвижимости ЗГВ, расположенных в Восточной Германии. В свое время по инициативе бывшего министра обороны ГДР Р. Эппельмана была проведена экологическая проверка 80-ти

военных объектов Западной группы войск от Зуля до Ростока. Результаты этой проверки оказались более чем удручающими».

Обращаю внимание на дату выхода статьи в свет. Не прошло и месяца со дня триумфального горбачевского подписания Договора ФРГ-СССР 12 октября 1990 года.

Еще рукоплескали политики, а журналисты уже заглядывали за заборы советских полигонов. И чем дольше длились согласования, чем запутаннее становилась ситуация с российской недвижимостью, тем яростнее СМИ ФРГ обрабатывали общественное мнение.

Порою кровь леденела в жилах от страшных картин, описанных немецкими журналистами. Чего только не ухватили они своим зорким оком, подглядывая в щелку в заборе — отравленную ядами почву и воду, полигоны, нашпигованные смертоносным металлом, тысячи, а то и миллионы тонн нефти в подземных пластах.

Не смею отрицать, мы не очень умеем беречь природу, ни свою, ни чужую. И в этом неумении, к сожалению, не одиноки.

Вот лишь одна выдержка из газеты «Тагесцайтунг» (декабрь 1990 года).

«Министерство обороны США подготовило закрытый документ, содержащий сведения о размерах и характере экологического ущерба, нанесенного американскими войсками окружающей среде зарубежных стран, в том числе и ФРГ.

В документе отмечается, что американские полигоны, территории, прилегающие к военным гарнизонам, казармам и другим военным объектам, захламлены неучтенными боеприпасами, металлическим ломом и другими отходами. Почва этих территорий во многих случаях пропитана ГСМ, кислотами, хлористыми соединениями и другими химическими веществами.

Командование Сухопутных войск США в ФРГ явно не склонно раскрывать истинные масштабы ущерба. В тех же случаях, когда сведения об этом становятся достоянием общественности, оно недвусмысленно дает понять, что за устранение последствий должны, в первую очередь, платить сами немцы».

Однако, думается, немцам от такой «солидарности» не легче.

Правда статей, подобных приведенной из «Тагесцайтунг», было сравнительно немного. До американцев ли тут, если основное беспокойство доставляла Западная группа войск и ее многомиллиардная недвижимость.

Мы, наивные, предлагали «паушалку» с солидной выплатой, для

немцев же был приемлем лишь один вариант — «нулевой». Огромная недвижимость передавалась как оплата за нанесенный ущерб. Но для этого размеры ущерба следовало раздуть до гигантских размеров. И они раздувались.

Уверен: шумиха в немецкой печати дошла до ушей президентского окружения в Москве. А поскольку она не умолкала на протяжении нескольких лет, возможно и сформировала мнение.

Были там и другие привходящие (даст Бог, со временем узнаем и о них), но думаю, эта «деза» сыграла решающую роль.

Почему «деза»? Можно это назвать, к примеру, более цивилизованно, собственным, независимым мнением СМИ ФРГ.

Можно. Да язык не поворачивается. После решения в верхах, когда Россия заплатила миллиардную цену, кампания в прессе резко пошла на убыль. Иногда показывали по телевидению кучи мусора на территориях ушедших частей, разбитые стекла в домах, но говорили об этом как-то лениво и без должного напора.

Правда, к критике американцев добавилась любопытная нотка: наш «нулевой вариант» приводили в качестве положительного примера. Обиженному ребенку подсовывали конфетку, то и дело поглаживая по головке и нахваливая его.

А вскоре, о чудо! В печати ФРГ появляются прямо таки ошеломляющие сообщения о Западной группе войск.

Газета «Маркише альгемайне».
Февраль 1993 года.

> «В представлении непосвященных любой полигон, тем более русский, — это всегда нечто, связанное с разрушением природы, окружающей среды. Но это далеко не так. По словам представителя земельного лесничества, в настоящее время на территории Крампницкого полигона имеется столько орланов-белохвостов, сколько во всех старых землях, вместе взятых… На этой территории, в отличие от сельскохозяйственных угодий, никогда не применялись химические удобрения и средства защиты растений. Девственное состояние окружающей среды способствовало сохранению многих видов животных, которые в других местах уже давно вымерли…»

Поразительное превращение российского полигона из грязной, вонючей клоаки в прекрасный оазис-заповедник, который оказывается,

сохранил для будущей Германии уникальных животных и природную среду.

Да это просто песнь советскому полигону, спасителю немецкой флоры и фауны! Читаешь вдохновенные строки и не веришь глазам своим. Где были эти независимые, объективные германские журналисты год-другой назад, почему не подняли свой трубный глас в защиту истины.

Надо ли объяснять кому-либо, почему?

Меня волнует совсем другое, как на эту «удочку» попались наши эксперты-германисты, те, кто и сегодня оправдывает пресловутую «паушалку», обернувшуюся «нулем».

«Артиллерийские орудия» СМИ ФРГ отрабатывали свою задачу, навязывали свое мнение. Но как мы оказались пленниками этого мнения? Далеко не риторический вопрос.

Неужто не видели или не хотели видеть, что немцы, в отличие от нас, до конца будут биться за нашу недвижимость.

Всего лишь два наиболее характерных примера.

Деятельность по реализации недвижимости велась в соответствии с германским правом и законами. Да, мы находились на немецкой территории, и, как издавна считают в народе: «со своим уставом в чужой монастырь не ходят».

Но недвижимость-то была наша, российская. Поэтому и нашему законодательству следовало вступить в свои права. И тут надо было найти разумный паритет. Иначе не только полмиллиона россиян оказывались совершенно беззащитными в чужой стране, но и недвижимость.

Хотелось нам, к примеру, продать свои военные городки в Берлине. Подчеркиваю, «свои», не немецкие. Да продать с выгодой, по высокой цене. Недвижимость в столице Германии воистину золотая.

Ну что ж, хотеть не вредно. Законодательная база была построена таким образом, что в соответствии с немецким правом германская сторона объявляла их зоной федеральных интересов. Выплачивала минимальную компенсацию. И городки становились собственностью Германии.

Спросите, много ли таких городков? Судите сами, всего по стране 76. В Тюрингии — 25, в землях Саксонии и Саксонии-Анхапьт-26. Есть они и в земле Бранденбург, в Берлине.

Разве это не причина, чтобы задуматься о ценности недвижимости? Задуматься и наконец понять — коли нету ценности в наших «сараюшках», зачем столько городков объявлять зоной федеральных интересов. Или в богатейшей стране мира мало своих «сараев»?

И второе. В июне 1992 года неожиданно загорелся Потсдамский

филиал Федерального управления имущества. Огонь, по словам одного из немецких журналистов, «уничтожил исключительно дела по недвижимой собственности российских Вооруженных Сил в Восточной Германии». Сохранилась только четвертая часть документов.

В апреле 1993 года пожар в Центральном архиве земельных книг новых земель в Барби. Сгорело огромное количество документов — 400 метров дел.

Местные детективы поражены профессионализмом преступников. Найдены четыре электронных управляемых воспламеняющихся устройства.

Думаю, что «странные» пожары в Германии не были тайной для Кремля.

Итак, еще одно свидетельство в пользу нашей недвижимости. Казалось бы, ясно всем, единственно возможное решение — торги. Торговать, продавать…

Но грянуло 16 декабря 1992 года.

> «Недвижимое имущество, построенное за счет средств бывшего Союза Советских Социалистических Республик на земельных участках, являющихся германской собственностью, передается германским властям…
>
> В связи с этим Стороны отказываются от предъявления друг другу претензий…»

Совместное заявление. Б. Ельцин, Г Коль. Москва.

6

Читаю газетные материалы, претендующие на сенсационные разоблачения злоупотреблений и коррупции в Западной группе войск, и меня не оставляет странное чувство — мы дико воем по утерянному рублю, не замечая, что нас уже обокрали на миллиарды. Да к тому же не один раз.

В первый раз, когда мы ушли из Г ермании просто так, не потребовав за свои огромные политические уступки ни гроша. Правильно сказал как-то Валентин Павлов, бывший премьер-министр СССР: «Я всегда убеждал Горбачева: не надейтесь, денег вам никогда не дадут. Вам заплатили за Германию, и заплатили как нищему.

Советский Союз мог за свои политические уступки получить с Запада денег достаточно для экономического возрождения, и я убежден: основная вина за пренебрежение интересами Отечества лежит лично на Горбачеве».

Во второй раз мы потеряли миллиарды, когда согласились на так называемую «паушалку»: вам отдаем свою недвижимость, а вы нам милостиво прощаете ущерб по экологии.

Обо всем этом уже было рассказано в предыдущих главах. Теперь пора рассказать, как нас облапошили в третий раз…

Летом 1993 года, когда до вывода войск группы оставался практически год, немецкие газеты запестрели сообщениями: «Москва требует 1000 объектов Восточно-германской недвижимости», «Россия выдвигает требования на лучшие сооружения Берлинского центра», «Борис Ельцин хочет предъявить претензии на 1000 объектов недвижимости».

Что это за объекты недвижимости? Что за претензии? Почему пресса Г ермании с тревогой говорит о каком-то «миллиардном деле», называет его «спором века»?

Спросите сегодня у граждан России, что они знают о «споре века», о «миллиардном деле»? Да, они спросонья скажут вам сколько из Г ермании вывезено биде и дверных цепочек, об этом звонили долго, пронзительно, а вот что там за российские миллиарды остались на немецкой земле — мало кто ведает.

Что ж, поведаем.

Газета «Берлинер цайтунг».
Август 1993 г.
«…Гигантская больная тема по недвижимости, которой в

последующем могут заниматься немецкие суда, а также Боннское международное ведомство. В конце концов, речь идет об академически привлекательном вопросе, можно ли мягкое понятие конфискация перевести юридически точно, как «энтайгнуг» — «экспроприация». В этом случае Москва бы получила миллиардную сумму.

Спор века, корни которого уходят почти на 50 лет в прошлое».

Вернемся к корням. 31 октября 1945 года Главноначальствующий Советской Военной Администрации, Главнокомандующий Группой Советских войск в Германии Маршал Советского Союза Г К. Жуков издает приказ № 126 «О конфискации имущества национал-социалистической партии, ее органов и примыкающих к ней организаций».

В пункте первом Жуков приказывает: «Конфисковать имущество, находящееся на территории Германии, оккупированной войсками Красной Армии, принадлежащее национал-социалистической партии, ее органам и примыкающим к ней организациям, перечисленным в прилагаемом списке».

В списке 62 организации. Среди них канцелярия фюрера, расово-политическое управление, имперский союз германских чиновников, государственная тайная полиция, штурмовые отряды СА, отряды СС, включая войска СС, службы безопасности СД и штабы… Что и говорить, организации, известные всему миру. И потому в законности такого шага, насколько известно, не усомнился никто. Последующие поколения просто забыли и о приказе № 126, и о приказах № 97 от 29 марта 1946 года, и № 64 от 17 апреля 1948 года, в соответствии с которыми и проводилась конфискация имущества нацистских организаций.

Конфискованная недвижимость была частично передана восточно-германским властям, а также использовалась войсками группы.

Вспомнили о приказах Маршала Жукова через полвека, в 1990 году. Из 2600 экспроприированных земельных участков оказывается 1000 принадлежит Советскому Союзу на основе так называемых «прав и верховенства оккупационных властей». Словом, прикинули, подсчитали и… ахнули. Действительно, «миллиардное дело».

Ведь, как писала та же «Берлинер цайтунг», «в этот перечень попадают лакомые кусочки, такие, как бывший Советский дом культуры и науки на столичной Фридрихштрассе, дворец Унтер ден Линден, а также представительский дом в Карласхорсте, в котором 8 мая 1945 года был

подписан гитлеровской Германией акт о безоговорочной капитуляции. К этому добавляется многочисленное недвижимое имущество в новых федеральных землях, как на бывшей Банхофштрассе в Десау, а также примерно 100 восточно-немецких промышленных предприятий, таких как Бургер Кнзкн Гмбх (Бург под Магдебургом) или бывший филиал Швайнфуртер Кугеллагефабрик в Эркнере под Берлином.

Другие 126 сооружений в центре города, в том числе отель «Адриа» на Фридрихштрасе в Берлине — недавно проданный через посредников за 34 миллиона марок, — были приобретены советскими оккупантами в соответствии с законом и должны быть переданы им».

Газета ссылается на мнение представителя ЗГВ генерал-майора Евгения Степанова. И, право же, делает это неспроста. Первыми забили тревогу именно специалисты группы войск. Как говорили мне офицеры КЗО ЗГВ, натерпевшиеся потом от своей инициативности, что не их это собачье дело было, да за державу стало обидно.

И правда, не в компетенции квартирно-эксплуатационной службы Западной группы вести международные юридические споры. Только что же оставалось делать, коли «катушевская» комиссия так и «скончалась» в вечных муках согласований, не приступив к практической работе, «араповцы» вроде и пытались что-то предпринять, да мало успели, ну а о Госкомимуществе, которое появилось на последнем этапе — разговор особый. В общем, не ожидая ни чьей помощи, Западная группа войск вступила в борьбу. Юридическим основанием наших претензий послужило Совместное заявление правительств ФРГ и ГДР от 15 июня 1990 года об урегулировании нерешенных имущественных вопросов, а также письмо министрам иностранных дел четырех держав от имени правительств ГДР и ФРГ.

В письме, в частности, подтверждалось, что «меры по изъятию имущества, принятые на основе прав и верховенства оккупационных властей (за 1945–1949 гг.) являются необратимыми. Правительство Советского Союза и Германской Демократической Республики не видят никакой возможности пересмотреть принятые тогда меры».

Письмо подписали за ГДР — Лотар де Мэзьер, за ФРГ — Ганс-Дитрих Геншер.

Однако все не так просто, как кажется на первый взгляд. Многие документы послевоенной поры вывезены в Москву. Большое количество, как выясняется позже, оказалось уничтоженным. Доступа в немецкие архивы для проведения работ по поиску доказательств прав собственности СССР на недвижимое имущество просто нет. И никто не собирается его

предоставлять. Если немцы столь умело и настойчиво боролись за нашу, российскую недвижимость на немецкой земле, то уж свою они без боя не отдадут. Да, они признают, что есть такое «право верховенства оккупационных властей», но признают его с десятками оговорок. Словом, каждую пядь земли, ступеньку здания, конфискованную у фашистов, будь то партийная канцелярия или барак имперского руководства женщинами, надо доказать документально.

Но, как пишет немецкая пресса, «русские оккупанты часто упускали возможность записаться в восточно-немецкие земельные книги в качестве владельцев». Это, действительно, так.

И тем не менее руководство Западной группы находит реальный выход.

Вот текст телеграммы Главкома Матвея Бурлакова, посланный из Вюнсдорфа в июле 1991 года.

Рубин. Москва К-160. Министру Обороны СССР, Маршалу Советского Союза тов. Язову Д. Т.

«К командованию ЗГВ обратился господин Н. Бухбиндер — адвокат, представляющий интересы фирмы «Мультакон ГмбХ», член ИАСФ (международной ассоциации адвокатов), с заявлением о том, что на основании приказов Советской военной администрации… существует реальное право СССР на владение 2600 земельными участками с их недвижимым имуществом.

В случае, если заявление фирмы «Мультакон» имеет под собой реальную правовую основу, то стоимость советской недвижимости может возрасти многократно, поскольку основную ценность представляют земельные участки».

Далее Главком просит организовать проверку материалов, подтверждающих право СССР на владение этими участками в архивах МИДа и Минюста, а также создать юридическую группу Минобороны.

2 августа первый заместитель Главкома генерал-лейтенант Л. Кузнецов обращается к Начальнику Генерального штаба Вооруженных Сил СССР генералу армии М. Моисееву.

Он докладывает о работе по изучению права Советской стороны на земельные участки на территории ФРГ, об изучении приказов Главноначальствующего Советской Военной Администрации и, по существу, повторяет просьбу Бурлакова — организовать поиск и проверку документов в архивах.

Судя по всему, ни Язов, ни Моисеев не успели ответить генералам ЗГВ. Грянул путч. Естественно, что никаких проверок в архивах МИДа,

Минюста, МВЭС не проводилось.

Но запасники Минобороны и Генштаба были проверены, и в группу войск отправлены некоторые документы. Правда, они оказались не полными. Если указывалось, например, что в Советской зоне оккупации было конфисковано 17 650 промышленных, торговых и сельхозпредприятий, то конкретные списки этих предприятий отсутствовали. А через пятьдесят лет поди — разыщи, где эти предприятия.

И потому Бурлаков и его штаб не успокаивается. В начале ноября на стол новому начальнику Генерального штаба генералу армии В. Лобову ложится докладная записка из Вюнсдорфа, а в конце месяца Министр обороны СССР маршал авиации Е. Шапошников получает письмо.

Главком ЗГВ пишет: «Советская сторона не имеет самостоятельного доступа в немецкие архивы… Для привлечения к этой работе немецких юристов потребуется около 2 млн. марок ФРГ, которыми Группа не располагает».

И дальше звучит, на мой взгляд, очень выгодное и здравое предложение.

«К командованию Западной группы войск обратился господин Хартмут Туровский, управляющий фирмы «Кон Про Интернешнл Маркетинг энд Коммуникейшнз Менеджмент ГмбХ» и предложил концепцию создания совместного Общества по поиску и реализации недвижимости имущества, принадлежащего СССР (концепция прилагается).

Фирма берет на себя расходы по созданию Общества и затраты, связанные с поиском принадлежащей СССР на территории бывшей ГДР недвижимости, провела предварительную работу по привлечению видных юристов в ФРГ При выявлении недвижимости, принадлежащей СССР, господин Туровский предлагает реализовать ее на условиях: 30 процентов от суммы реализации за вычетом расходов на содержание Общества получит фирма, а 70 процентов — Советская Сторона.

В случае неудачи в поиске советских объектов недвижимости все расходы (убытки) господин Туровский берет на себя».

Концепцию Туровского, его предложения, я отдавал на экспертизу юристам, специалистам по недвижимости, бизнесменам. Они сочли предложения управляющего фирмы «Кон Про…» весьма привлекательными и крайне выгодными, и все до единого высказали удивление по поводу упущенной выгоды. Возьмите доклад Ю. Болдырева. Упущенная выгода от заниженной цены продажи топлива и масла, о которой так много писали, составила 12 млн. марок, а здесь в случае

выигрыша (помните слова Бурлакова в письме к Язову?) — «стоимость советской недвижимости может возрасти многократно».

Что значит многократно? Горбачев, как известно, оценивал нашу недвижимость в Германии в 30 млрд. марок, российские эксперты в 10 млрд. Вот и прикиньте это самое многократно!

Выходит, что немцы неспроста назвали спор по недвижимости — «спором века».

Кстати говоря, Западная группа войск обращалась не только к нашим родным высоким военным руководителям — Язову, Моисееву, Шапошникову, Лобову, но и к немецким министрам. Например, к министериальдиргенту господину доктору Фишеру, в федеральное министерство финансов. Если уж мы не могли доказать своих прав на «экспроприированную» недвижимость, то просили подтвердить ее юридическую принадлежность ФРГ. Просили немного: к протоколу приема — передачи того или иного объекта недвижимости прилагать заверенные ксерокопии из земельных книг.

Доктор Фишер сослался на занятость чиновников своего ведомства и вежливо отказал.

Телодвижения Западной группы войск не были не замечены. В боннских кругах ломают голову, как «усмирить» Бурлакова.

В газетах появляются сообщения: «Немецкая сторона испугана».

«В Федеральное министерство внутренних дел пришел факс, в котором предупреждается о Вюнсдорфской активности в отношении недвижимости».

«Миллиардное дело в нашем доме».

…Горит Потсдамский филиал Федерального управления недвижимости. Все говорит о поджоге. Интересен и тот факт, что огонь уничтожил исключительно дела по недвижимой собственности российских Вооруженных Сил в восточной Германии.

Место пожара тоже представляется не случайным. Ведь Потсдам — центр земли Бранденбург. Именно в этой земле находится 47 процентов российского недвижимого имущества.

…Горит Центральный архив земельных книг новых земель в Барби. Детективами на месте пожара найдены 4 электронных управляемых воспламеняющихся устройства.

Одна из немецких газет, рассказывая об этих странных пожарах, так заключает свою статью: «Мы должны спешить, — сухо комментирует представитель российской команды по недвижимости. — Иначе нам останется только пепел».

Эти слова неизвестного российского представителя оказались пророческими: нам остался только пепел. За исключением трех земельных участков с девятью зданиями на них в районе Карлсхорст в Берлине да двухэтажной виллы в Дрездене, купленных на деньги Минвнешторга СССР, почти ничего не удалось отстоять.

Но тогда возникает вопрос, почему не были приняты предложения руководства ЗГВ и отвергнуты предложения юридических фирм, таких как «Кон Про» Хартмута Туровского. Ведь его предложения основывались не на голой интуиции, а на расчете юристов-специалистов по международному праву.

Однако «добро» на сотрудничество с Туровским Бурлакову не дали. Кто и почему? Кто взял на себя ответственность в очередной раз распорядиться народными миллиардами? Кто теперь сдал их без боя? Загадка «спора века». Удастся ли ее разгадать, кто знает?

Газета «Берлинер цайтунг».
Август 1993 года.

«Ельцин, который не хочет отягощать отношений своей погрязшей в долгах гигантской державы с главным кредитором — Бонном, очевидно планирует сейчас искусственный прием, который смог бы перевести проблемы русско-немецкой недвижимости с чувствительного межгосударственного уровня…»

7

Группа советских войск в Германии, или Западная группа войск — гордость и блеск нашей армии. Вряд ли какое-либо другое воинское формирование было удостоено такого внимания. Ее высокими гостями стали Президенты и Генеральные секретари, федеральные канцлеры и Председатели правительств, парламентарии, министры, видные военачальники…

Руководителей рангом пониже — не перечесть. Их Западная группа встречала и чествовала каждодневно.

Гости ЗГВ — тема особая. Крайне щекотливая и во многом запретная. В печати, как местной, так и центральной, только сухие официальные сообщения: побывал, осмотрел, встретился.

Однако умолчать о многочисленных набегах из-за «бугра» грешно, ибо именно они вносили особый колорит в здешнюю жизнь и службу.

Утро Западная группа начинала со встречи гостей. В 6 часов прибывал поезд из Москвы, в полдень делал посадку самолет-«почтовик». В последние годы гости, как правило, прибывали самолетом. За поезд приходилось платить, да еще валютой, а самолет свой, военный, по служебной надобности, бесплатный. Ну а в том, что все летели сюда исключительно по служебной надобности, сомнений не было.

И вот наступал торжественный момент: гости сходили на «землю обетованную». Ох, как любили они эту землю и как… ненавидели. Но об этом в двух словах никак не расскажешь, и потому, для начала, немного истории.

16 июля 1945 года на Потсдамскую конференцию руководителей государств антигитлеровской коалиции прибыл Иосиф Сталин.

Штаб группы советских оккупационных войск квартировал тогда в Потсдаме и первый Главком Маршал Советского Союза Георгий Жуков лично занимался размещением делегаций, определял здания и помещения, где должен был жить и работать Сталин, сопровождающие его лица.

Солдаты и офицеры группы отремонтировали и оборудовали эти помещения.

Самые сложные, напряженные этапы своей биографии группа пережила в период правления Никиты Хрущева и Михаила Горбачева. Это и 1953 год — «рабочее восстание» и 1961-й — возведение Берлинской стены, советско-американское противостояние и, конечно же, последнее

четырехлетие — вывод войск.

Горбачев не почтил своим высоким присутствием ГСВГ. Правда, во время празднования 40-летия ГДР он встретился с Главкомом группы генералом армии Борисом Снетковым и посетил музей в Карлсхорсте.

Горбачеву, как никому другому, стоило бы поближе познакомиться с Западной группой войск.

Ведь он решал ее судьбу. Но Президенту СССР было недосуг…

В отличие от Михаила Горбачева, Председатель Совета Министров СССР Алексей Косыгин не обошел вниманием проблемы крупнейшей военной группировки. На исходе 1964 года он возглавил правительство, а уже в 1966-ом приехал в ГСВГ Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев посетил группу в 1947 году.

Президент России Борис Ельцин, во время визита в ФРГ в ноябре 1991 года, побывал в Вюнсдорфе, встретился с руководством группы и выступил перед офицерами, рабочими и служащими.

В июле 1993 года в ЗГВ прибыл премьер-министр России Виктор Черномырдин.

Приезды первых лиц государства производили на вюнсдорфцев неизгладимое впечатление и оставались в истории группы навсегда. Не хотел бы пересказывать «дворовые» байки об этих визитах, которые передаются из поколения в поколение служивых людей, тем более, что касаются они, как правило, не самого высокого гостя, а его многочисленного окружения.

Право же, не знаю, как встречали Брежнева и Косыгина. Не присутствовал.

Как принимали Ельцина, слышал из уст очевидцев. Черномырдина на вюнсдорфской земле приветствовал сам.

Признаюсь сразу, хлопотное это дело — приезд премьер-министра. Армия, как ни крути, полностью зависима от правительства, потому и приходится «чистить перышки».

Помню, перед прибытием Виктора Степановича несколько дней мели и мыли и без того словно вылизанную главную улицу Вюнсдорфа — «Берлинку». Развешивали российские флаги.

С прежних времен осталось много той, союзной, «большевистской» символики. Срочно замазывали ее, рисовали трехцветную, российскую. После отшумевшего празднества зашел я к своему товарищу, заместителю по работе с личным составом базы ликвидации подполковнику Владимиру Петрищеву и обомлел. В глазах рябило от российских флагов. Такое впечатление, что они были всюду — на стендах, щитах наглядной агитации

и даже на стене столовой.

— Зачем тебе столько, Егорыч?

Петрищев усмехнулся в усы.

— Что поделаешь, я человек военный. Приказали.

А вот военной торговле вряд ли мог кто приказать. Разве что Главком или его зам по тылу. И потому военторги действовали в соответствии с собственной логикой и разумением. На три дня закрыли «столичный» универмаг. Зачем? Новые товары завозили, дефицитные.

Усмехнетесь, мол, какой в Германии дефицит, там же все есть. В Германии и вправду все есть. Но ЗГВ — не Германия, ибо наша родная торговля должна создать дефицит даже там, где его в природе не существовало.

Бедные немецкие продавцы. Кто они такие? Мелкие лавочники, вынужденные угождать каждому покупателю, раскланиваться направо и налево. А почему? Нет дефицита. Они и не подозревают, что только он родимый, словно волшебная палочка, может золушку превратить в принцессу. Да что там в принцессу, — в королеву.

Не знаю, видел ли премьер-министр вюнсдорфских торговых королев? Право же, стоило познакомиться премьеру.

Но это, что касается торговли. Торговля, она и в Африке торговля. Завезли товар, сменили новое покрытие в коридорах универмага и, пожалуйста, — встречай хоть папу Римского. А каково воинским частям, кому выпадает честь рапортовать высоким гостям. Тут уж казармы, куда ступит нога правителя, переделываются, почитай, заново. Ну что с того, что через полгода — все это ломать, упаковывать, вывозить. Главное показать товар лицом — сегодня, сейчас, сию минуту.

Кто знает, наступит ли эра, когда не будет места в нашей армии показухе?

Но только ли Западная группа войск повинна в этом? Разве чиновники, десятками приезжающие и прилетающие сюда, не жаждали обильного угощения, богатых подношений, ну и, конечно, чтоб всю командировку как в калейдоскопе — водка, пиво, баня… Баня, водка, пиво… То же самое желательно и в самолет, в дорожку, с собою, чтобы опомниться только в Москве. А опомнившись «с бодуна», поскрежетать зубами от злости и зависти на тех, кто еще вчера поил и кормил. Ибо из голодной России жизнь «поильцев и кормильцев» казалась сплошным пьяным праздником.

Только кто же тогда работал и служил, мерз в караулах и не смыкал очей на боевом дежурстве, выводил технику, вывозил боеприпасы, людей, семьи? Всю эту огромную по масштабам работу делали солдаты и офицеры

группы войск, совмещая ее с ролью гостеприимных, хлебосольных хозяев.

Каждый приезжающий из России не подозревал, что только вчера, а может и сегодня, час-другой назад, обвешанный коробками и узлами с покупками, убыл его предшественник.

Еще не остыла баня, еще не выметена парилка и не выброшены пустые пивные банки, а хозяева «лобзают» нового гостя.

Почему так случалось? Да потому, что крупный московский министерский чиновник тоже человек. Кстати говоря, весьма бедный. И ему хочется хоть недельку пожить по-человечески.

Нет, не по-барски. Вряд ли парилку, пусть даже с бассейном, сто грамм «самой чистой водки в мире» да банку пива можно считать барством. Но увы, в замерзающей столице полковник российской армии не мог себе позволить такую роскошь. Баня, «смирновка», баночное пиво давно уже не офицерский набор.

В ЗГВ такой набор был вполне возможен и реален, ибо «пособие по безработице» в валюте, которое выплачивалось офицерам группы, из России казалось несметным богатством.

Это, конечно, не так, но на пиво для гостей хватало.

Право же, не знаю, какими подарками одаривали самых высших чинов. В печати по этому поводу было много шуму. Не могу ни подтвердить, ни опровергнуть эти публикации. Говорю лишь о том, что известно мне доподлинно, что видел собственными глазами, трогал своими руками или прочел в документах.

Могли офицер или прапорщик ЗГВ подарить, дать взятку, если хотите, автомобилем? Думаю, что да. Не новым, конечно, ибо солидная иномарка в магазинах ФРГ стоит, по нашим меркам, фантастическую сумму — десятки тысяч дойчмарок. А их реально не могло быть даже у тех, кому повезло начать службу с «валюты», то есть с середины 1990 года, когда зарплату стали выплачивать марками ФРГ Что же касается металлолома, именуемого у нас автомобилями, от которого мы очистили территорию Германии, то такой подарок способны были сделать некоторые.

Правда, и тут надо было поднатужиться, ведь чтобы приобрести автомобиль хотя бы 10–15-летней давности, следовало выложить одну-две месячных зарплаты. А ведь еще есть семья, дети…

Некоторые наши газеты любили посмаковать тему сверхдешевых автомобилей. Назывались «ну очень смешные цены» — 200 марок. И сразу из России несколько звонков-заказов на двухсотмарочные автомобили. Как тут объяснишь, что даже в «стране сказок» отсутствуют сказочные цены.

Как правило, гости средней руки на машины не замахивались.

Приезжая в командировку в Германию, мечтали купить видеомагнитофон, телевизор, разумеется, подешевле. Что-нибудь из вещей, обуви, кое-какие подарки жене, детям. Разумеется, им помогали. Ибо знали: если офицер не купит телевизор или «видик» сейчас, здесь, он не купит его никогда.

Чиновники Министерства обороны, побывав в Германии, возвращались на рабочие места и помалкивали. Иное дело — коллеги-журналисты — пишущая и снимающая братия. Тех просто распирало от негодования. А поскольку за неделю — другую мало что удавалось увидеть, тем более в чем-то разобраться, то, как правило, пережевывали «вечные темы» — мафия, коррупция, спекуляция подержанными машинами.

Некоторые вносили свою, новую нотку. Помнится, руководитель одной из творческих групп Российского телеканала слезно упрашивал сопровождающих его офицеров помочь с покупкой дешевого видеомагнитофона.

Но где его найти, дешевый? Да еще по московским меркам. Бросились по военторгам, складам. «Откопали»-таки уцененный, из ремонта, приплатив еще и своих. И что вы думаете, через месяц с экрана телевизора тот самый «слезный проситель», свой в доску парень, объявил, что к спекуляции автомашинами в Германии прибавилась спекуляция дешевыми видеомагнитофонами!

Вообще, набеги журналистов в Западную группу войск это тема низости и позора нашей печати. Право же, меня трудно чем-либо удивить, за 25 лет работы в газетах и журналах повидал многое, но такое не могло присниться и в страшном сне.

Создавалось устойчивое представление, что порядочных людей сюда просто не пускали, или они не могли пробиться, зато приезжали рвачи, хапуги, пьяницы, мздоимцы. Они не гнушались ничем, порой даже рваным маскхалатом, нахально снятым с плеч офицера.

Но это редко. Запросы обычно были повыше-достать, купить, переправить попутным бортом в Москву.

Поиск подержанной автомашины (а многие приезжали в Германию именно за этим) становился обязанностью офицеров ЗГВ.

Тот из моих коллег, кто, прочитав эти строки, готов с негодованием рвануть рубаху на груди, пусть выглянет предварительно в окно. Возможно, у ворот редакции скромно припаркован старенький «мерседес», «опель» или какая-либо другая иномарка.

Уверен: в восьмидесяти процентах из ста — эта машина не миновала Западной группы войск.

Ну а уж сладко кормить гостей, поить и, разумеется, все бесплатно — это закон. Проживание в гостинице тоже за счет группы или за символически смешную плату.

Помню, как растерянно разводил руками начальник пресс-центра ЗГВ полковник Дмитрий Тимашков, получив известие о крупном журналистском десанте из столицы.

На какие деньги кормить, как оплачивать гостиницу, чем задабривать? Только вчера проводили примерно такую же компанию и начфин, скрепя сердце, подписал счет. Теперь не подпишет. Значит, с шапкой по кругу?

А почему, собственно, с шапкой? Редко кто из них сказал доброе слово об армии или хотя бы попытался разобраться в военных проблемах. Вот и пусть пьют — едят за свои кровные, посещают магазины и совершают экскурсии не на колесах и бензине ЗГВ. Ведь завтра они будут наизнанку выворачивать вчерашних своих «поильцев» и «кормильцев» на страницах газет и с экранов телевизоров, обвиняя их в коррупции, спекуляции и мафиозных аферах. Коли принципиальны в печати, пусть также честны и принципиальны будут и в жизни. К чему принимать подачки из рук коррупционеров?

Ан, нет. В газетах, журналах, на телевидении все должно быть пристойно, чинно и благородно, клеймить их проклятых на чем свет стоит, а приехав в ЗГВ, бросаться в объятия клятых.

Возникает, конечно, и другой вопрос — почему кормили, поили, почему потакали, подносили? Стало быть, боялись? А честному человеку бояться нечего. Есть чего… Обольют «дерьмом», потом отмывайся, бегай, доказывай, судись. А уж «обливать» в последнее время у нас ох, как научились.

Нет, не собираюсь оправдывать тех, кто подносил, наливал, кормил. Поделом им. Да, организовать работу журналиста надо, но не более того. Трудно представить себе, что корреспондента, приехавшего в бундесверовский гарнизон, так носили бы на руках. А после этого, «отвалившись от корыта», он «навалял» бы зубодробительную статью о моральном разложении вчерашних «однокорытников».

У нас же все возможно.

Однако группу войск любила посещать не только журналистская братия. Если перефразировать известное изречение не менее известного поэта «все звезды в гости к нам», то особого преувеличения не будет.

Никогда и нигде я не видел такой плотности «звезд» на один квадратный метр.

Со скромных подмостков гарнизонных домов офицеров и солдатских

клубов пели Муслим Магомаев и Тамара Синявская, София Ротару и Алена Апина, Вика Цыганова и Лада Дэне, Игорь Корнелюк и Михаил Муромов, Татьяна Овсиенко и Александр Буйнов, шоу-группы «На-на» и «Доктор Ватсон», «Любэ» и «Комбинация»…

Своим драматическим искусством воинов Западной группы войск радовали Владимир Зельдин и Людмила Чурсина, Нина Сазонова и Людмила Касаткина, Михаил Боярский и Федор Чехонков.

Бывали здесь и наши известные юмористы — Ян Арлазоров, Михаил Евдокимов, «Лицедеи». Думаю, что судьба накрепко связала медиков Западной группы и Владимира Винокура. Военные хирурги и травматологи совершили чудо — после автомобильной катастрофы сделали артисту несколько операций и подняли его на ноги.

Все эти «звезды» побывали в группе, разумеется, не в предыдущие полвека, а в последние год — два. Однако некоторые из них выступали здесь не один десяток лет и, пожалуй, могут назвать ЗГВ своим вторым домом.

Вот Людмила Зыкина, к примеру. Не без помощи Западной группы войск Людмила Георгиевна открыла Российскую Академию культуры в Берлине.

Что ж, добрый путь этому благому начинанию! Русская культура должна остаться в Германии.

Ведь с выводом группы войск с немецкой земли ушли не только танки, пушки, ракеты. Ушли русские люди, несущие культуру своего народа, ушли художественные коллективы ЗГВ. Те самые коллективы — ансамбль группы, оркестр штаба, которые так любили в Германии. Различные немецкие организации, предприятия неустанно писали заявки на имя Главкома, терпеливо «стояли в очереди», ожидая приезда военных артистов к себе в гости.

Однако с горечью надо сказать: эстрадная «звезда»-большая редкость на солдатской сцене. Что значит приехать с концертом в отдаленный полк, я уж не говорю о батальоне, роте?.. Пусть сбегутся все — солдаты, офицеры с женами и детьми. Наберется свободных от службы человек пятьсот, а зал в клубе на двести мест, в лучшем случае. Значит, нет сбора, нет денег, нет прибыли. А кто же сегодня задаром поет?

Но откуда такое звездное «изобилие» в Западной группе? В былые времена местные военные газеты объяснили бы это любовью к родной армии.

Увы, нет такой любви у современной артистической богемы. Нет, и все тут. Армия нынче бедна и не в чести. Значит, им не по дороге.

Что же касается ЗГВ, то здесь «любовь» звезд к армии имеет твердый фундамент. В основе его «звонкая» дойч-монета.

Один билет 4–5 марок. Объехав несколько гарнизонов, «звезда» имела неплохой куш. Кроме того, она прямо здесь, в гарнизонном универмаге, за более скромную цену, чем в немецком супермаркете, за честно «отпетую» валюту, могла приобрести хорошие товары.

Для многих российских певцов и музыкантов это была, пожалуй, единственная возможность выступить «за бугром», да заработать марки.

Надо сказать, что «звезды», побывавшие в ЗГВ, как правило, яркие индивидуальности и каждый по своему относится к зрителю. Некоторые честно «пахали» весь концерт, иные же, в маленьком, крохотном полковом клубе включали ревущую фонограмму, которая подводила их на каждом шагу. Временами хотелось провалиться сквозь землю от стыда, но, оказывается, такой моральный аспект давно уже отсутствует у многих наших популярных артистов.

Порою доходило до диких абсурдов, когда включалась фонограмма, а исполнитель сидел на стульчике посреди сцены и этак мило, хмельно улыбался. И правда, какие могут быть церемонии, марочки вы свои заплатили, а «фанера» тоже моя… Чего лишний раз кривляться.

Однако, несмотря на «издержки производства», люди шли на концерты. Не всем, правда, удавалось собирать полные залы, бывали и провалы, как у Вячеслава Зайцева и его театра мод, и обиды, высокомерное брюзжание, мол, не доросли, «пожалели марку», но тут увы, насильно мил не будешь…

Конечно, и командование гарнизонов старалось не травмировать артистов. При необходимости заполняли зал «дежурным подразделением». Помнится, в штабе и управлениях ЗГВ отбирали по 3–4 человека для обязательной явки на концерт Людмилы Зыкиной. Но надо отдать должное певице, она весь вечер пела бесплатно. Давненько здесь такого не бывало.

Гости Западной группы войск… Мы всегда были рады им. Тем более, от многих из них зависела наша будущая служба, жизнь. Тут уж хочешь, не хочешь — улыбайся.

За исключением, пожалуй, артистов, которые сами зарабатывали себе на жизнь, все остальные содержались на денежки ЗГВ. В первый день пребывания гостей им выплачивались солидные командировочные в валюте, приплюсуйте сюда проживание в гостинице, питание, «гостевые колеса», продпаек в дорожку… Набегает кругленькая сумма. Какая, интересно? Под страхом смертной казни назвали ее однажды в финуправлении ЗГВ — около 1 миллиона в валюте.

В последние годы эта цифра несколько уменьшилась. Сократились войска группы. Но не сократился поток гостей. Они ехали и ехали. Не было такого дня, чтобы десяток-другой людей не гостил в Западной группе.

В марте 1994 года, когда министр обороны России генерал армии Павел Грачев после визита в ФРГ заехал в штаб-квартиру ЗГВ, ему доложили: из Москвы едет комиссия. Планируется прибытие 65 (!) человек сроком на месяц. Подписал бумагу, дающую «добро» на приезд такой немалой комиссии один из замов министра.

Удивился Грачев такому мощному набегу чиновников из родного министерства и здесь же урезал состав комиссии до 40 человек. И не на месяц, а на две недели.

Приехало 49 проверяющих.

«Ладно, — вздохнул начальник финансовой службы ЗГВ Георгий Сапронов, — девять человек торговлю проверяют. Торговля их сама прокормит и обласкает. А остальные?..»

Что остальные, раскошеливайся начфин.

Грешно сказать, якобы в составе этой ответственной комиссии были лишь бездельники, желающие урвать сотню — другую марок. Нет, конечно. Группу войск проверять следовало, и намного строже, чем какое-либо другое хозяйство. Что, собственно, и делалось.

Но скажите, с какой целью в комиссию включили трех проверяющих офицеров из управления химических войск? Проверять-то нечего. Ни складов, ни техники, ни самих химвойск. К тому времени в группе оставалось два практически не существующих химподразделения в составе пока не выведенных дивизий.

А еще трое чиновников по проверке «драгоценных металлов». Там и одному на день работы. Ведь к весне 1994 года в группе сдачей «драгметаллов» государству занималось одно небольшое предприятие.

Все три с половиной года вывода войск Главком, финслужба слезно просили остановить «батыевы набеги». Персональное запрещение по этому поводу принимал Министр обороны. Но, как оказалось, и он не всесилен.

Стремление высоких чиновников различных министерств и ведомств, парламентариев, генералов и офицеров, журналистов пробивало любые стены.

И служивым людям группы войск ничего не оставалось, как брать под козырек, встречая гостей, а начфину, вздыхая, подписывать счета.

Приезжайте в гости к нам..

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Дома нас никто не ждал.
Мне некуда выводить армию.
Клетка для Шеварднадзе.
«Самсунг» «валяет дурака»…

1

Тишина… Напряженная тишина зависла над студеным плацем, над торжественно замершим строем бригады. Лишь слышно было, как тревожно бьется на февральском ветру Боевое знамя.

Не шелохнувшись стояли на трибуне немецкие гости, не совсем понимая, что произошло. Удивленно молчал переводчику микрофона, не зная как быть.

Налился помидорной свежестью генерал из штаба группы, с трудом процедив от ярости:

— Что он там мелет, мальчишка?..

А комбриг, и вправду, розовощек, горяч. Но уверен в себе. Словно мастер-кузнец, отковывая каждое слово, повторил:

— Это я вам говорю, ваш командир. Никто на Родине нас не ждет. Никому мы там не нужны…

Полоснули по сердцу слова, а микрофонное эхо размножило их: не нужны… не нужны…

Были потом еще проводы… И еще… Других бригад, дивизий, полков. Были песни в строю: «Прощай, Германия, прощай. Встречай нас Родина, встречай», были искренние слезы немцев, цветы, подарки, плакаты на русском и немецком языке, а у меня перед глазами студеный плац и слова комбрига, сдавившие сердце.

Казалось бы, что нового сказал этот молодой комбриг, нам ли не знать свою Родину. А поди ж ты, не верилось. Ох, как не верилось. Неужто, и вправду, мы чужие?

Разве может стать чужой для Урала их родная 10 гвардейская танковая Уральско-Львовская добровольческая дивизия? Уральские умельцы отливали броню для ее танков, да и сами потом на них воевали, дошли до Германии в сорок пятом и остались там.

Неужто повернется язык у смолян отказаться от своего прославленного 153-го танкового Смоленского Краснознаменного полка, у волгоградцев — от легендарной Сталинградской армии Чуйкова?

Не смею ничего дурного сказать об уральцах, о земляках-смолянах, но «отцы» Волгограда указали на дверь своей родной армии. Они сделали все возможное и невозможное, чтобы армия Чуйкова не вернулась в город на Волге.

«Чуйковцы» и просили-то у миллионного города всего несколько

квартир для командования. Сама армия расположилась бы в окрестностях Волгограда, в Поволжье. Только куда уж там, волгоградские «бонзы» грудью закрыли путь танкам 8-й гвардейской армии.

Этот случай потряс Западную группу войск. Его обсуждали всюду, начиная от военного совета ЗГВ и кончая ротными собраниями. Генералы, офицеры, прапорщики хотели найти объяснение необъяснимому. Неужто нынешние волгоградские «вотчинные князьки» забыли, кому они обязаны жизнью, да и мягкими креслами тоже?

За годы вывода «князьков» больших и малых наберется порядком. Они будут плести интриги, ставить условия возвращающимся войскам, но волгоградский случай явление особое, я бы сказал, уникальное. Его в пору внести в школьные учебники, ибо такое беспамятство, такое попрание воинского духа отцов и дедов грозит катастрофой всей нации.

Что же за армия, сначала 62-я, потом 8-я гвардейская, но навечно Сталинградская?

Не было в нынешнем столетии битвы более жестокой и кровопролитной, чем Сталинградская. Никакое другое сражение не оказало такого влияния на судьбы человечества. Подчеркиваю, не отдельного народа, страны или группы стран, а всего мира.

Ни одна из битв прошлого, вошедшая в анналы военной истории, не сравнится с ней. Фермопилы, Канны, Бородино или даже Лейпциг, громко прозванный «битвой народов», решали региональные задачи.

В Сталинграде на карту была поставлена судьба государств-гигантов, а вместе с ними и судьбы Европы и мира. На Волге напрямую встал вопрос — быть или не быть тысячелетнему рейху? Битва на Волге должна была разрешить трагическую дилемму — жить или не жить России?

Мир в оцепенении следил за битвой веков. Миллионная самурайская армия засела в Маньчжурии. Двадцать шесть отборных турецких дивизий стояли на наших южных рубежах. Все ждали исхода сражения. И потому лозунг 8-й гвардейской армии: «За Волгой для нас земли нет» имел без преувеличения планетарное значение.

Что же касается стратегии и тактики военного искусства, и тут Сталинградская битва не имеет аналогов в мире.

Никто и никогда не вел так долго городских боев — боев в тесноте улиц, домов, подвалов, среди взрывов, в бесконечных рукопашных схватках. Противник был всегда рядом — за стеной, на соседней улице, в близлежащем доме. Это накладывало страшный психологический отпечаток, казалось, армия Чуйкова, задыхаясь, бьется не месяц, два, полгода — вечность.

8-я гвардейская имела в своем составе всего 50 тысяч человек. 6-я армия Паулюса — 180 тысяч солдат и офицеров и тысячу самолетов генерала Рихтогофена.

По всем военным законам, армии Чуйкова суждено было погибнуть, Сталинграду — пасть. Но «чуйковцы» попрали законы войны, опрокинули представления о человеческих возможностях. Не существовало на Земле другого народа с такой невиданной мощью духа, как российский! Не было в Красной армии другого такого воинского формирования, как армия Чуйкова!

226 дивизий сосредоточил Гитлер в начале войны на советско-германском фронте. 1,5 миллиона, то есть четверть из этих огромных сил, он потерял в Сталинграде.

Так неужто теперь, через десятилетия, надо объяснять неоспоримую истину — не будь 8-й гвардейской, не было бы и Сталинграда, а значит, и России.

Не случись той Великой Победы на Волге, где, в каких креслах сидели бы нынешние волгоградские бонзы?

Когда я впервые услышал эту непостижимую для ума «волгоградскую историю», вспомнились слова Рональда Рейгана, сказанные им в пылу предвыборной кампании 1980 года.

«Русские — это чудовища, — объявил будущий Президент Соединенных Штатов, — они могут потерять 20–30 миллионов человек и смириться с этим, забыть о них».

Обидные, оскорбительные слова. Но разве позиция волгоградских руководителей не оскорбляет память и историю легендарной Сталинградской армии похлеще заокеанского правителя?

Увы, горожане, те самые, спасенные бойцами 8-ой гвардейской горожане, их дети и внуки не изгнали со своих постов власть придержащих. И церковь, которая любит повторять ныне, что молится за воинство, не предала анафеме политиканов, забывших какого они роду и племени.

Это только один позорный случай, а сколько их было по великой Руси.

Стыдно, право же, писать о таком. Издревле считалось, что народ наш любит и уважает защитника своего, воина, ратника. Так оно, видимо, и есть. Ибо редко когда местные или верховные властители были выразителями воли народа.

Не зарегистрировано ни единого выступления местного населения против воинских частей, возвращающихся на Родину.

Зато постоянно «выступали» местные руководители. Теперь многих

уж нет в теплых креслах, а те, кто остался, скрепя сердце, смирились. Не один год идет вывод, о нем говорят, снимают, шумят. Не дай Бог, попадешь на зуб журналистам, ославят. Но то ли было в начале 90-х…

Газета «Нойес Дойчланд».
Июль 1990 года.

«Председатель Верховного Совета РСФСР Б. Ельцин заявил в интервью венской газете «Курьер» о том, что РСФСР больше не будет выделять средства на такие «бесполезные программы», как, например, космические исследования и военные расходы. На них, по словам Председателя Верховного Совета, не будет выделено ни рубля».

И если о бесполезности военной программы заявлял сам глава парламента, что уж говорить об «удельных головах».

Вспоминает заместитель Главнокомандующего ЗГВ по строительству и расквартированию войск генерал-майор В. Кошелев:

— Когда вывод войск делал свои первые шаги, я был начальником квартирно-эксплуатационного управления Московского военного округа.

Мы уже знали, что нам придется принять большой воинский контингент из ЗГВ и прорабатывали вопрос, где «посадить» «германские дивизии».

Какое это было тяжелое время. Полное непонимание и ни малейшего желания понять проблемы вывода главами администраций некоторых областей.

Словно это не государственная задача, а личная инициатива округа, министерства…

Нам навязывали свои условия, требовали строительства порой невероятных объектов, на возведение которых у нас не было ни денег, ни рабочих рук.

Сколько мы потратили сил, постоянно с генералами, офицерами Генерального штаба вылетали в Курск, Воронеж… Убеждали, уговаривали…

Все в ЗГВ, кто общался с чиновниками в России, куда выходят войска, единодушно признают: легче решать вопросы с самым антироссийски настроенным немцем, чем с местными, родными администрациями.

Как куражились «удельные князьки»! Шел позорный торг, аукцион за десяток гектаров пустоши, словно земля, на которую «высаживался» полк или бригада, была вовсе не государственной, а его, главы администрации,

частной собственностью. И потому, как хотел, так и распоряжался. Своя рука владыка.

Какие, право, цены назначались! Ладно, если построит грунтовую дорогу от районного центра к городку. А не хотите ли железнодорожную трассу протянуть, этак километров на 70 от Кантемировки в Богучар? Или овощехранилище возвести. Но это еще по-божески, а коли взбрыкнется местному «князю» стройку века «закатить» солдатскими руками — ЛЭП по области провести.

«Да как же ее провести?» — взмолились высокие генералы. Во всем Минобороны днем с огнем не сыщешь ни энергетиков такой специализации, ни документации, ни техники, ни материалов. Ну не строит военное ведомство ЛЭП. Но областной «голова» и слушать не хочет: будет ЛЭП — дам землю под военный городок, нет — свободны на все четыре стороны.

Насилу убедили, умолили…

А надо ли молить на коленях? И дело ли военных служить толкачами, просителями, молителями?..

Помните фразу, брошенную Предсовмина Рыжковым в перерыве Пленума ЦК, в беседе с Язовым и Бурлаковым — проблемы вывода надо решать на правительственном уровне.

Надо. Тут Рыжков как в воду глядел. Именно правительству, а может быть, и Президенту (как «отцу» идеи вывода ЗГВ) следовало собрать глав администраций и познакомить их со стратегической концепцией размещения войск (ежели, конечно, таковая существовала в природе).

Иными словами, каждому «князьку» растолковать, почему эта дивизия или полк выводится в его областные болота, а не в соседние.

Правда, подозреваю, что у глав администраций возникло бы немало трудных вопросов к правительству, связанных с обустройством выводимых частей. Будем объективны: каждый полк, а тем паче, дивизия, — непроходящая головная боль местных начальников. Тут сразу воз проблем: отсутствие жилья, нагрузка на городское хозяйство, торговлю, школьные и дошкольные учреждения, трудоустройство жен военнослужащих… Да мало ли их наберется, когда в город сразу приезжают тысячи людей?

Президенту и Предсовмина, несмотря на весьма здравые заявления предметно заняться этой проблемой, было недосуг. «Бои» местного значения вылились в затяжную междоусобную «войну» между Министерством обороны, которому попросту некуда было отступать, и главами администраций.

К счастью военного ведомства, нашлись среди «глав» мыслящие по-

государственному люди.

Такими оказались руководители Краснодарского и Ставропольского краев, Смоленской, Ростовской, Ленинградской областей.

Они и землю выделяли без задержек, и квартиры из собственных скудных запасов продавали офицерам ЗГВ. В общем, относились с пониманием.

Однако при скромном местном бюджете, хроническом дефиците денег, космических скачках цен и они мало что могли. А ведь не будем забывать, к ним выходили не только «германские» дивизии.

Для войск ЗГВ хоть медленно, с опозданием, но кое-что строилось на немецкие деньги, да и группа помогала обрести «угол», а офицерам из Прибалтики и Закавказья не на что было надеяться.

Никто не строил этим людям квартир ни за литовские, ни за азербайджанские или армянские деньги. Хотя выходили они оттуда, нередко оставив не только жилье, но все, что было нажито за долгие годы.

В Вюнсдорфе я встретил прапорщика, который приехал в ЗГВ с тремя детьми и женой из Армении. Он прослужил там двадцать лет. Почитай, всю свою военную жизнь. Контейнер армянские власти не выпустили из страны. Так и остался прапорщик в армейском кителе, а жена — в единственном летнем платье.

Отношение к офицерам и прапорщикам, возвращающимся из Германии, было весьма прохладным. За ними тянулся шлейф слухов и небылиц о несметных богатствах, вывезенных с «земли обетованной». Это нередко и становилось основой конфликтов.

Знаю, в некоторых гарнизонах квартиры, построенные для военнослужащих ЗГВ, распределялись людям, которые никогда не служили в группе. Но служили в Прибалтике, в Закавказье.

Немецкие представители, узнав об этом, протестовали. Ведь в соответствии с Договором… Да, те, кто распределял таким образом квартиры, наверное, нарушал Договор, но офицеры из Литвы и Латвии, Грузии и Азербайджана — тоже дети России. Только еще более несчастные и обездоленные…

Вот такой клубок проблем…

Прав, тысячу раз был прав комбриг, который осмелился при всех заявить, что никто нас на Родине не ждет. И Родина, как ни горько об этом говорить, не казалась нам матерью. Скорее мачехой…

Как-то в разговоре с одним офицером я «ввернул» фразу о Родине-мачехе. Собеседник горько усмехнулся и поправил меня: не мачеха, а разбойник с большой дороги.

Уж это было слишком. «Слишком?» — удивился офицер и рассказал мне историю о государстве, которое держит на крупных и ответственных должностях настоящих бандитов.

С ними и встретился в одной из поездок в Россию начальник штаба вертолетного полка, который дислоцировался в Мальвинкеле, подполковник Николай Мачанский.

Он ехал в город Бердск, что в Сибири, с самой, что ни на есть, святой миссией — вез гуманитарную помощь. Нет, не залежавшуюся соль и не сухое молоко из берлинских подвалов, а самое необходимое для стариков и старушек Бердска — продукты и лекарства.

И помощь та была «не халявная», не от богатой германской компании или фирмы, а оплаченная из семейных кошельков офицеров и прапорщиков полка.

В пору вывода такое часто практиковалось в Западной группе войск. Мне самому приходилось писать, как в летной части полковника Вячеслава Андриянова пилоты и техники собрали почти 3 тысячи немецких марок и 2 миллиона рублей добровольных пожертвований.

На марки закупили перевязочный материал, одноразовые шприцы и передали Никольской районной больнице, что в Подмосковье. Рубли перевели на счет этой же лечебницы.

Подобную акцию провели и сослуживцы подполковника Мачанского и командировали его сопровождать груз. Думал ли офицер, какие мытарства ждут его на родной земле?

Первая остановка в дорогом и милом сердцу каждого авиатора столичном военном аэропорту Чкаловское. Родина приняла в свои объятия начштаба на… трое суток. Таможня не пускала груз.

Интересная это структура, таможня. Ей бы посвятить отдельный роман… Она достойна того. Как-то на моих глазах чкаловская таможня трясла «челноков», возвращающихся из турецкого турне с несметным количеством баулов. Споро шла работа. За несколько часов таможня «переварила» огромный тряпочный поток, и мы благополучно улетели в Германию. А тут трое суток.

За это время груз Мачанского можно было перебрать по упаковке, пересчитать по таблетке. Но дело, конечно, не в таблетках для бедных старушек. Упрямый подполковник попался, не хотел понять нужды таможенников.

Так и не понял до конца. Не добившись своего, отпустили с миром. Вздохнул офицер, решил, что отмучился, и военный самолет взял курс на Новосибирск, оттуда дорога в Бердск.

Теперь жадно вспыхнули глаза у местных чиновников. Часто ли им в сибирском далеке судьба приподносит такие подарки. Тут уже все было напрямую, без стеснения. Судя по всему, чиновничество здесь не боялось никого.

Мачанский пытался вразумить, взывать к их совести. «Это же для стариков, инвалидов, для отцов ваших», — объяснял начштаба.

Соглашались. Да, для стариков, для инвалидов, понимаем. А нам лично?

Пулю в лоб вам лично. Иного лечения для вас нет. Говорят, в октябре 1993 года в Москве всех обманули лидеры патриотических движений, позвав к оружию. Как вы думаете, в тот момент, окажись в руках Мачанского автомат Калашникова, нужны ему были чьи-то призывы?

Но Калашникова под рукой не оказалось. И тогда подполковник сказал в одном из высоких кабинетов:

— Сейчас я обзвоню все ваши газеты, радио и телевидение. А потом вывожу машину с лекарствами и продуктами на центральную площадь и поджигаю…

Верно — найдутся люди, которые рассудят, что офицер действовал уж слишком радикальными методами, следовало пойти в прокуратуру, в местное управление МБ, в конце концов, записаться на прием к главе администрации. Это было бы гуманно и демократично.

Мачанский не верил в подобную демократию. Он видел, в креслах государственных чиновников сидели бандиты, как бы они себя не называли.

Угроза офицера возымела действие. Но и люди в погонах не «железные дровосеки», без сердца и чувств. Всему есть предел…

Если на долгом пути от шумной столицы до дальнего сибирского Бердска за святую помощь немощным старикам постоянно требуют взятки, что-то не ладно в нашем Отечестве. Кто пытается утверждать обратное — либо глупец, либо враг своему народу.

Впрочем, этим сегодня вряд ли кого удивишь в матушке России…

2

…Вторые сутки с группой российских журналистов сидели мы в авиационном гарнизоне в Демине. Шли вертолетом из Мукрана на дозаправку, да в дороге застала гроза. «Метео» не давала «добро» на вылет.

Подождав еще несколько часов у моря погоды, решили добираться на автомобилях.

До Фюрстенберга нас подбросили пилоты, а там за помощью пошли в штаб армии.

Командарм, несмотря на воскресный день, работал. Он сидел за большим, резного дуба столом, нервно курил. Поздоровался, пригласил сесть и опять запалил сигарету.

Пауза затягивалась. Генерал-лейтенант молчал. Судя по всему, мыслями он был где-то далеко от этих мест.

— Мне некуда выводить армию, — произнес командарм и медленно снял очки в золоченой оправе. Темные полукружья бессонницы у глаз выдали в нем смертельно уставшего человека.

Видимо, эта боль не отпускала его долгие месяцы. И теперь он не мог не поделиться ею.

— Там через два месяца морозы по двадцать… Степь… А на стройке и колышка не вбито.

За окном млела тихая германская осень. Не хотелось верить в лютые морозы, в солдатские палатки, насквозь продуваемые степными ветрами. Мы слышали про это не раз, не два. Устали слышать. Каково же тогда ему, командиру?

' — У меня жена капитана была. С малышом на руках. И он, и она детдомовцы, сироты. Кто-то хоть к папе-маме поедет, а ей куда? Ни души родной на всем свете.

Командарм обвел нас тяжелым взглядом.

— Куда ж ей теперь? В степь, в палатку, с мужниной батареей?..

— Эх, кабы моя воля… — застонал генерал. — Я Горбачева и Шеварднадзе заковал бы в железную клетку и провез по тем местам, куда мы выходим…

…Прошедшей ночью, приняв рюмочку смирновской, размягченные и благостные, мы много спорили о демократии. И вдруг, на тебе, оковы, железная клетка. Средневековье какое-то…

А капитанская жена, сирота, детдомовка с малышом в батарейной

палатке на снегу. Что это? Каменный век? Нет — преступление века.

Свершившим это преступление против собственной армии — офицеров, прапорщиков, их жен и детей, нет прощения. Знаю, за свои деяния они ответят перед Богом. Но, увы, божьего суда эти люди не боятся, потому приспело время судить их мирским судом. Их адвокатов и защитников (таких найдется не много, но все-таки) приглашаю проследовать маршрутом командарма — по тем местам, куда выходила Западная группа войск.

А теперь о том, как свершилось преступление века? Пусть эта глава станет обвинительным актом Горбачеву, Шеварднадзе и их приспешникам.

О программе строительства жилья для выводимых из Германии войск говорилось много, однако напомню лишь две цифры: 7,8 миллиардов и 550 миллионов марок. Первая цифра — столько немецкое правительство выделило на обустройство советских войск по Соглашению, подписанному 9 октября 1990 года, вторая — дополнительная сумма за ускорение вывода ЗГВ на четыре месяца.

В чем соль этой проблемы?

На первый взгляд все просто и ясно. Оставляя благоустроенное жилье в Германии, мы должны получить квартиры взамен. Где? В местах новой дислокации — в Советском Союзе, а впоследствии в суверенных государствах — в России, Украине, Беларуси. И получить их не через год, два после вывода, а к моменту выгрузки из эшелонов.

Так, собственно, и планировалось, и преподносилось миру. Но совсем иначе вышло наделе.

А вот как вышло? Об этом никто из официальных лиц государства до сих пор не признался и не нашел мужества сказать: жилищная программа «7,8 млрд. + 550 млн. ДМ» потерпела полный крах.

Знаю, какую бурю негодования вызову я у специалистов-строителей, как зарубежных, так и своих, российских. Каждый из них, с цифрами и документами в руках готов будет доказывать и перечислять количество введенных в строй городков, сданных домов, заселившихся новоселов.

Трудно сказать, сколь впечатляющими окажутся эти цифры к моменту выхода книги, но уверен — будут и сданные дома, и заселенные квартиры. Даже когда полностью закончатся строительные работы, я не устану утверждать — жилищная программа для выводимых войск закончилась полным провалом.

Как мне кажется, такое парадоксальное утверждение требует подробных объяснений. Попытаюсь объяснить. Вернемся в уже не близкий, но такой горький и бесплодный для нас 1990 год. Вновь на сцене те же,

порядком надоевшие лица — Горбачев, Шеварднадзе, их советники, помощники, прочее окружение.

Громогласно объявлено об очередной советской мирной инициативе — выводе войск из Германии. «Быстро сказка сказывается, да не скоро дело делается» — гласит народная мудрость. Но «главному сказочнику Советского Союза» и море по колено. Он словно не замечает айсберги проблем, вырастающие за спиной.

Однако самый гигантский айсберг нельзя не заметить. Не убрав его с пути, невозможно начинать вывод. К счастью, это поняли оба лидера — и федеральный канцлер ФРГ Г. Коль, и Президент Советского Союза М. Горбачев.

Помните, на переговорах в Москве, в июле 1990 года, когда Горбачев называет срок вывода ЗГВ «3–4 года», Коль беспокоится «куда будут выведены войска», «как изменится экономическая ситуация», и каким образом она станет воздействовать на эти выведенные части, и тут же заявляет: «Мы могли бы оказать помощь… Помощь по переподготовке военнослужащих гражданским специальностям».

Горбачев добавляет: «Плюс квартиры…» Коль соглашается.

Переговоры заканчиваются на оптимистической ноте. Михаил Сергеевич говорит Колю о том, что мы начали эту работу в Москве, а продолжим ее на Кавказе. «На чистом, горном воздухе многое видится еще яснее»…

Казалось бы, оснований для беспокойства нет. Но судя по всему, «чистый, горный воздух» сыграл с Горбачевым злую шутку.

Внешне все было благопристойно. Кавказские договоренности, подписание боннского соглашения между правительствами ФРГ и СССР о некоторых переходных мерах, выделение 7,8 млрд. марок «для целевых проектов жилищного строительства».

Однако разберемся подробнее в юридической подоплеке подписанных документов. Вчитаемся в сроки Соглашения. Статья 3. Цитирую.

«С целью частичной компенсации расходов, возникающих у Советской Стороны во время и после вывода советских войск с территории пребывания, Немецкая Сторона окажет Советской Стороне поддержку в осуществлении специальной программы гражданского жилищного строительства… для выводимых советских войск, которая запроектирована Советской Стороной на период 1991–1994 годов с целью сооружения 4 миллионов квадратных метров жилой площади».

В следующем абзаце называется сумма финансирования программы — 7,8 млрд. марок.

Что главное в Соглашении? Деньги, деньги и еще раз деньги, как шутят строители. Это есть, да еще в твердой валюте.

Далее, количество планируемых к выводу квадратных метров жилья? 4 миллиона.

Наконец, сроки. С 1991-го по 1994 годы. И никакой конкретизации. Иными словами, захотим — введем в строй в январе 1991 года, не захотим — в декабре 1994-го. Так записано в Соглашении черным по белому.

Разумеется, никто не трактовал столь упрощенно условия Соглашения, но тем не менее, когда за год до окончания вывода российская сторона «взвопила», что темпы строительства жилья отстают от темпов вывода войск в 9 (!) раз, высокая немецкая сторона посоветовала не увязывать вместе две разные проблемы. То бишь, не путать божий дар с яичницей.

По существу, нас спросили, где написано, что строительство жилья и вывод войск должен идти синхронно? Нигде.

Да «частичная компенсация», да «в поддержку спецпрограммы жилищного строительства», и указаны рамочные сроки. Читайте, внимательнее, господа. Нет, не когда уже подписано, а когда подписываете.

Кто, собственно, мешал Горбачеву, Шеварднадзе на переговорах в Москве, «на чистом, горном воздухе» Кавказа, да и в Бонне поставить вопрос иначе — дивизия, полк ли выводится после того, как построено жилье. Вполне цивилизованный подход. То есть офицеры, их семьи оставляют благоустроенные квартиры после того, как получают ключи от новых, построенных в России.

Наверное, у большинства российских офицеров, привыкших к лишениям и бесконечным мытарствам по чужим углам эти строки вызовут улыбку. И вправду, звучит фантастично, — не успел распоковать чемоданы — получите ключи. Так здесь и до сердечного приступа не долго.

На самом деле ничего тут удивительного и фантастичного нет. У руководителей страны была возможность дать своим военным хорошие квартиры и, главное, вовремя, без нервотрепки и семейных трагедий. Пусть за чужой счет, пусть на немецкие деньги. Но распорядиться миллиардами толково, с умом, ставя во главу угла не эфемерные интересы государства, а реальные заботы человека в погонах. Случись это, сколько бы сторонников имели и Горбачев, и Шеварднадзе. Но они собственными руками наплодили армию врагов и противников.

Мы любим кивать на Запад. Кивнем еще разок, тем более, что в группе войск Запад был рядом, за забором. Так вот, американцы, англичане, французы не торопились уходить из Германии. Пока не решены были вопросы жилья, трудоустройства, переподготовки военнослужащих, ни

один солдат Вооруженных Сил США в Европе, Британской Рейнской армии, французских войск не двинулся с места.

Поэтому и сроки сокращения и вывода войск назывались реальные, а не «безумные», как у нас.

Эту «фантастическую», на наш взгляд, жилищную проблему мы могли решить весьма успешно. У нас было то, о чем сегодня и мечтать-то не приходится: твердые деньги и естественное желание богатейшей страны мира помочь нам уйти и обустроиться на новом месте. Увяжи Горбачев «жилстрой» с графиком вывода войск, уверен: городки строились бы во много раз быстрее, без задержек и опозданий, без ссылок на русский мороз и грязь.

Как тут не вспомнить одного из героев романа «12 стульев». «Деньги вечером — стулья утром. Деньги утром — стулья вечером. Но…» Этого «но» и не сделал Горбачев, когда на переговорах воскликнул: «Плюс квартиры». А надо было всего лишь добавить, следуя заповеди бессмертного героя ильфо-петровского романа: «Квартиры вечером — вывод утром. Квартиры утром — вывод вечером. Но квартиры — вперед!»

Только вот офицерам группы не до смеха. Очередной дипломатический «зевок» обернулся несчастьем для тысяч семей военнослужащих.

…О программе строительства жилья для выводимых из Германии войск писалось и говорилось много, но никто из государственных мужей не нашел в себе мужества признаться: все дивизии и полки, до единого… Подчеркиваю — все вышли на пустые места. В палатки, в бараки, в брошенные крестьянские избы.

Ни одно воинское подразделение, кроме, пожалуй, известной Берлинской бригады, которая выводилась последней и участвовала во всех праздничных мероприятиях, не вошло в уже построенный, готовый для жизни городок. Никому на пороге этого городка не были вручены ключи от квартиры. Офицеров, их жен, детей встречала голая степь, в лучшем случае котлован, или пустые коробки будущих домов.

Я часто вспоминаю теперь стон командарма, его уставшее, почерневшее лицо. Думаю о капитанской жене, сироте и детдомовке: с малышом на руках. Что увидела она там, в России? От чего содрогнулось ее сердце? От леденящего душу ветра, от раскаленной «буржуйки» в ротной палатке или от слез испуганного сынишки?

3

29 апреля 1994 года. Впереди 4 месяца вывода, позади 40 месяцев напряженной работы. Соединения уходят строго по графику.

Главком группы генерал-полковник Матвей Бурлаков на пресс-конференции в Берлине в очередной раз взывает к общественности. Из 32 военных городков построено только 6 (!?). Немногим более 9 тысяч квартир. А боевой состав некогда мощнейшей военной группировки сократился на 95 процентов. Выведено 49 тысяч бесквартирных семей. Не трудно подсчитать, сколько офицерских семей осталось без дома, без крова…

А как оптимистично все начиналось…

> **Журнал «Шпигель». Ноябрь 1990 года.**
>
> «Накануне визита М. Горбачева в ФРГ Г. Коль проинформировал советского Президента о подготовке немецкой стороны к выполнению обширной программы, предусматривающей строительство 36 тысяч квартир.
>
> Выступая на заседании кабинета по данной проблеме, Г Коль заявил: «Мы не должны разочаровать Советы».
>
> Строительство жилья для советских военнослужащих имеет, по его мнению, символическое значение для германо-советского сотрудничества».

Очень верные слова. Но как огромна дистанция между словом и делом. «Мы не должны разочаровать Советы». О, нет, господин канцлер, не о разочаровании идет речь. О трагедии. Вывод войск стал трагедией для тысяч офицерских семей.

Возвращение в палатки не просто «временные неудобства», как пытаются убедить нас прекраснодушные политики.

Это позор для главы семьи, который не смог дать своим близким самое насущное — крышу над головой.

Это несчастье для матери, хозяйки, лишенной крова.

Это исковерканная на всю жизнь детская психика.

А тысячи острейших социальных, бытовых, нравственных проблем, которые напрямую связаны с бездомным положением. Ведь неспроста в России бесквартирных офицеров зовут «бомжами в погонах». Нет, это не

броская фраза, придуманная журналистами, это социальное положение — отсутствие прописки, работы, возможности лечиться.

У меня до сих пор перед глазами заплаканное лицо дочери, вернувшейся из библиотеки. Ей не дали книг только потому, что в паспорте не было штампа о прописке.

Пока вы военный «бомж», не дай Бог кому-либо заболеть из близких. В 1982 году, в Ленинграде я прошел все круги ада — райздрав, горздрав, райком партии, чтобы положить жену в больницу. Никто не помог. Сжалилась главврач одной из районных лечебниц, тоже жена офицера, на свой страх и риск устроила койку бездомной супруге капитана Советской Армии.

Если когда-нибудь эта книга попадет в Германию, хочу донести до умов и сердец немцев боль и безысходность бездомных российских офицеров. Задумайтесь, оглянитесь, что оставили военные России на немецкой земле — построенные за полвека цветущие, благоустроенные городки, налаженную жизнь, удобные квартиры. Вспомните, как вы прощались с нами, как русские обнимали вас, не тая зла и обиды, как пели они в своих песнях о дружбе и мире… А ведь каждый из них точно знал, что уезжает не в обещанную квартиру, а в промерзший барак, в продуваемую всеми ветрами армейскую палатку.

Особенно страшно было за наших детей…

И несмотря ни на что Западная группа уходила точно в срок, в строгом соответствии с графиком. Где, в каком уголке света найдете вы человека с такой доброй, распахнутой душой, офицер какой армии способен на такое самопожертвование?

Да простят меня коллеги из бундесвера, но вспомним, как неохотно ехали служить они в восточные земли. А семьи многим из них так и не удалось вытащить с родного Запада — из Баварии, Гессена, Баден-Вюртемберга. Но Бранденбург и Саксония-Ангальт далеко не Сибирь и даже не леса Смоленщины, Брянщины, Подмосковья. Там посланцев с Запада ждали не палатки и бараки, а вполне благоустроенные квартиры и солидная прибавка к жалованию за службу в отдаленной местности. Если таковой местностью считать, к примеру, Потсдам или Дрезден, то что тогда гарнизон Магоча в Забайкалье? Неспроста ведь до сих пор бытует в армии старая поговорка о том, что «Бог создал Сочи, а черт — Магочи».

Да, мы не только победили фашизм. Не только способствовали объединению немецкой нации. Но и ушли, как обещали, точно в срок. Вывезли ядерное оружие, технику, тысячи тонн боеприпасов. Вывезли офицеров, прапорщиков, солдат, свои семьи.

Куда? В никуда. Попытайтесь понять человека, уезжающего в никуда. Немцы-западники удивляются, как дорожат жители восточных земель своей квартирой. Да что там квартирой, по западным меркам, квартиркой.

А теперь представьте, вы едете с семьей и там, куда вы едете, нет даже «квартирки», просто комнатки, угла за фанерной перегородкой.

> **Газета «Наследник Победы».**
> **Западная группа войск.**
> **Март 1994 года.**
>
> Часть, которой командует полковник А. Репик, вышла из Германии весной 1991 года. Думали ли ракетчики, служа в Магдебурге, куда их забросит судьба?
>
> «Канатчикова дача», — так называют свой барак офицеры и семьи, живущие здесь.
>
> Марина Субботина, Татьяна Зимина, Любовь Ерохина и другие жены военнослужащих наперебой рассказывают о своем житье-бытье.
>
> — «Бомжуем» здесь уже три года. Каждый дождь встречаем с тазиками и ведрами — течет крыша. Нет горячей воды, зимой замерзаем от холода, а летом задыхаемся от вони — в полуметре от окон находится канализационный сток…
>
> — Барак до такой степени пропитан влагой, что у всех наших детей без исключения развился хронический бронхит. Почти все в этом году отлежали по несколько недель в инфекционной больнице.
>
> — В нашей «даче» полным-полно крыс, мышей, блох, а через раз наведываются тараканы, им, видимо, тесно у соседей.

«Неужели это правда?» — задает себе вопрос автор статьи. Оказывается, описанные ужасы не выдумка. Все существует на самом деле. И тошнотворная канализация под окнами, и стены, на которых уже не держатся обои, и прогнивший пол.

Весной 1991 года, прямо из эшелона, прибывшего из Германии, вселились сюда офицеры с семьями. Тогда же им пообещали: через два года обеспечим жильем. К выходу статьи в свет прошло три года, но воз и ныне там…

Где оно, это жилье? Сколько еще ждать? Вопросы, вопросы… Помните, я говорил, страшно за детей. Они то в чем виноваты?

В чем виноват семилетний сын и трехлетняя дочь старшего лейтенанта

Алексея Ерохина, восемнадцать раз болевшие в один год?

Как объяснить сыну Риты Добровольской, сломавшему руку, что «скорая помощь» не приехала за ним потому, что в бараке и окрестностях нет телефона. Хорошо, не растерялась мать, в отсутствие мужа-офицера схватила в охапку стонущего от боли сынишку, выбежала на трассу и за несколько тысяч рублей упросила частника подбросить до ближайшей больницы.

Тогда все обошлось. Но обойдется ли завтра? Скажите, какая другая армия способна на такие лишения?

Однако вывод шел четко по графику. Неимоверно трудно, но в соответствии с международными договоренностями.

> **Газета «Тагесшпигель». Май 1994 года.**
>
> «Вывод русских идет без проблем».
>
> «По данным начальника немецкого отдела по связям с ЗГВ генерал-майор Х. Ферча, вывод российских войск идет по плану.
>
> …Ни с чем не сравнимы огромные заслуги ЗГВ по передаче 1026 городков с площадью, большей чем федеральная земля Саарланд».
>
> **Газета «Лейпцигер Фолькецайтунг».**
>
> **Апрель 1994 года.**
>
> «В Британской рейнской армии пропадают даже танки».
>
> «Взрывчатое вещество, оружие, а возможно, даже танки «пропадают» из арсеналов британской армии, дислоцированной в Германии».

Такие факты были приведены в недавно опубликованном докладе финансовой контрольной комиссии парламента Великобритании о ходе планового вывода британских войск.

В организации этих мероприятий царит полная неразбериха, отсутствует учет взрывоопасных материалов и другого военного имущества.

Газета «Дейли Телеграф» цитирует высказывание члена финансово-контрольной комиссии: «Там царит полный хаос».

Следует учесть и то, что британцам до 1995 года надо было вывести всего 27 тысяч человек из 38 пунктов дислокации, а нам — 546 тысяч из 777 военных городков.

И все-таки, как нередко случается в жизни, мужество и самопожертвование одних — это ничто иное, как неизбежная компенсация

за разгильдяйство и низкий профессионализм других.

Почему офицеры ЗГВ и их семьи выходят, по существу, «в чисто поле», кто виноват, что они годами ждут жилье, «перебиваясь» в зловонных бараках и промерзших палатках?

Неужто нет виновников подобному безобразию? Понять это хотят как в России, так и в Германии. У нас тут на двоих одна судьба.

Журнал «Шпигель». Ноябрь 1990 года.

«Министр хозяйства Х. Хусман, которому поручено это направление, сетует «на некомпетентность, отсутствие инициативы» и ведомственную неразбериху у советских партнеров. Он полушутя говорит, что «армия — единственная система, которая здесь еще функционирует».

Главком ЗГВ М. Бурлаков. Выступление перед депутатами бундестага ФРГ — членами комитета обороны. Январь 1994 года.

«Я с сожалением сообщаю вам, что требовательность как российских должностных лиц, так и представителей министерства экономики ФРГ к фирмам по выполнению планов строительства жилья не высокая».

Итак, немцы считают, будто всему виной — русские, с их некомпетентностью и неразберихой. Главком ЗГВ имеет на сей счет свою точку зрения. Он бросает упрек как родному Министерству обороны и его Главному квартирно-эксплуатационному управлению, так и Министерству экономики ФРГ, представители которого на местах осуществляют контроль хода строительства.

Кто тут прав, кто виноват, сразу не разберешься. А разобраться надо…

Телевидение ФРГ.
Сентябрь 1990 года.

«В Москве завершена работа над текстом советско-германского договора о предоставлении СССР финансовой помощи. В соответствии с договором, ФРГ предоставит Советскому Союзу 12 млрд. марок, а также 3-х миллиардный беспроцентный кредит. 7, 8 млрд. ДМ из этой суммы планируется использовать для финансирования строительства 36 тысяч квартир для выводимых войск…»

Так родилась «программа 7,8 млрд. марок», а точнее, ее финансовая база.

Что требовалось от советской стороны? Казалось бы, совсем немногое — определить, где строить и кому строить.

Определили. Вряд ли сегодня поднимется рука бросить камень в тех, кто предложил расположить войска Западной группы в приграничных округах. Армия всегда стояла по границам государства. Это аксиома стратегии.

Теперь находятся «светлые головы», крепкие, как всегда задним умом, и заявляют: «Германскую» группировку нельзя было раздергивать, растаскивать по углам, следовало вывести как единое воинское формирование. И создать на ее базе округ. Тем более, что Уральский, Сибирский, Приволжский округа при размахе территорий весьма бедны войсками.

Возможно, теперь так бы и поступили. Но тогда была иная страна, с иным геополитическим воззрением. И потому соединения ЗГВ выходили на Украину и в Белоруссию — в Прикарпатский, Киевский, Одесский, Белорусский округа. Там начинали возводить и первые городки по «программе 7,8 млрд. марок».

Особенно активно шло строительство в Белоруссии. За два года (1991–1992 г. г.) были введены в строй 4 городка: в том числе Борисов, Слогородков, и сдали в эксплуатацию почти 6 тысяч квартир.

В эти годы и Украина получила два благоустроенных военных городка — в Кривом Роге и Староконстантинове. Позже к ним добавятся городки в Киеве и Новгород-Волынском. В общей сложности — 5170 квартир.

Когда закладывалось жилье, еще никто не подозревал, что с развалом Советского Союза все эти тысячи квартир окажутся за рубежом, за границей, и в городках разместятся дивизии суверенной Беларуси и «самостийной» Украины.

А Россия? Россия осталась без новейших образцов танков, боевых машин пехоты, бронетранспортеров, ведущих полков дальней авиации. Они также оказались в приграничных округах и стали теперь собственностью новых государств — бывших республик Советского Союза. Это произошло и с квартирами.

Взяв под свою юрисдикцию Западную группу войск, Россия унаследовала все проблемы вывода, в том числе и острейшую среди них — жилищную.

Кое-что удалось построить и в Российской Федерации — городки Владикавказ и Шайковка. Не знаю, можно ли считать военный городок, возведенный во Владикавказе, российским, но в Шайковке — наверняка. А это всего лишь тысяча квартир…

На десятки тысяч выводимых войск — тысяча квартир (!?).

Таким образом, построив более 7 тысяч квартир, Западная группа осталась практически без жилья.

Беларусь, после обретения суверенитета, заговорила о существующей сверх-милитаризации республики и взялась за резкое сокращение своих Вооруженных Сил. Украина с трудом «справлялась» с проблемами уже выведенных на ее территорию соединений и частей из Германии. Да и ЗГВ теперь оказалась частью российской армии. Значит, всем войскам группы была одна дорога — в Россию.

Но куда? Россия велика. Это следовало заново, в срочном порядке определить. Но в срочном порядке не получилось. Слишком много проблем было увязано со строительством городков — геополитических, стратегических, тактических и даже личных. Слишком сильно было сопротивление местных чиновников.

И вот уже апрель 1993 года. Вывод идет два года. Пройден «экватор». Остался год и восемь месяцев до окончания беспрецедентной операции. Нашими войсками освобождено и передано немецкой стороне более 470 городков. А что же в России?

«Мы столкнулись с острейшей проблемой обустройства войск в новых местах дислокации и обеспечения жильем офицерских семей», — признался М. Бурлаков, выступая в Гамбурге, в академии командных кадров бундесвера.

Из ЗГВ выведено 33 тысячи бесквартирных, в том числе более 23 тысяч в Россию. За этот же период по программе 7,8 млрд. ДМ в России построено лишь 2212 квартир, что составляет обеспеченность жильем 10 %. На Украине этот показатель равен 40 %, в Беларуси -13,4 %.»

Стало быть, всего 10 процентов. Однако, думаю, реально эта цифра значительно ниже. Во Владикавказе в военном городке достаточно случаев самозахвата квартир беженцами, местным населением.

Что же касается новых мест дислокации, таких городков, как Орешково, Богучар, Ельня, Зерноград — по ним лишь разрабатывалась техническая и тендерная документация. По городским — Кубинка, Андреаполь, Миллерово, Мариновка, Буденновск — тендерная документация продавалась. Еще по четырем городкам — Тверь, Кострома, Вязьма и Морозовск — велись контрактные переговоры. И в 10 местах начиналось строительство.

Разработка, продажа тендера, переговоры и заколачивание первых кольев на месте будущей стройки… А ведь на дворе не 1991-й и даже не 1992-й годы. Весна 1993-го…

Чему же тогда удивляться, если и через полгода тот же Главком ЗГВ на своей пресс-конференции в Берлине воскликнет: «Неделю назад я был в районе Богучар, куда выводится 10-я танковая дивизия. Там — чистое поле. Кто виноват в этом?»

И генерал Бурлаков первоочередными виновниками назвал Горбачева и Шеварднадзе.

Они, «подписывая Договор, не вникли в масштабность предстоящих задач. А надо было глубоко задуматься о судьбе людей».

Но разве не «повинен» в этом развал Союза и коренной пересмотр плана передислокации частей ЗГВ, медлительность ГлавКЭУ Минобороны, бычье упрямство «удельных князьков»? Да, виноватых много, но ответ за провал держать, как всегда, некому.

…И все-таки специалисты считают: даже при столь позднем старте строительных работ, весьма непростой обстановке в стране и армии, при сотнях различных объективных и субъективных причин мы могли строить и сдавать жилье вовремя, в соответствии с планом. Иное дело, что сам план опаздывал, отставал от темпов вывода, но тут уж винить некого, кроме себя…

Зададимся вопросом: как мы умудрились опоздать дважды? Но об этом в следующей главе.

4

«В рамках реализации специальной программы строительства жилья для семей военнослужащих, выводимых из Германии, за счет средств Немецкой стороны на территории России планируется осуществить строительство 30 жилых городков на 34,4 тыс. квартир с объектами инфраструктуры (школы, детские сады, лечебные учреждения, магазины, КБО, объекты инженерного обеспечения)».

(Из доклада заместителя Главнокомандующего ЗГВ по строительству и расквартированию войск).

После утрясок и согласований, переговоров с Украиной о дополнительном строительстве двух городков в Новоград-Волынском и Киеве на долю России выпала нелегкая ноша — возвести 25 городков.

Тут подоспело Совместное заявление Президента России и федерального канцлера ФРГ, по которому сроки вывода группы сокращались на четыре месяца и Германия дополнительно выделяла 550 млн. марок. Руководство ЗГВ выдвигало предложение — 300 миллионов из этой суммы отдать на закупку квартир. Предложение поддержано не было. Решили вложить деньги в строительство новых городков.

В окончательном варианте их тридцать. Расположены они в 4-х округах — Ленинградском, Московском (теперь вопреки всякой военной логике, он становился приграничным), в Северокавказском и Приволжском.

После того как определили места для строительства, встал вопрос — кому строить?

Умирающий строительный комплекс страны жаждал валютных инъекций, но, увы, не был способен взять столь «рекордный вес» — десятки тысяч квартир.

Эксперты вынесли однозначное решение — строить должны зарубежные фирмы. Факт, безус ловно, печальный — валюта, рабочие места уплывали в чужие руки.

Немцы тоже не очень верили в наши возможности, но более всего не хотели упускать свои. Им нужны и рабочие места, и деньги. А их, как ни крути, лучше отдать своим, немецким фирмам.

У России же практически отсутствовал опыт международного строительства. И потому решили пойти привычным, принятым в таких случаях путем — объявили конкурс среди строительных фирм. В конкурсе

приняли участие немецкие, финские, турецкие, корейские, австрийские, шведские, индийские фирмы и компании. Среди них достаточно известные — ПЭМ-Финляндия, «Тексер», «Байтур» — Турция, «Филипп Хольцманн», «Штрабак» — ФРГ, «Самсунг» — Корея…

«Фирмачи» предлагали свои условия — дешевле, качественнее, быстрее.

Что касается первого условия — дешевизны, тут выигрыш налицо. Его можно, что называется, потрогать руками уже сегодня, в ходе конкурса. С двумя другими условиями — сложнее. Только вполне состоятельная фирма могла выполнить их. Но на лбу, как известно, у нее не написано, состоятельна она или, наоборот, находится в предбанкротном состоянии.

Начфин группы Георгий Сапронов, которому приходилось много работать с зарубежными фирмами, как-то заметил в разговоре со мной: «Надо знать не только законы права, но и экономические законы. Не верить на слово, не спешить заключать договор, а выяснить, солидная ли это фирма. Каким образом проверить? Заплатить деньги и получить исчерпывающую информацию. Так принято во всем мире…»

Да, так принято во всем мире, только не у нас.

И потому сегодня есть все основания сказать: люди, которые заключали договора на строительство городков от имени российской стороны, либо не знали, как проверить фирмы, либо преднамеренно не хотели этого делать.

Результат не замедлил сказаться. В начале 1994 года стало известно — обанкротилась финская фирма «Хака» и в предбанкротном состоянии находится турецкая фирма «Энка». А российская сторона, как известно, заключила с банкротами два крупных договора на строительство городков в Новосмолино (1075 квартир) и в Чайковском (1385 квартир).

Потому и вышло, что негласным девизом конкурса стала исключительно «совковая» сентенция — дешевле, дешевле и еще раз дешевле.

Что и говорить, мы никогда не умели экономить собственные деньги, но теперь решили выиграть на немецких миллиардах. Однако забыв при этом старую, народную мудрость — скупой платит дважды.

Платить дважды нам, естественно, было нечем, и потому платили за просчеты чиновников офицерские семьи — своим благополучием, спокойствием, здоровьем.

Притчей во языцех у руководства Западной группы войск стала всемирно известная южнокорейская фирма «Самсунг». Корейцы, строго оберегающие свой авторитет на мировом рынке, не боялись дурной славы в

России.

Вот что рассказал на одной из встреч с журналистами Главком ЗГВ генерал-полковник Матвей Бурлаков.

«Особенно плохо работают у нас южнокорейские фирмы. Фирма «Самсунг» схитрила и выиграла тендер на строительство городка в Ельне. Они предложили очень выгодные условия, и даже я им подыграл.

Соревновались они с немцами, и германская фирма выиграла у них три очка. Но немцам, как известно, давалось плюс 50 очков. Деньги-то немецкие. Так вот, «Самсунг» сумел отыграть 47 очков и, чтобы получить право на строительство, предложил возвести городок на 13 миллионов дешевле. Немало!

Эти миллионы мы решили пустить в дело и построить дополнительные квартиры. Я обратился к министру экономики ФРГ с письмом и попросил отдать тендер южнокорейцам.

Министр пошел навстречу и отдал. А сегодня в Ельне они ничего не делают, попросту «валяют дурака».

Вот так мы попались на удочку южнокорейской фирмы…»

Остается развести руками и вздохнуть: эх, кабы только на южнокорейскую удочку. Но и на финскую, на немецкую, на турецкую…

Что же мы за люди, что за Иваны-дураки, которых можно объегорить на каждом шагу? Ведь в другом, цивилизованном государстве, не сдержи фирма слово, не выполни обязательства, заказчики своими штрафными санкциями разорили бы ее, сжили бы со свету.

А у нас «Самсунг» может «валять дурака», фирма «А. Г Магдабург» ФРГ отставать от плана на 3 месяца, компания «Билфингер и Бергер» — на 6, совместная германо-турецкая фирма «ХмБ Текфен» — на 10 месяцев.

И никаких тебе штрафных санкций, никаких разорений? 4-е Управление ГлавКЭУ, которому поручен контроль за работой фирм, молчит, как в рот воды набрало. Странная позиция? Но что за ней?

Газета «Наследник Победы».
Западной группы войск.
Январь 1994 года.

«…Несмотря на отставание отдельных инофирм, до сих пор еще ни разу не были выставлены штрафные санкции. Мешает этому, в частности, пункт, внесенный во многие договоры, где прямо говорится о праве фирм продлять сроки строительства до двух месяцев. Чем иностранные строители и пользуются.

В том же Морозовске в связи с неблагоприятными

погодными условиями фирма заявила о продлении сроков строительства на 10 недель…»

Что это за «неблагоприятные погодные условия?

Дождь под Санкт-Петербургом и мороз на Кольском полуострове? Разве финнам, немцам, туркам не было известно доселе, что Новосмолино в Нижегородской области и Чайковский под Пермью это далеко не знойный Стамбул и даже не Лейпциг в ФРГ.

Мне пришлось держать в руках выпущенный в Германии красочный фотоальбом, посвященный «строительной программе 7,8 млрд. марок». Авторы альбома «крепко» намекали на трудности, с которыми пришлось встретиться на российских землях иностранным строителям. Вот как они описывают грязь в Краснодарском крае. «Когда тает сне г или после нескольких дождливых дней, толстый плодородный слой почвы превращается в непролазное месиво».

«Что ж тут нового? — спросит любой житель Краснодарщины, — так было всегда».

А Север? Городок Апаккурти на самом краешке Кольского полуострова. Мне пришлось служить в Ленинградском военном округе и часто бывать в этом заполярном поселке. «300 дней в году длится отопительный период», — говорится в альбоме. Летний верхний слой оттаивает, а под ним — вечная мерзлота.

Строить за Полярным кругом, это значит вывезти большие массы снега. При соприкосновении промерзшего и подогретого бетона грунт подтаивает, создается опасность погружения фундамента в месиво».

Все так и есть, и было, и не только в 1993 году, когда возводился городок, но десять, двадцать лет назад. Примерно году в 1982-ом, в июне, когда в Летнем саду в Ленинграде уже благоухали розы, мы пробирались в Апаккурти на двух автобусах. На перевале нас застала настоящая снежная буря. В трех метрах не могли разглядеть идущий впереди автобус.

Так что никто не скрывал, да и не смог бы скрыть истинного состояния погоды в тех местах, где предстояло строить.

Все данные по «метео» были известны фирмачам не хуже нашего. Кстати говоря, за эти самые «неблагоприятные условия» они имели неплохую добавку к жалованию. Ссылка на «русский мороз», как источник всех бед, устарела еще полвека назад, когда в нем, проклятом, гитлеровские генералы видели причины своего поражения под Москвой.

Уверен: понимали это и эксперты-строители 4-го Управления ГлавКЭУ российского военного ведомства. Но тогда почему, как справедливо пишет

газета Западной группы, «ни разу» не были выставлены штрафы?

Мне посчастливилось прочесть донесение одного из замов Министра обороны своему шефу. О чем же докладывал зам? Привожу дословно. «В контрактах на строительство жилых городков предусмотрены жесткие штрафные санкции к инофирмам — генеральным подрядчикам за нарушение сроков готовности квартир или городков».

Итак, газета доказывает, что санкций в договорах не было, заместитель Министра уверяет Грачева, что «штрафные санкции — предусмотрены». Да еще не простые, а «жесткие». Что это? Кто из них заблуждается или, мягко выражаясь, врет?

Газета своим читателям или зам своему патрону?

Самое прискорбное, что это не имеет никакого значения. Даже если санкции и существовали на бумаге, «мягкие» или «жесткие», они не были реализованы. Подчеркиваю утверждение газеты — ни разу!

Приплюсуем сюда неоценимый вклад «вождей перестройки», о котором мы уже говорили, роль «вотчинных князьков», позицию 4-го управления ГлавКЭУ, и выходит… что пенять нам не на кого. Не «Самсунг» «валяет дурака», мы его «валяем»…

Да, не всегда понятно и объяснимо, почему турки гонят в Стамбул пароход за щебнем, если его достаточно в соседних карьерах, строят свой комбинат ЖБИ, когда местные, российские заводы простаивают и согласны на любой заказ, отказываются от нашей электроэнергии и работают на дизелях.

Мы можем досадовать по этому поводу, пожимать плечами, но как организовать и выстроить технологический цикл, в конечном итоге, их дело. А вот как мы правим свое дело?

Зимой 1993 года пароход из Стамбула со стройматериалами дошел только до Новороссийска. Остановила его буря (о ней тогда много писали), и турки были вынуждены вернуться назад. Там раздекларировали груз, потом пришлось опять продекларировать. Шло время, объекты стояли. Летчики мерзли во времянках.

Прочитав эти строки, кто-либо скажет, мол, тут не на кого пенять, непогода она и есть непогода. И если брать конкретный случай, будет прав. Но в том то и дело, что у нас теперь всегда непогода.

Несколько лет назад известный писатель Борис Васильев опубликовал статью: «Люблю Россию в непогоду».

Я тоже люблю Россию, но ненавижу непогоду. У нас штормит уже который год. Состояние бури — обычное состояние страны в последнее десятилетие. Строить в таком состоянии крайне трудно, ну разве что

разваливать уже построенное…

На объектах, где приходилось бывать, то и дело слышал стенания родных российских строителей по поводу отданных туркам денег, а те, поди, держат лучших русских мастеровых на субподряде, на грошах, на объедках с барского стола.

Стенания имеют под собой почву. Дело именно так и обстоит. Наши трудятся на второстепенных участках, и работу дают им самой низкой квалификации. Почему?

Вот что ответил на этот вопрос начальник строительства в Морозовске, турецкий инженер Орхан Дая: «Ваши русские строители приступили к работе три месяца назад. Но через месяц мы поняли, что они не управятся с объемом намеченного и через три года».

В Морозовске нет ни щебня, ни песка, ни цемента. Местные строительные организации не смогли справиться даже с опалубкой для теплосетей. Что уж говорить о более сложных и трудоемких видах работ.

В общем, все тридцать три несчастья…

Сегодня причину отставания по вводу в строй городков кое-кто видит в неверной концепции, в ошибочных подходах к решению всей специальной строительной программы 7,8 млрд. марок.

В чем же главная ошибка? Да в том, что восточногерманским землям не было предоставлено право самим вести строительство городков.

Выходит, к примеру, дивизия из Бранденбурга — пусть бранденбуржцы и строят для них жилье; улетает полк с аэродрома Тюрингии, а посланники земли уже возводят в России военный городок для пилотов. Тут тебе и продолжение традиций российско-германской дружбы и укрепления добрососедства.

Но, как известно, земля земле рознь. Если где-то есть крепкая строительная база и под силу строительство за рубежом, то иная земля гордится не архитекторами и монтажниками, а пивоварами. Как поступить в этом случае? Одолжить строителей у соседей, расплатившись пивком?

Хотя, думается, и при нынешнем подходе не обижены строители из новых земель. Из 22 подрядов, полученных немецкими генподрядчиками или объединениями фирм под немецким руководством, 9 — восточногерманские.

Право же, трудное это и неблагодарное дело — советовать вдогонку. Но вот знать, как решалась крупнейшая в истории нашей армии задача по строительству жилья для выводимых войск, надо. И дело не только в истории. Ошибается тот, кто думает, будто программа «7,8 млрд. марок» это прошлое российских Вооруженных Сил. Это их будущее.

Расположение новых гарнизонов — огромнейшей важности стратегическая задача. Время покажет — верна ли сама концепция вывода Западной группы, точно ли были определены места новой дислокации соединений и частей, сколь жизнеспособными, а значит, и боеспособны окажутся созданные военные городки? Станут ли мужчины в них служить, а женщины рожать, как рожали они в прежних, обжитых гарнизонах.

Ведь уже сегодня во многих «германских», орденоносных, прославленных соединениях от первоначального состава офицеров и прапорщиков осталась где половина, а где и того меньше. Разбежались. Нет, дело не только в сладких германских коврижках и горьком хлебе Отечества. Хотя не без того, конечно. Причина в другом.

Некоторые городки не удобны для жизни. Не знаю, как это рассудить с точки зрения стратегии, но к чему было выносить их за десятки километров от человеческого жилья в чисто поле. Это при наших-то отвратительных дорогах, умирающем межгородском (не говоря уже о междеревенском) транспорте, проблемах трудоустройства жен.

В одном из новоиспеченных гарнизонов уже немолодой подполковник, у которого за плечами Афганистан, горячие точки, Германия, сказал мне, словно пригвоздил: «Хата есть, да жизни нет…»

Вот так. Мы кричали до хрипоты, выколачивая из инофирм как можно скорее эти самые хаты, оказывается в них и жизнь — не жизнь. Из подполковника я больше не вытянул ни слова.

Так почему же не жизнь? Я бродил по гарнизонной грязи, глядел, думал, искал ответ. Кто знает, может я и не прав, но что почувствовал — тем делюсь. Сегодня нам очень важно это понять. Дабы не вымерли новые гарнизоны, основа молодой российской армии.

Изначально гарнизон — это казарма. Не пугайтесь. Кто служил в гарнизонах, поймет меня. Да, казарма. Но что или кто превращает казарму в особое, не сравнимое ни с чем духовное формирование? Нет, не материальное. Не так уж сложно даже при всех наших трудностях построить добротные стены — дома ли, солдатского клуба, но в них нечем будет дышать, а значит жить.

Вся моя жизнь прошла в гарнизонах. Служил в них солдатом, офицером, работал в командировках, однако ответить на этот вопрос однозначно не берусь.

Может, это ветка весенней акации, что царапалась лунной ночью в мое солдатское окно?

Может, гордый немец-трубочист, которого я встречал каждое утро в моей лейтенантской юности и верил в удачу?

А может, седой сосед по ДОСу (дому офицерского состава), который угощал меня удивительными яблоками из своего крохотного сада. Он служил когда-то в этом гарнизоне, сначала не хотел уезжать, а потом не смог. Так и состарился.

Это мои гарнизоны. Это дорого мне и любимо. Наверное, кто-нибудь другой помнит иные, непохожие на мои гарнизоны. Но и там было нечто такое, что делало из казармы — дом. Уютный, умиротворенный. Покинув который, хочется обязательно вернуться.

У новых гарнизонов нет пока своей истории. Нет ветки лунной акации, нет старика-соседа с его садиком и утром идущих на службу не встречает приносящий счастье трубочист.

Я бродил по гарнизонной грязи и думал: долог путь этих импортных казарм к гарнизону. Ох, как долог. И потому просил и молил, и желал живущим здесь людям, счастья.

— Повстречайся им, трубочист!

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Как мы предали ГДР.
Секретный пациент.
Шампанское для Хонеккера.

1

29 мая 1994 года в Германии прохладный, ветреный день. После полудня включаю телевизор. Телеканал «САТ-1» показывает кадры старой хроники.

На семейном снимке, рядом с матерью, светловолосый мальчик. Это будущий руководитель ГДР Хонеккер. Бегут кадры, и вот уже на экране фото из архива гестапо — молодой борец-антифашист снят в фас и в профиль. Еще секунда, и Эрих оживает на трибуне. Он в форменной рубахе FDJ — комсомола восточной Германии.

Переключаю каналы — РТЛ, ЦДФ, ОРБ. На всех программах — Хонеккер, с ведущими государственными деятелями ФРГ — Шмидтом, Колем, Вайцзеккером, Штраусом.

А вот он уже с Горбачевым в аэропорту Шенефельд, в президиуме собрания, посвященного 40-летию ГДР. И поцелуй, тот самый знаменитый поцелуй, прозванный в восточных землях «иудиным», когда Горбачев обнимает и целует Хонеккера.

Голос за кадром с прискорбием извещает — умер Эрих Хонеккер. Ушел из жизни последний символ уже не существующего государства. Канула в лету его романтическая мечта создать счастливую социалистическую страну рабочих и крестьян на немецкой земле.

Чем была для нас, «Советов», эта страна? Младшим братом, союзником по Варшавскому Договору, «форпостом социализма» в Европе, нахлебником? Да, всем понемногу. А еще она была нашим гвоздем в заднице капитализма, мухой в их жирном супе.

Но главное, ГДР оказалась несбыточной мечтой для каждого советского человека. О, как жили восточные немцы! Даже в самые лучшие годы Советский Союз лишь мечтал о таком уровне жизни.

ФРГ называли «витриной капитализма». Так вот ГДР, если хотите, была такой же «социалистической витриной».

Сегодня все понимают, сколь показной оказалась эта витрина. Помнится, после одиннадцати лет разлуки, первое, что мне бросилось в глаза, когда я приехал в Потсдам, это как обветшал красавец-город. Наверное, так же, как обветшал весь социализм.

Но нам ли, пребывающим ныне в нищете, судить о восточногерманском упадке?

Мы, задрав штаны, все равняемся, да бежим за Америкой, за ФРГ, а

сдается, что уровень бывшей ГДР теперь для нас заоблачная высота. Поднимись Россия до него и правителей наших воспели бы в стихах и песнях…

Но до песен ли сейчас? Впрочем, и не нам одним.

Как-то случайно оказался в доме бывшего капитана национальной народной армии (ННА) ГДР. Он закончил наше высшее военное училище, хорошего уровня программист, но вот уже три года мается без работы. А на шее семья: жена, двое детишек.

От него впервые я и услышал то, что суждено будет выслушать много раз.

— Вы нас предали… — скажет бывший капитан. Скажет спокойно, без надрыва, собрав волю в кулак.

Нет, он не был «политкомиссаром», не сотрудничал со «Штази» и тем не менее потерял все.

Значит, так и есть. Мы предали ГДР, ННА, этого капитана? Или это лишь эмоции обиженного человека?

А что, собственно, мог предпринять в той, безусловно, драматической ситуации старший брат — Советский Союз, на которого молились, ждали защиты? Снова ввести танки в Лейпциг и Берлин, пригрозить «ядерным кулаком», загнать недовольных «восточников» в подполье? Всякому здравомыслящему человеку ясно: в восемьдесят девятом подобное было невозможно. Но тогда о каком предательстве идет речь?

Дабы ответить на этот вопрос, попытаемся восстановить события тех месяцев.

Начиная с июля 1989 года, в ГДР происходят весьма неприятные для коммунистического руководства ГДР эксцессы.

Беженцы из ГДР заполнили дипломатические посольства Западной Германии в восточном Берлине, Будапеште, Праге, Варшаве.

50 тысяч беженцев выезжают в ФРГ из Венгрии, 6 тысяч из Чехословакии, примерно полторы тысячи из Польши.

9 октября 100 тысяч человек выходят на демонстрацию под лозунгом «Народ — это мы» в Лейпциге.

18 октября Генеральный секретарь ЦКСЕПГ Эрих Хонеккер уходит со своих постов.

4 ноября. Крупнейшая в истории ГДР демонстрация протеста в Восточном Берлине. На улицу вышло около миллиона человек.

7 ноября Политбюро ЦК СЕПГ и Совет Министров ГДР в полном составе уходят в отставку.

А вечером 9 ноября рухнула берлинская стена. Власти бессильны что-

либо предпринять. Канцлер Коль прерывает свой визит в Польшу, спешит в Берлин, где произносит речь с балкона ратуши Шенеберга.

1 декабря Народная палата ГДР убирает из Конституции страны пункт о ведущей роли СЕПГ

…Грассирует общая дестабилизация, восточные немцы уезжают на Запад… Появляется шанс воссоединения Германии. Однако ни Париж, ни Лондон «не считают это злобой дня, а Горбачев при встрече на Мальте предостерегает Рейгана от искусственного форсирования германского вопроса.

Более того, в течение одного месяца (имеется ввиду декабрь 1989 года), Горбачев делает еще одно весьма определенное заявление. На декабрьском Пленуме Центрального Комитета КПСС он говорит, что Советский Союз «не бросит ГДР на произвол судьбы».

Что означали заявления лидера СССР для восточных немцев?

Я задавал этот вопрос много раз десяткам людей в Германии и неизменно получал однозначный ответ — граждане ГДР свято верили заверениям Горбачева. Да, «старший брат» не бросит их в беде.

Означало ли это, что большинство в ГДР было против воссоединения и воспринимало горбачевскую инициативу как антиобъединительную. Разумеется, нет. Хотя вполне объяснимо, почему медлил Горбачев. Польша и Венгрия все больше уходили из-под его влияния, в Румынии близилось свержение Чаушеску, и выход ГДР из Варшавского Договора мог окончательно дестабилизировать обстановку в Европе.

Однако жизнь сама подталкивала Горбачева к объединению Германии. Оно было неизбежно. Но как провести его, на каких основах и принципах? Вот коренной вопрос, который на Востоке и Западе Германии рассматривался по-разному.

Новое правительство Ханса Модрова выступало за равноправное объединение и увязывало проведение реформ с требованием сохранить собственную государственность. Заверение Горбачева в этот период о том, что Москва «не бросит ГДР на произвол судьбы», воспринималось в Восточной Германии как поддержка политики правительства Модрова.

Позиция руководителей СССР и ГДР сыграла свою роль. Канцлер Коль выдвинул программу из десяти пунктов, которая обеспечивала создание сообщества на конфедеративной основе.

Но случилось то, что и до сих пор в бывшей ГДР называют «предательством», свершенным «вождями перестройки». Как это произошло? Слово Валентину Фалину, известному международнику, бывшему секретарю ЦК КПСС, человеку, в те годы работавшему с

Горбачевым и потому хорошо информированному. Вот что писал он в интервью «Комсомольской правде».

«…События приняли нерасчетный оборот после совещания министров иностранных дел, на котором Э. А. Шеварднадзе пошел на прямое нарушение директивы Горбачева…

Одно дело — воссоединение двух самостоятельных германских государств, другое — аншлюс, то есть поглощение ГДР Федеративной Республикой. Одно дело — преодоление раскола Германии как кардинальный шаг к устранению раскола Европы. Другое — перенесение переднего края раскола континента с Эльбы на Одер или дальше на восток.

Объяснение своего поведения Шеварднадзе дал очень простое — я узнал это от помощника президента Анатолия Черняева: «Геншер так просил об этом. А Геншер — хороший человек».

Что же случилось с ГДР в результате договоренностей двух «хороших людей»?

«ГДР обречена, — с горечью заметил писатель 111. Хайм, размышляя о судьбе Восточной Германии, — Все, что останется от республики — короткое упоминание в учебнике истории».

С тех пор прошло не так уж много времени, но жизнь подтвердила правоту слов писателя.

Вспомним о национальной народной армии ГДР, безусловно, одной из лучших армий Варшавского Договора. Что сталось с ней?

На Западе считают: она была интегрирована в бундесвер и, что очень важно, — мирным путем.

Что касается мирного пути, то это великая заслуга политиков и военных Германии как с той, так и с другой стороны. Право же, трудно найти нечто подобное в мировой истории.

А теперь об интеграции. Увы, по этому поводу существуют иные мнения.

Бывший и последний министр обороны ГДР адмирал Теодор Хофман (поскольку Эппельман именовался уже министром обороны и разоружения), выступая на одном из научных семинаров в Берлине, заявил: «С объединением Германии ННА была распущена. Многие профессиональные военнослужащие подверглись дискриминации».

На прилавках берлинских магазинов еще и сегодня можно встретить книгу с символическим названием: «Две армии — одна Родина». Не знаю, какой смысл вкладывал в эту фразу автор, но офицерам и унтер-офицерам ННА примерно такой и виделась будущая схема единой германской армии.

И если уж не две армии, то ННА и бундесвер, как две равноправные,

равнозначные части будущих Вооруженных Сил объединенной Германии.

Голубые мечты «восточников» в погонах уже через две недели после объединения развеял командующий территориальным командованием «Восток» генерал-лейтенант И. Шенбом. Он заявил, что лишь 30 процентов кадровых военных и военнослужащих по контракту могут рассчитывать на место в бундесвере. Но, как известно, и обещанных 30 процентов бундесвер не смог принять в свои ряды.

Перед трудной проблемой стояли политики объединенной Германии: страна не нуждалась в таком количестве войск. Значит, частичное сокращение как ННА, так и бундесвера? Нет, на деле вышло несколько иначе.

Газета «Нойес Дойчланд».
Август 1990 года.

«11 августа в военно-воздушном училище им. Отто Лилиенталя в Баутцене состоялся последний в истории этого учебного заведения ННА торжественный выпуск молодых летчиков.

В тот же день состоялся последний выпуск молодых офицеров в военно-морском училище им. Карла Либкнехта в Штральзунде».

Газета «Вельт». Декабрь 1990 года.

«Генерал-лейтенант И. Шенбом сказал, что сокращение ННА быстро продвигается вперед. Из 170 тысяч военнослужащих, проходивших службу год назад в Вооруженных Силах ГДР, сейчас осталось 80 тысяч человек».

Как было воспринято в частях и соединениях ННА ГДР это «быстро продвигающееся» сокращение? Председатель военнослужащих ГДР полковник Э. Никкель назвал это «социальным — крахом».

Думаю, тут нет преувеличения. Мне рассказывал бывший подполковник ННА, как после воссоединения к ним в бригаду связи, дислоцирующуюся под Берлином, приехали два бундесверовца — майор и капитан. Они приняли командование бригадой.

Через два года из нескольких десятков офицеров бригады в бундесвере удалось «зацепиться» лишь двум. Бывший заместитель начальника штаба, подполковник, остался служить майором, да замкомбрига в том же звании командует в бундесвере ротой.

Они в общем довольны своей судьбой, а остальные?.. Остальные оказались свободны на все четыре стороны.

Сначала были уволены политработники и военные юристы. Оказались за бортом все до единого генералы, вне зависимости от их возраста, образования, опыта работы в войсках. За редким исключением подобная участь постигла полковников.

Остальные могли подать рапорт с просьбой о продлении службы. Если они не сотрудничали с министерством безопасности ГДР, и это после проверки подтверждала соответствующёя служба (ее в Германии называют «ведомством Гаука»), то военнослужащий ННА мог надеяться на зачисление в кадры бундесвера. Хотя надежда была весьма иллюзорной. Ведь руководство бундесвера с первых шагов не старалось обнадеживать будущих кандидатов из ННА.

Да и как оно могло обнадежить, если в соответствии с международным договором численность самих вооруженных сил ФРГ следовало сократить и довести до 370 тысяч, а тут же бывшая армия ГДР.

И все же, все же. Несмотря на все сложности сокращения, нередко в бундесвере происходили весьма странные и труднообъяснимые события. При сопоставлении их возникают закономерные вопросы.

Газета «Берлинер цайтунг».

Декабрь 1990 года.

«Командование бундесвера «Восток» приняло решение о закрытии военной академии ННА в Дрездене, единственной в бывшей ГДР. Около 500 офицеров получили уведомление об увольнении со службы».

Газета «Вельт». Октябрь 1990 года.

«Министр обороны ФРГ Г Штольтенберг принял участие в церемонии официального открытия академии бундесвера в Вальдбрёле».

Какой смысл закрывать одну академию, одновременно открывая другую, или, сокращая правой рукой генералов, левой — вводить новые генеральские должности?

Газета «Нойес Дойчланд».

Октябрь 1990 года.

«28 сентября уволены последние 24 генерала. Начальник Генерального штаба ННА генерал-лейтенант М. Гоэц охарактеризовал это решение об отставке как факт запрета на профессию. Более половины из 24 генералов моложе 50 лет

бесспорно компетентны и лояльны к политическому курсу».

Газета «Вельт».

Октябрь 1990 года.

«Для решения задач, появившихся в связи с объединением Германии, федеральное правительство планирует создать в Вооруженных Силах 750 новых должностей. Среди них 20 генеральских, в том числе «генерал-лейтенант» — 1, «генерал-майор» — 5, «бригадный генерал» — 14».

Значит, чиновники, проводившие сокращение ННА, руководствовались не только отсутствием аналогичных воинских профессий в составе бундесвера, как это было с политработниками и армейской юстицией, а также предписанием «ведомства Гаука», но и еще какими-то критериями…

Какими? Официальные разъяснения указывают на физические, профессиональные качества, опыт работы в войсках, командирские навыки. Так может, уровень подготовки офицеров и унтер-офицеров «восточников» оказался недостаточно высоким и не соответствовал бундесверовским требованиям? Нет, это выглядело иначе. Один из бывших офицеров ННА признавался как-то в журнале «Шпигель», что освоение танка «Леопард» на курсах переподготовки в Кобленце не составило для него труда. Он знал каждую кнопку и рычаг этой машины. И наоборот, был крайне удивлен, когда увидел на базе ликвидации техники ННА в Шарлоттенхофе, как высокопоставленные офицеры-танкисты бундесвера не могут отличить танк «Т-72» от «Т-55».

Сам генерал-лейтенант И. Шенбом, безусловный авторитет и специалист по ННА, дал высокую оценку подготовке восточных военнослужащих. Он подчеркнул, что для них «характерна высокая дисциплинированность и чрезвычайно ответственный подход к выполнению поставленных задач».

О бундесвере же были иные отзывы. В сентябре 1990 года газета «Тагесшпигель» привела слова бывшего Президента Чили, командующего Сухопутными войсками генерала Пиночета: «В настоящее время бундесвер скопище наркоманов, гомосексуалистов, пустозвонов и профсоюзных деятелей».

Смею не согласиться с генералом. Армии обоих немецких государств всегда были на первых ролях в своих блоках — НАТО и Варшавском Договоре — хорошо обученные, профессионально подготовленные, с крепкой воинской дисциплиной, вооруженные по последнему слову

техники. Они оказались достойными друг друга противниками.

Что же касается перечисленных Пиночетом «лучших представителей» воинских коллективов, начиная от пустозвонов и кончая наркоманами, то назовите армию, где их нет. Разве что Сухопутные войска Чили, которыми командует сам генерал? Но даже освободившиеся от скверны Чилийские Вооруженные Силы как-то не запомнились миру своими победами на поле брани. Ну разве что генерал занес на свой счет танковые и воздушные атаки на дворец Ла-Монеда в дни переворота. Тут уж спорить не приходится: за штурвалами этих самолетов и рычагами танков сидели явно не профсоюзные деятели.

Однако вернемся к судьбе национальной народной армии. Если она была достойным соперником бундесвера, почему лишь редкие представители ее оказались в строю армии ФРГ? Сегодня ответ на этот вопрос волнует многих. Он дает пищу для утверждения о преднамеренном, целенаправленном «разгоне» ННА ГДР, о трагедии и социальном крахе восточных военнослужащих. Но тогда как это сочетается со свободой и демократией, с правами человека, о которых так много говорят в Германии?

Такого могло бы и не быть. Если бы… Да, если бы не аншлюс.

…Как-то в «Тагесшпигеле» я прочел фразу уже упоминавшегося генерала И. Шенбома. Странная, право же, фраза.

«Мы пришли сюда не как победители к побежденным, а как немцы к немцам…» — сказал генерал.

О чем он? С кем спорил, кому доказывал? Неужто она возникла стихийно, эта фраза? Или может все-таки кто-то и до сих пор чувствует себя побежденным? Но тогда почему?

…В конце июня 1994 года, накануне моего отъезда из Германии, попал в делегацию генералов и офицеров ЗГВ, которых принимало бундесверовское командование «Восток». Все было устроено по высшему классу — показные занятия с наведением переправы, атакой «Леопардов», штурмовым применением «Миражей» и «Фантомов». Потом был незабываемый ужин. Столы накрыли прямо на понтоне, который буксировался несколькими катерами по течению реки.

Напротив меня за столом сидели два подполковника-бундесверовца. Один, судя по канту погон, был из авиации или ПВО, другой — связист. Внешне они ничем не отличались друг от друга, и все-таки в одном из них я безошибочно угадал бывшего офицера-восточника. Его выдавали глаза. Какая-то необъяснимая грусть таилась в их глубине.

Оказалось, служить ему в бундесвере оставалось совсем немного — заканчивался срок контракта. Дальше на службе его не оставляли. По своей

наивности, желая успокоить, я заговорил о пенсии.

— Какая пенсия, — вздохнул подполковник, — в бундесвере я всего три года, а 27 лет в армии ГДР не в счет. За них пенсию не дают…

Грустные глаза его заблестели непрошеной слезой, и он отвернулся, глядя на кромку понтона, где закипала темная речная вода.

Радио «Свободный Берлин».
Октябрь 1990 года.

«Парламентский статс-секретарь в Министерстве обороны ФРГ В. Виммер заявил, что «военнослужащие бывшей ННА ГДР будут окружены особой заботой со стороны руководства западногерманских Вооруженных Сил»».

2

Об Эрихе Хонеккере писали много. И в ту пору, когда он был на вершине власти, и потом, когда освобожденный от всех высоких постов, бездомный и неприкаянный скитался по миру.

И лишь одна из страниц пока не раскрыта — пребывание бывшего руководителя ГДР в Беелитцком госпитале, тайны лечения, состояние здоровья, ставшее камнем преткновения в споре советских и немецких медиков.

Как бы мы не относились к Хонеккеру — с ненавистью, любовью, равнодушием ли — надо признать, что его судьба — одна из самых трагических судеб руководителей социалистических стран Восточной Европы. Пожалуй, только Чаушеску мог бы позавидовать своему коллеге. Хотя… как знать?..

Триста тысяч немецких марок?! Полковнику Пичугину, случалось, предлагали немалые суммы, но триста тысяч…

Владислав Андреевич пристальнее пригляделся к собеседнику. Судя по всему, перед ним был эмигрант из России. Хорошо говорил по-русски. Да и хватка, дай бог каждому. Разыскал его, выследил, продумал, как зацепить, чтоб Пичугин не отмахнулся… Купец…

Интересно, кто же это готов выложить одним махом этакую сумму?

— Ну так как, Владислав Андреевич? — не терпелось эмигранту.

— Сколько? — переспросил Пичугин, — Или мне послышалось?

В глазах собеседника взорвалась лукавая искорка. Клюнул-таки, полковничек, клюнул!..

— Триста!.. Не «деревянных», твердая валюта. Целое состояние!

Эмигрант не врал: верно, состояние, да еще какое. Триста его, начальника госпиталя, зарплат.

Пичугин отрицательно покачал головой. «Купец» сглотнул неожиданно застрявшую в горле слюну и зашептал:

— Да не насовсем, полковник. На недельку, с возвратом.

Видимо, выполнял он чей-то богатый заказ и имел на том немалый интерес. Но полковник отказывался. И денежки нежданно-негаданно уплывали из рук. Было от чего впасть в отчаянье. Он еще что-то хотел добавить, но Пичугин остановил его жестом.

— Не торгую, — твердо сказал полковник.

— Эх ты, патриот, — со злостью сплюнул «купец», — да его ж

продали не за понюшку табаку такие, как и он, коммуняки…

— А я не продам…

Так они и расстались. Готовый выть волком, неизвестно чей посланник и начальник центрального госпиталя Западной группы войск.

Что же так «горячо» торговал этот человек, за какие «сов. секретные» документы сулил триста зарплат?

Всего лишь за папку с бумагами, которую в госпитале привычно называют «историей болезни». Правда, папка та принадлежала не совсем обычному пациенту. Он провел в госпитале ЗГВ, что в местечке Беелитц, долгих одиннадцать месяцев. Имя госпитального затворника известно всему миру — это бывший партийный и государственный руководитель ГДР Эрих Хонеккер.

Хонеккер Эрих, год рождения 1912. С 1930 года — член Коммунистической партии Германии. В 1946 году в Советской оккупационной зоне создает Союз свободной немецкой молодежи. С 1946 года член ЦК, с 1958 года — член Политбюро и секретариата Социалистической единой партии Германии. С 1971 по 1989 г. г. — Генеральный секретарь ЦК СЕПГ Сменил на этом посту В. Ульбрихта. С 1971 по 1981 г. г. — Председатель Национального совета обороны. 1976–1988 г. г. — Председатель Государственного совета ГДР.

Энциклопедический словарь Брокгауза.

Издание IV. Маннгейм 1992 год.

Помните его горький путь? После изгнания из своей квартиры чету Хонеккеров приютила церковь. Странные повороты порою делает жизнь. Он, коммунист, атеист, не жаловавший никогда церковь, теперь нашел здесь свое прибежище. Убого было оно. Но иного ему никто не предлагал.

Он жил с супругой у приютившего его пастора на холодной, неотапливаемой веранде. Больного, на грани нервного срыва, Хонеккера в начале апреля 1990 года доставили в советский военный госпиталь.

Потом эвакуация в Советский Союз, огромная радость, ведь «Москва не забыла его». Но слезы радости обернулись слезами обиды и горечи. Новая правопреемница рухнувшего могучего Союза — Россия, никак не желала признать в нем своего «младшего брата».

Пришлось укрыться в Чилийском посольстве в Москве. Однако Германия настаивала на выдаче. И вот снова граница, тюрьма, эммиграция в Чили.

Впрочем, все это не ново и известно миру.

Оставалась одна тайна.

Десятки журналистов желали раскрыть ее. Днями и ночами дежурили

у ворот госпиталя, пытаясь проникнуть на территорию, где жил Хонеккер, расспросить о нем врачей и медперсонал, подкупить начальника госпиталя. Щедро предлагали доллары, марки, фунты. Не удалось. Не получилось. Военные медики сохранили тайну необычного пациента.

А стоило ли, не проще ли было сразу выдать его немецким властям? Разве мы не знали, в чем обвиняют бывшего руководителя республики — в отдании приказа об открытии огня по перебежчикам на границе ГДР — ФРГ, в гибели 200 ни в чем не повинных людей, в развале экономики, в насаждении «казарменного социализма». В конце концов, он немецкий гражданин, пусть с ним и разбираются германские власти, юстиция… Виноват — судят, не виноват — милуют.

В конце концов мы так и поступили.

После «сорокапятилетнего советскою патронажа» не узнали нашкодившего «младшего брата», показали-таки всему миру, что мы вовсе не знакомы. Но это было позже.

А в марте 1990 года неизвестно, чем бы кончилось для четы Хонеккеров проживание на холодной, неотапливаемой веранде, если бы М. С. Горбачев не отдал приказ о размещении бывшего руководителя республики и его супруги в одном из советских военных госпиталей.

Так начиналась новая, доселе неизвестная страница жизни некогда человека номер один Германской Демократической Республики.

Телевидение ГДР. 4 апреля 1990 г.

В связи с дальнейшим ухудшением здоровья Эрих Хонеккер с супругой размещены в советском военном госпитале в городе Беелитц, где будут проходить курс лечения.

…Холодным апрельским утром перед шлагбаумом центрального военного госпиталя Группы советских войск в Германии затормозил микроавтобус. Полосатый нос шлагбаума торопливо подпрыгнул вверх, и РАФ вкатился на безлюдную территорию госпиталя.

На подъезде к административному корпусу автобус встречал начальник госпиталя полковник Пичугин.

Первым из распахнутой двери появился генерал Васин, начальник медслужбы Группы, потом… Эрих Хонеккер. Пичугин узнал его сразу. Только вот каким-то похудевшим и осунувшимся показался полковнику бывший руководитель республики.

Васин подал руку женщине постарше, и та шагнула со ступеньки на землю. Это была жена Хонеккера, «фрау Маргот», как потом станут называть ее в госпитале. Вместе с ними приехали младшая дочь Хонеккеров и журналист, который помогал писать ему книгу.

— Ну вот и наши гости, — кивнул Васин, — принимай.

Познакомились. Хонеккер протянул руку. Рука была слаба, а улыбка натянута и тревожна. За стеклами толстых очков Пичугин успел разглядеть красноту век от бессонницы да темные полукружья под глазами.

Пичугин предложил пройти всем в его кабинет.

Фрау Маргот взяла под руку мужа, и они медленно двинулись вперед. Голые ветви деревьев, серая, в снежных наледях дорожка и одинокие фигуры согбенных стариков. Пичугину по-человечески стало жаль их. Что ждет эту несчастную семью? Кто знает? Ясно только одно: путь их будет горек и непрост. Чем он мог помочь им, простой военный врач? Накормить. Обогреть. Подлечить. Но разве это не долг каждого человека? Так почему же не нашлось такого на всей немецкой земле? Кто виноват в этом?

Сам Хонеккер, система, которую он создал, человеческое равнодушие или что-то другое?..

Генерал Васин тронул его за плечо. Пора было идти устраивать и размещать гостей.

Вспоминает полковник В. Пичугин:

— Хонеккербыл истощен, находился в подавленном состоянии. Предстояло разместить его, создать условия для лечения, восстановления сил, а впоследствии и для работы.

По приказу Главнокомандующего группой войск мы зачислили его и супругу на питание по санаторной норме. Это несколько улучшенное питание. На каждого из них выделялось еще 30 марок в день.

Тут же было решено, что жить они будут в одной квартире со мной, в отдельном доме на территории госпиталя. В ту пору там проживало три наших офицерских семьи.

Мы с женой и детьми разместились в двух комнатах, гостям предоставили три. В одной была спальня Хонеккера, в другой находилась фрау Маргот, а третья служила одновременно и столовой, и комнатой для приема гостей, и рабочим кабинетом.

Кормила, поила, накрывала на стол все одиннадцать месяцев одна официантка Наташа, готовил один и тот же повар.

Что они любили? Чаще заказывали пельмени, голубцы, отбивные… Эрих Хонеккер имел пристрастие к пиву. В день выпивал по 3–4 баночки.

Вещей у них практически не было, если не считать маленького чемоданчика, с которым он приехал в первый день. Это уже потом кто-то из гостей привез ему в подарок телевизор с видеомагнитофоном, печатную машинку, на которой фрау Маргот будет стучать с одиннадцати утра до позднего вечера…

…Лечащим врачом назначили начальника кардиологического отделения госпиталя полковника медицинской службы Александра Горанского. Он и произвел первый осмотр больного, сделал первую запись в истории болезни. Да, да, той самой «истории болезни».

…Я держу в руках объемистую папку, набитую результатами анализов, проб, температурных листов, описаний осмотров, назначений. Здесь хранится тайна того, был ли Эрих Хонеккер смертельно болен, могли присутствовать на суде, выдерживать тюремный режим?

Даже не верится, как дорого стоила эта папка. Но папка ли? Скорее жизнь или смерть, заточение или свобода?

Итак, «История болезни № 3569». Лечащий врач — Горанский А. И. Фамилия, имя, отчество больного — Молодчиных Игорь Альбертович.

Но при чем тут какой-то Молодчиных? Именно такая фамилия в целях конспирации была присвоена Эриху Хонеккеру на время пребывания в госпитале. Об этом издан секретный приказ. Жена Хонеккера получила псевдоним Молодчиных Светланы Сергеевны.

Были ли выдуманы эти фамилии? Нет. Существовала в действительности семья Молодчиных. Он старший лейтенант, военный переводчик, один из двух переводчиков, закрепленных за Хонеккерами.

Все, кто общался с Эрихом и Маргот, в основном обходились без переводчиков. Он немного говорил по-русски, а жена изъяснялась довольно прилично. Она-то и была чаще всего в «толмачах».

Те двое офицеров-переводчиков, хоть и дежурили понедельно в госпитальной гостинице, чаще привлекались для каких-либо официальных встреч. Приезда Главкома группы, тогда еще генерала армии Б. Снеткова, на день рождения кХонеккеру, посещений бывшего главы республики генералом Васиным или для переговоров начальника госпиталя с настырными корреспондентами, которые наезжали порой по нескольку раз в день.

Однако вернемся к истории болезни теперь уже Молодчиных Игоря Альбертовича.

Дата поступления, записанная рукой лечащего врача — 4 апреля 1990 года, время поступления 8–30. И далее год рождения — 1912. Потом вклеен лист назначений. Я насчитал 34 наименования лекарств. Наконец, «Записи лечащего врача».

Не стану утомлять читателя медицинскими терминами, приведу лишь описание, или, на языке специалистов, анамнез заболевания. Ибо оно и стало яблоком раздора между советскими и немецкими врачами в определении состояния здоровья Эриха Хонеккера.

«Со слов больного, в августе 1989 года оперирован по поводу желчекаменной болезни.

В послеоперационный период при проведении углубленного обследования выявлены изменения в правой почке, которые в последующем определены как опухолевый процесс. В связи с чем в январе 1990 года произведена операция на правой почке с резицированием области опухолевого процесса.

Послеоперационный период протекал без осложнений, однако стала отмечаться нестабильность артериального давления с тенденцией к повышению показателей…

Назначена и в настоящее время проводится терапия».

…А уже на следующий день госпиталь почувствовал присутствие гостя. Утром с КПП Пичугину позвонил дежурный офицер:

— Товарищ полковник, у наших ворот сидячая забастовка. Пятеро подвыпивших немцев перекрыли дорогу. Машины «Скорой помощи» не могут выехать из госпиталя.

Вскоре удалось выяснить: пятеро юных рекрутов соседнего с госпиталем полка ННА протестуют против лечения Хонеккера.

Вызвали полицию, сообщили в полк. Оттуда приехал офицер, увез забастовщиков. Все, казалось бы, кончилось благополучно. Но инцидент заставил задуматься об охране «пациента».

Рассказывает полковник А. Пичугин:

— Начальником охраны был назначен офицер, а с ним сначала 10, а потом 12 солдат. Они круглосуточно несли караул. Один часовой выставлялся рядом с КПП, другой охранял фасад здания, третий выставлялся с тыльной стороны дома, где жил Хонеккер.

Лишняя ли это была предосторожность? Думаю, что нет. Помнится, уже летом мне позвонили из немецкой полиции. Сообщение оказалось не из приятных: в 22–30 произойдет взрыв мины, которая находится в теплотрассе под домом. Глянул на часы — 22–00. Надо оповестить и успеть выселить четыре семьи. Наши офицеры — люди военные, быстро собрались и — по своим отделениям, моя жена, схватив детей, нашла убежище в служебном кабинете, а я занялся семьей Хонеккеров.

Фрау Маргот еще не спала и поспешила спуститься вниз, а Эрих был уже в постели. Пришлось его вынести на руках, усадить в машину, увезти подальше от опасного места. На наше счастье, это была ложная тревога.

Газета «Берлинер моргенпост».

«28 мая с. г. группа бывших руководителей ГДР — Э.

Хонеккер и М. Хонеккер, Э. Мильке, Г. Миттаг, В. Штоф и Х. Аксен — была помещена в берлинский госпиталь Народной полиции для проведения обследования на предмет возможности привлечения их к суду.

Состояние здоровья Э. Хонеккера, страдающего раком почки и хроническим воспалением желчного пузыря, резко ухудшилось. Его жена Маргот Хонеккер, лежавшая с ним в советском госпитале в Беелитце, недавно перенесла инфаркт миокарда».

История болезни Э. Хонеккера.

Запись лечащего врача.

9 апреля 1990 г. Состояние хорошее. Жалоб нет. Артериальное давление 130/65 мм рт./ст.

10 апреля 1990 г. Осмотрен главным терапевтом ЗГВ полковником медицинской службы Яворским. Состояние хорошее. Самочувствие больного удовлетворительное. Наблюдается повышение общего тонуса.

История болезни М. Хонеккер.

Запись лечащего врача.

19 апреля 1990 года.

00. Самочувствие хорошее. Жалоб не предъявляет. Артериальное давление 90/50 мм рт./сг.

20. Срочно вызван медицинской сестрой. Во время лечения мужа потеряла сознание и отправлена в реанимацию. Состояние больной тяжелое.

…Все перенесенные волнения и тяготы «аукнулись» фрау Маргот через две недели после помещения в госпиталь. На глазах у медсестры, которая делала массаж Эриху, Маргот побледнела и сползла с кресла на пол.

Всесторонние и срочные обследования дали неутешительный результат — острый инфаркт. Врачи вступили в борьбу за жизнь больной. Две недели они не отходили от постели фрау Маргот. Только 1 мая лечащий врач записал: самочувствие удовлетворительное, состояние стаби л изи руется.

Рассказывает полковник В. Пичугин:

— Это был тяжелейший инфаркт миокарда с расслаиванием аорты. Тут без сомнения можно сказать — мы спасли жизнь фрау Маргот.

Эрих был очень встревожен состоянием жены, забросил работу, дважды в день посещал реанимацию. Мне не раз приходилось присутствовать при их встречах. Хонеккер относился к жене очень нежно, ласково, подолгу беседовал с ней.

Как только Маргот выздоровела, они сразу продолжили работу над книгой. Вставали рано, в 6 часов утра, завтракали, потом Эрих прорабатывал документы, писал текст, а в 11 часов начинала стучать машинка.

К ним время от времени приезжал писатель, который, как говорил мне Хонеккер, помогал ему в работе над книгой.

Газета «Берлинер цайтунг».

Август 1990 года.

«В настоящее время находящийся на излечении в советском военном госпитале в Беелитце, Эрих Хонеккер работает над своими мемуарами…

Сейчас ведутся переговоры доверенных лиц Эриха Хонеккера с редакцией западногерманского журнала «Штерн» об издании мемуаров бывшего руководителя ГДР. Предполагаемый размер гонорара оценивается в 400 тысяч — 1 млн. марок.»

…История с мемуарами имеет весьма неблагополучный конец. Писатели Р. Андерт и В. Херцберг без разрешения Хонеккера заключили договор с издательством и опубликовали книгу «Падение. Эрих Хонеккер на перекрестном допросе».

Об этом стало известно в ноябре, а в декабре новый удар.

Радио «Свободный Берлин».

«Вечером 1 декабря с. г. берлинской прокуратурой был выписан ордер на арест бывшего главы партийно-государственного руководства ГДР Эриха Хонеккера…

Представители Берлинской полиции отправились в тот же день в советский военный госпиталь в местечке Беелитц, где в последнее время находился Эрих Хонеккер. Однако местные советские военные органы отказались выдать Эриха Хонеккера, сославшись на отсутствие соответствующего указания от вышестоящего командования…»

Рассказывает полковник В. Пичугин:

— Сразу после сообщения о выдаче ордера на арест у госпиталя выстроилась вереница машин. Кого тут только не было — американцы, французы, англичане, разумеется, немцы… С телекамерами, подсветкой, фотоаппаратами.

Упорные ребята. Они дежурили круглосуточно 10 дней. Ждали, когда на Хонеккера наденут наручники. Но полиция не появилась ни в первый

день, ни во второй, ни в третий.

•Он, конечно, очень волновался. Советовался со мной, выдадут ли его? Как мог, успокаивал его.

Радио «Свободный Берлин» ошиблось. Трое чиновников во главе с уполномоченным премьер-министра земли Бранденбург действительно приезжали, но не в Беелитц, а в Вюнсдорф, в штаб-квартиру Западной группы войск.

Визит чиновников был, право же, интригующим. Если командование группы ничего не знало о намерении арестовать Хонеккера, то журналисты были извещены заранее.

Главкома на месте не оказалось, и «делегацию» принял его заместитель генерал-лейтенант М. Калинин. С русским гостеприимством Михаил Николаевич пригласил их отобедать. После обеда чиновники были уже не способны исполнять свои обязанности и отбыли домой, забыв в одном из кабинетов штаба не только ордер на арест Хонеккера, но и все документы.

На том, собственно, история с арестом и закончилась. Остается только гадать, была ли это официальная попытка арестовать бывшего руководителя ГДР или всего лишь мелкая политическая провокация.

История болезни Э. Хонеккера.

1 декабря 1990 года. «У больного после неприятного известия появились боли за грудной клеткой, головные боли, головокружение. Артериальное давление повысилось до 200/85 мм рт./ст.

2 декабря. Ночью плохо спал. При осмотре взволнован. Жалуется на головную боль.

3 декабря. Самочувствие относительно удовлетворительное. Артериальное давление 160/80 мм рт./ст.

9 декабря. Осмотрен главным терапевтом ЗГВ. Самочувствие и состояние больного нормализованы. Артериальное давление 140/70 мм рт./ст.»

Агентство ДПА. Декабрь 1990 года.

«Ссылаясь на официальные данные из Москвы, сообщает о том, что состояние здоровья бывшего главы партийно-государственного руководства ГДР Эриха Хонеккера резко ухудшилось».

…Хонеккер не встречался с журналистами. Разве что единственный раз. В ноябре 1990 г. газета «Европеан» опубликовала интервью с бывшим руководителем ГДР. В нем он признал: «Коммунизм потерпел поражение». И тут же заявил, что не боится процесса против него, поскольку никогда не обогащался за счет народа».

Несколькими месяцами раньше, Хонеккер в письме члену ЦК Компартии Дании Вагнеру также решительно отвергал выдвинутые против него обвинения в злоупотреблении властью и личном обогащении.

И тем не менее…

Газета «Нойе пресс экспресс».
Март 1991 года.

«Генеральный секретарь ХСС Э. Хубер потребовал от федерального правительства не допустить возвращения Э. Хонеккеру конфискованных у него сбережений».

Телепрограмма ЦДФ. Март 1991 года.

«Как стало известно, Э. Хонеккер поручил своему адвокату Ф. Вольфу изыскать возможность для того, чтобы он смог беспрепятственно воспользоваться своим личным банковским счетом (177 тысяч марок)».

Рассказывает полковник В. Пичугин:

— У них за душой не было ломаного гроша. Один единственный серый костюм да куртка у Эриха и плащ у фрау Маргот. Она рассказывала, что при обыске, не найдя «несметных богатств», раздосадованные представители органов сорвали у нее кольцо прямо с пальца.

Давайте же будем справедливы. Однажды в госпиталь пришло официальное письмо на немецком языке. Оно не было адресовано Хонеккеру, мы решили, что это наша почта и вскрыли его, перевели. Оказалось, Хонеккера приглашал один из берлинских банков, чтобы сделать обмен марок ГДР на западногерманские марки. Такое право, как вы знаете, представлялось каждому гражданину республики.

Как вы думаете, сколько денег было на счету «грабителя своего народа»? 25 тысяч марок. Весьма скромная сумма для первого человека Восточной Германии.

Агентство АДН. Декабрь 1990 года.

«Н. Беккер, один из адвокатов Э. Хонеккера, заявил, что в настоящее время его подзащитный не способен ни к нахождению

в тюрьме, ни к выступлению перед общественностью.

По словам Н. Беккера, результат медицинского обследования 78-летнего Эриха Хонеккера, как и прежде, очень серьезен.»

История болезни Э. Хонеккера:

14 декабря. Состояние хорошее. Жалоб нет.

25 декабря 1991 г. Самочувствие хорошее. Сон и аппетит хорошие. Жалоб нет.

…Заканчивался 1991 год. Э. Хонеккер по-прежнему находился в Беелитцах. Однако страсти вокруг него накалялись. Германское правительство настойчиво требовало его выдачи.

Телепрограмма ДФФ. Декабрь 1991 года.

«Как сообщил представитель правительства ФРГ Фогель, германское руководство намерено поставить перед Советским Союзом вопрос о передаче Эриха Хонеккера в руки немецкого правосудия. По его словам, в ближайшее время МИД ФРГ передаст в посольство СССР в Бонне соответствующую просьбу германского правительства».

Что оставалось Горбачеву? Вариантов, признаться, у него оказалось немного. Или выдать Хонеккера, или… спасать. Представляю, какие муки претерпел Генсек ЦК КПСС — не было никакой возможности принять его любимое половинчатое решение, что называется, и нашим и вашим, чтоб и овцы целы и… И тогда прошла команда — доставить Хонеккера в Москву.

3

В Москву, в Москву… Сколько раз он прилетал в столицу Советского Союза высоким, желанным гостем. Цветы, объятия, почетный караул. Это было словно во сне… И все-таки было, было…

Он верил — Москва его не забыла.

Хонеккер и сам возможными ему путями искал выход. Но возможности были крайне ограничены. За исключением единственного вызова в Берлин, для обследования в клинику Шарите, он безвыездно жил в Беелитцах.

Правда, фрау Маргот старалась почаще, хоть на время, покидать госпиталь. Уезжала к младшей дочери в Берлин.

Он же оставался один. Шумели газеты. Высокие и низкие политические деятели ФРГ то и дело призывали поставить «вопрос ребром» перед Советским Союзом и передать Хонеккера в руки германского правосудия.

Москва молчала. Никто из официальных лиц Советского Союза не посещал его.

Заехал как-то накоротке Главный военный прокурор, генерал-лейтенант юстиции Катусев, бывший в командировке в Западной группе войск, и снова никого.

Но однажды ночью Хонеккер принимал необычного гостя.

Рассказывает полковник А. Пичугин:

— Как стало известно потом, таинственным ночным гостем Хонеккера был Ясир Арафат.

Они оставили свою машину у леса, пешком прошли на территорию госпиталя, в дом. Где Арафат, где охрана, не разобрать: глубокая ночь, темень, непогода и люди в плащах, с опущенными на лица капюшонами.

О чем беседовали они, теперь можно только догадываться. Спросить я не решился, а сам Хонеккер промолчал.

Бывший Генсек ЦК СЕПГ надеялся на помощь Генсека Горбачева. Правда, упрямые факты говорили о другом — Михаил Сергеевич давно не считался ни с кем из руководителей Восточной Германии. Что стоило заявление Премьер-министра ГДР Лотара-де-Мезьера, в котором тот сообщил, что о сроках вывода советских войск с территории его республики узнал из печати.

Однако было и другое, что вселяло надежду: не выдали же его до сих

пор. Не выдали… В то же время неопределенность не могла продолжаться бесконечно.

И она закончилась 13 марта 1991 года. За неделю до этого, чтобы «сбить со следа» досужих западных журналистов, в госпитале устроили маленький спектакль. На глазах у всех к крыльцу дома подкатила машина «скорой помощи» с включенной сиреной и мигалкой. Санитары спешно вынесли на носилках Хонеккера. «Сердечный приступ», — объявили корреспондентам. И «скорая» умчалась в знакомую Эриху 18-ю кардиологию, корпус которой находился в глубине госпитальной территории.

За сутки до отлета ему сообщили решение Москвы. О, какой это был праздник в жизни уставших, измотанных стариков.

Последняя запись в истории болезни. Консилиум врачей в составе начмеда группы генерала Васина, главного хирурга профессора Новикова, ведущего терапевта доктора медицинских наук Алексеева, главного уролога Величко, невропатолога Горенского и начальника медчасти Задорожного сделал заключение: «В течение последних двух недель состояние больного ухудшилось… Участились и усилились приступы стенокардии…»

Право же, эта запись была сделана больше во имя спасения, нежели во имя истины. А спасение казалось так близко.

…Вечером 12-го собрали вещи. Всех богатств семьи Хонеккеров набралось на несколько небольших коробок. Эрих хотел оставить в подарок госпиталю телевизор и видеомагнитофон, но Пичугин уговорил эти вещи забрать с собой.

Как по-детски непосредственен и наивен был в эти минуты старый, опытный руководитель. Вернулась прежняя вера в «старшего брата», и он уже готов был простить все: человеческую низость, жестокость, предательство. Хонеккер верил, твердо верил, что теперь в его жизни будет все хорошо. Да и кто мог знать тогда, какие мытарства и унижения предстоит испытать ему. Пройдет не так уж много времени, и Эрих Хонеккер проделает обратный путь.

Горек будет этот путь. На скамью подсудимых, в тюрьму Маобит.

Но пока радости нет конца.

А в группе тем временем думали, как организовать эвакуацию «секретного пациента» из Беелитц.

Рассказывает командир батальона аэродромного обслуживания подполковник Николай Селькин:

— Примерно около 2-х часов ночи 13 марта нас вместе с командиром летного полка Чабану вызвали по тревоге в штаб. Прибыл заместитель

командующего 16-ой воздушной армии генерал Селиверстов.

Зам. командующего сказал о том, что предстоит выполнение серьезной задачи, возможно с применением оружия. Не исключается и захват аэродрома.

Это звучало так необычно — применение оружия, захват аэродрома, и мы с Чабану решили — генерал нас разыгрывает. Сами хихикнули разок-другой. Смотрим, а Селиверстов шутить не собирается. Ставит боевую задачу.

Командиру полка — подготовить вертолет МИ-8, забинтовать «под раненого» офицера и отправить в госпиталь в Беелитц. Время взлета в 8–00 утра.

Командиру батальона, то есть мне, поднять по тревоге роту охраны, получить штатное оружие по два боекомплекта плюс гранаты. Иметь в готовности мобильные транспортные средства. И добавил: ожидается высадка десанта. Готовность 4–00 утра. А это значит, примерно в 3–30 мне надо было с ротой расположиться в районе подскока. Времени, что называется, в обрез.

Селькин, как и положено командиру, получившему приказ, бросился готовить роту. Через полчаса 90 человек имели при себе автоматы, пулеметы, патроны, гранаты.

Но неожиданно всполошился дежурный по части. Дело в том, что на слуху у всех была фамилия командира полка, дезертира Колесникова, недавно сбежавшего на Запад, а тут Селькин ни с того, ни с сего вооружает до зубов роту.

Дежурный немедля доложил об этом начальнику штаба майору Пушкину. Тот, встревоженный, прибежал в казарму. Пришлось объяснить в чем дело.

В назначенное время рота прибыла на «подскок». Автоматчики взяли в кольцо аэродром, пулеметчики перекрыли пять секторов. Было приказано при неповиновении попавших в сектор обстрела открывать огонь.

Ровно в восемь утра с аэродрома стартовал вертолет и через 15 минут совершил посадку на вертолетной площадке беелитцкого госпиталя.

Эрих и Маргот Хонеккеры в сопровождении генерала Васина сели в вертолет, и тот взял обратный курс на Шперенберг.

Рассказывает подполковник Н. Селькин:

— После прилета самолета мы доставили чету Хонеккеров в домик для гостей на «подскоке». Стол накрыли не как обычно, в зале, а в спальне, что называется, подальше от глаз.

В это время мне уже доложили, вдалеке, по периметру запретной зоны,

появились какие-то люди, заблестели объекты. Стало ясно — журналисты и тут пронюхали.

Мы послали машину с солдатами, фотокорреспонденты срочно ретировались.

«ТУшка» из Чкаловского уже готовилась к вылету, хотя экипаж еще ничего не знал.

Мы же сели завтракать. За столом генералы Селиверстов, Васин, Хонеккеры и мы с командиром полка. Открыли шампанское. Завязалась беседа. Хонеккер был в радостном, приподнятом настроении.

Так прошел примерно час с небольшим. Командир полка и генерал Селиверстов ушли к экипажу для постановки задачи. Пилоты, когда узнали, кого им предстоит вывозить, и не исключен перехват истребителями, почесали затылки. Дело не простое. Но приказ — есть приказ. И настрой был такой — прорваться до границы Польши, чего бы это не стоило».

Тут произошел еще один случай, порядком напугавший всех обитателей гостевого домика на «подскоке». Неожиданно прозвучал выстрел. Селькин рассказывал мне, что он подумал в этот момент: «Началось!».

Он выскочил из домика, а навстречу ему начштаба майор Пушкин. Оказалось, солдат-водитель трапа, или как их обычно называют — «траповщик», напоролся на часового из оцепления. Тот ему: «Прими вправо, в сторону». А «траповщик» идет. Вот часовой и дал предупредительный выстрел вверх.

Селькин вернулся в домик, успокоил всех, а тут генерал Селиверстов с КП пришел, да и бухнул сгоряча:

— Вот черт, Москва борт не принимает…

Первой побелела фрау Маргот, быстро перевела Эриху, и тому едва плохо не стало. Бросились всем миром успокаивать, мол, вы не так поняли, дело не в Москве, просто нет приказа на вылет. А у Хонеккера уже и руки затряслись, насилу уговорили.

Но Москва и действительно не давала «добро».

Рассказывает подполковник Н. Селькин:

— Позже, на одной из встреч, подполковник из бундесвера признался мне, что в тот день готовился десант из Форста на аэродром Шперенберг, и немцы собирались поднять МИГи для перехвата нашей «ТУшки». Но такой команды не поступило, видимо Горбачев и Коль договорились между собой».

Радио «Свободный Берлин».
Март 1991 года.

«Правительство ФРГ не предприняло никаких усилий, чтобы не допустить перемещения Э. Хонеккера из Германии в Советский Союз. По заявлению официального представителя федерального правительства Д. Фогеля, Г Коль был проинформирован о предстоящем убытии Э. Хонеккера в СССР…»

Газета «Вельт». Март 1991 года.

«Посол СССР в ФРГ В. Терехов за час до вылета Э. Хонеккера с одного из советских военных аэродромов в Германии сообщил об этом советнику федерального канцлера по внешнеполитическим вопросам П. Хартману и попросил его проинформировать Н. Коля по данному вопросу.

Просьба советского посла была выполнена, но канцлер ФРГ не стал препятствовать вылету бывшего генерального секретаря ЦК СЕПГ в Москву. А такая возможность была: немецкие офицеры в находящемся в Цоссене Центре координации полетов могут отменить вылет любого советского самолета с территории Германии».

Да, действительно, отменить вылет могут, но остановить в воздухе вряд ли. Это под силу лишь боевым истребителям-перехватчикам.

К счастью, подобного не произошло. Хотя после запуска двигателей на самолете, куда сел Хонеккер с женой, все на аэродроме находились в напряжении. Наблюдали с вышки, нет ли подлета перехватчиков, выехали на дальний привод, где есть подходы к взлетной полосе, там тоже было тихо.

После взлета с самолетом держали постоянную связь. Минута… пять… десять… пятнадцать… И только когда он пересек границу Германии и Польши, вздохнули с облегчением.

Вздохнули с облегчением Хонеккеры. А летчики на радостях откупорили бутылку шампанского, предложили тост за здоровье Эриха и Маргот.

Осталась где-то под крылом родная, любимая и такая жестокая Германия. Их Родина.

Старики улыбались, поднимали бокалы с шампанским, еще не зная, какую горькую чашу им предстоит испить до дна…

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Дезертиры земли русской.
Нищие в офицерских погонах.
Проклятие нашей армии.
Кто спас золото ЗГВ?
Прокати нас, Петруша… на МИГе.

1

Вновь и вновь приходится возвращаться к 1990 году. Слишком памятен он для Западной группы войск. Конец его, декабрь, ознаменован ярким событием — «разгромным» указом Президента СССР.

Отстранены от должностей Главком группы генерал армии Б. Снетков, начальник политуправления генерал-полковник А. Колиниченко, комдив 27-й гвардейской мотострелковой дивизии генерал-майор А. Журов, начальник отдела кадров генерал-майор В. Шипилов…

Отстранить… Уволить в запас… Назначить с понижением… Основной лейтмотив указа. Наказаны все, кого можно было наказать. Дивизия выведена из Германии в первую очередь, в срочном порядке.

За что же ниспосланы такие «кары небесные» на группу войск в Германии? Какую битву она проиграла, чем прогневала власть придержащих?

А уж и вправду, прогневала, но больше всего напугала. Ибо такой указ можно было подписать лишь в страшном испуге.

Виной всему — дезертир № 1 — подполковник Михаил Колесников. Нет, он не был нашим первым дезертиром из группы войск. Бежали и до него, несмотря на все запоры, запреты, крепость берлинской стены. Колесников оказался таким же обыкновенным дезертиром или, как метко обозвала его одна из газет, «заурядным иудой», но вот время было далеко не заурядное, если брать по А. Гайдару, необыкновенное время.

После объединения Германия «ждала» дезертиров. Советских дезертиров — солдат, прапорщиков, офицеров Западной группы войск. Дезертирство стало излюбленной темой немецкой прессы. Некоторые газеты и журналы поспешили возвестить миру о «толпах вооруженных дезертиров», которые бродят в лесах новых восточных земель. Западногерманские аналитики прогнозировали массовый бег советских военнослужащих «за бугор».

Им вторило горбачевское окружение, весьма чувствительное даже к легкому дуновению западного ветерка. Помощники Президента, выступая в прессе и на телевидении Германии, обреченно признавались: да, да, группа войск морально разлагается под тлетворным воздействием дойч-марки.

Генералы докладывали Горбачеву совсем иное: ЗГВ — в боеготовности, морально выдержана и надежна, делу КПСС предана.

Горбачев не верил генералам. Горбачев верил Западу. Нюхом чуял,

побегут, ох побегут. Толпами, как пишет германская пресса, и с оружием.

Чего боялся, то почти и случилось. 29 ноября 1990 года сбежал не рядовой, страшно подумать, — командир полка Колесников. Утащил с собой три снаряда к новейшему танку, ПТУР «Кобра» и зенитную ракету «Тунгуска». «Кобра» была совершенно секретной и составляла государственную тайну. «Тунгуска» — секретной и представляла военную тайну.

Вместе с командиром полка бежал и его подчиненный, ротный Геннадий Моисеенко.

В уголовном деле, заведенном на Колесникова, хранится документ. Старший следователь управления особых отделов КГБ СССР по Западной Группе войск майор юстиции Ю. Власенко докладывал руководству.

«По данным ГРУ, в газете «Вашингтон Тайме» от 3.01.91 года имеется сообщение в отношении Колесникова и Моисеенко, из которого следует, что правительство США предоставило им политическое убежище.

Колесников и Моисеенко, прибыв в США, передали в распоряжение спецслужб образцы боеприпасов, наличие которых, по мнению американских экспертов, позволит разработать новые средства РЭБ».

Что и говорить, тяжкое преступление. Однако, на мой взгляд, дело не только в сверхсекретности унесенных «за бугор» боеприпасов. Советники Горбачева всех наших людей, что служили теперь в единой Германии, мерили по себе. Пройдет год-другой, и многие из президентского окружения окажутся здесь, на тихой, благословенной немецкой земле, вдали от нищенской, «бурлящей» политическими страстями, Родины. Кто-то окажется на дипломатической работе, а кое-кто переберется сюда на постоянное жительство.

Так стоит ли удивляться, что за спинами Колесникова и Моисеенко Президенту мерещились те самые «толпы дезертиров».

Словом, расправа была скорой и жестокой.

Потом, с годами, все привыкнут к дезертирам. Поймут, что, по существу, в ЗГВ им нечего противопоставить. Не поможет ни всезнающая контрразведка, ни тогда еще всесильный политотдел, ни идеи спецпропаганды. Если собрался офицер уйти на Запад, нет силы, которая могла бы его остановить: шаг за КПП и сдался местным властям. Разумеется, прикрываясь попоной «политического изгнанника», «борца за свободу». В Западной группе в свое время из уст в уста передавался анекдотический случай. Пронюхали местные контрразведчики, что один из офицеров Вюнсдорфского гарнизона собрался махнуть «за бугор». После таких сигналов злоумышленника, как правило, под любым предлогом

старались откомандировать во внутренний округ, но пока суть да дело, решили выставить у его дома «секретный» патруль.

Дежурили ночь, другую, третью, а когда сняли патрулирование, решив, что сигнал оказался ложным, он ушел средь бела дня.

Германия принимала наших дезертиров, исходя из принципов демократии. Хотя и она в последние годы стала понимать, какие «борцы» дают деру из родного российского Отечества.

Ни в одной стране мира, за исключением бывшего Советского Союза, не оправдывали дезертиров. Только у нас дезертиров-афганцев встречали как героев. Правда, там в оправдание выдвигался хоть и слабый, но аргумент. Мол, на войне, как на войне, кое-кто попадал в плен раненый, в бессознательном состоянии, или уходил к противнику, «бунтуя» против «имперской политики» Советского Союза.

В Германии тоже бывали дезертирские «бунты». Только вот империи уже не существовало. Но мало ли против чего можно бунтовать. Против произвола начальства, например. Но в бессознательном состоянии никто на Запад не попадал. Все бежали вполне сознательно.

Много ли переметнулось «за бугор» нашего войскового брата-офицеров, прапорщиков, солдат? Судите сами. За три с половиной года вывода группы более 500 человек.

А Горбачев боялся тысяч. Не оправдала, стало быть, доверие Президента Западная группа войск. Интересно, что в последний год ручеек беглецов окончательно иссяк.

В июне 1994 года встречался я с военным прокурором ЗГВ генерал-майором юстиции Ериным. Оказалось, за пять месяцев этого года не зарегистрировано ни одного побега.

Как-то на одной из пресс-конференций в российском посольстве в Берлине Главкому группы «подбросили» вопрос: как зависит количество дезертиров от ухудшения экономической ситуации в России?

«Чем хуже ситуация на Родине, тем меньше дезертиров», — ответил генерал-полковник Матвей Бурлаков.

Иностранный журналист не поверил, принял ответ Главкома больше за каламбур, нежели за серьезный ответ. Но тем не менее Бурлаков и не собирался шутить. Это была истинная правда. Хотя ситуация сама по себе парадоксальная. Ведь, что греха таить, все наши аналитики главным мотивом побега на Запад всегда считали ухудшение условий жизни в России и странах СНГ.

И, видимо, прежде это действительно присутствовало, но с годами пребывания в Германии наши солдаты и офицеры стали осознавать одну

простую истину — даже Германия, богатейшая на европейском континенте страна, не очень ласкова к «пришельцам» с востока.

Немцы любят повторять, что эту красивую и сытую жизнь они построили своими руками и, разумеется, для себя. Они правы. Ну а что касается жаждущих сытого немецкого бытия айзюлянтов (так называют здесь эмигрантов с Востока), то дабы вписаться в это бытие, надобно иметь кое-что за душой и, безусловно, в карманах.

Нищие и бездарные не нужны нигде.

Иссяк поток дезертиров из ЗГВ еще и потому, что не всяк может стать клятвопреступником и продать Отечество «за двенадцать серебряников». Знаю, кое-кто усмехнется, прочитав эти строки. Мол, о чем это он, какое Отечество, тысячи и тысячи покидают свою страну. Что ж, человек волен жить где захочет. Более того, я не только понимаю, но и поддерживаю многих уехавших, кого не оценила и бросила на произвол судьбы Родина. Но уехавших законно, а не бежавших воровски, преступно, прихватив по возможности пару-тройку государственных секретов, срывая на ходу погоны. Да и там, на «земле обетованной», не плести небылицы о своем тяжелом прошлом, о неустанной борьбе с российской военной бюрократией, выпрашивая тем самым «иудин серебряник».

Вот так воровски бежал на Запад мой коллега по корреспондентскому пункту журнала «Честь имею» (бывший «Советский воин») в Западной группе майор Александр Козленко.

Тема дезертирства в ЗГВ была, пожалуй, самой интригующей. Впереди нее шли легенды о проделках мафии. И потому, попав в Германию, мне очень хотелось увидеть «живьем» дезертира. Не только для того, чтобы написать эту главу, но понять самому — кто они такие, дезертиры, что за явление в нашей жизни? Почему, в конце концов, человек, давший присягу на верность Родине, добровольно становится клятвопреступником? И это сегодня. Ведь все можно сделать иным, вполне законным путем. Уволиться из армии. Много времени на процедуру «снятия погон» нынче не уходит. И свободен как птица. Лети хоть в Америку, хоть в Австралию.

Ан, нет. Такой свободы Козленко не желал. Он рассчитывал предстать перед иммиграционными службами Германии, а потом США не просто человеком, решившим переселиться на жительство в другую страну. Что с того? Этаких желающих тысячи.

А вот если он «политический беженец», «узник совести», так сказать, «борец за свободу», да еще в ранге майора российской армии, да фотокорреспондент центрального военного журнала. О, это совсем другой коленкор.

Но как стать «изгнанником», если тебя никто не гонит? Досужим россказням в Америке не поверят. Значит, нужен скандал. Желательно бы такой громкий, как у Колесникова, но где же фотокору журнала взять совсекретную ракету?

Тогда хотя бы скандальчик. И Козленко через одно из фотоинформационных агентств публикует на страницах германского издания фотографию. Российские вертолетчики сливают на немецкую землю остатки авиационного топлива*.

Теперь, как считал Козленко, можно рассчитывать на вызов в кабинет помощника Главкома по работе с личным составом или хотя бы на упрек начальника пресс-центра.

Увы, даже этого не случилось. К несчастью неудавшегося скандалиста, фотографию в ЗГВ даже не заметили. Да мало ли таких фото, заметок, статей публиковались в немецкой прессе за годы вывода группы. Очередная не сделала сенсацию. Козленко просчитался.

Но откладывать побег не решился. Посчитал, что оттуда, из-за океана, задним числом организует кампанию политических гонений на себя.

Полетели письма с американского континента — редактору германского фотоагентства, коллеге-фотокорреспонденту «Красной звезды» в ЗГВ. О чем просил дезертир? Прислать подтверждение его неустанной политической борьбы за права человека, за свободу печати. Он умолял «не стесняться сгущать краски», а признание сделать пренепременно на фирменном бланке газеты Министерства обороны России «Красная звезда» и заверить у немецкого нотариуса. Даже передал в конверте 20 долларов. На нотариальные расходы.

Ответа на свой призыв бывший майор не дождался. Нечего было написать его друзьям. Как ни старайся сгущать краски, не выходит портрета мученика да изгнанника. Кампания по созданию имиджа «узника совести» провалилась.

Как и Колесников, Козленко оказался «заурядным иудой». Но как и почему им становятся? О, на подобные вопросы не ответила даже библия.

И все-таки… Первое, что бросается в глаза, когда внимательно знакомишься с личными делами дезертиров, анализируешь их поступки, встречаешься с товарищами по службе, командирами, — экое это отрепье земли русской. Право же, Россия ничего не потеряла, лишившись этих людей, а Германия, увы, ничего не приобрела.

Лейтенант Илья Ахмедов, помощник начальника службы ГСМ вертолетного полка. В июне 1992 года получил авиатопливо и похитил 4 тонны. «Припрятал» в населенном пункте Шерен. Был арестован, помещен

в камеру. Бежал из-под стражи. Позже одумался, возвратился, осужден военным судом.

Рядовые Владислав Болгов и Владимир Кадуха избивали сослуживцев. Когда их преступление оказалось раскрытым, дезертировали из части. Однако их удалось задержать, выдать в руки правосудия.

Но чаще всего уголовные преступники не возвращаются и российские правоохранительные органы не могут их арестовать. Почему, возникает закономерный вопрос? Разве на Западе, в Германии, не является уголовным преступлением воровство, торговля наркотиками, автоугоны? Является. Но воры и бандиты, спешно сняв с себя погоны, рядятся в одежды тех самых «гонимых и притесняемых».

И нередко «маскарад» удается на славу. Меч в руках немецкой Фемиды неожиданно обращается в пряник. Даже в том случае, когда «борец» заслуживает строгого наказания.

В 1992 году «под защиту» немецких властей из гарнизона Штаате бежал военнослужащий О. Рябов. Причина побега весьма прозаична. Командование части изъяло у него наркотик, доставленный контрабандным путем для продажи в ФРГ.

Возбуждено уголовное дело. Поставлены в известность немецкие правоохранительные органы. Только куда уж там: Рябов и до сих пор скрывается в ФРГ.

Неужто в Германии не хватает своих дельцов наркобизнеса, коли наш доморощенный пришелся ко двору!

Обласканный властями и воспетый в средствах массовой информации, дезертир рядовой М. Кюйн, как борец с произволом и самодурством командования и якобы бежавший от погони, на деле оказался обычным вором. Немецкая полиция сообщила, что Кюйн угнал автомобиль жителя Шверина Хорста Станко.

Что же вы думаете? Он был осужден? Наоборот, отпущен на свободу и оказался в банде рэкетиров, промышлявших разбоем и вымогательством на дорогах Польши.

А ставшая притчей во языцех международная автомафия? Ее тоже успешно пополняют наши дезертиры. И германское право столь гуманно к ним, что позволяет после свершения преступления вновь возвращаться на большую дорогу разбоя.

Дважды немецкой полицией за угон автомашин задерживались дезертиры В. Суслов и С. Опанасюк.

По второму разу были арестованы В. Конелец и А. Григорьев, хотя их уже брали под стражу за воровство радиотоваров в Фюрстенберге.

Перечисление «подвигов» российских дезертиров можно было бы продолжить. Но вряд ли в этом есть необходимость. При желании немецкие власти сами могут составить полный «реестр заслуг» мнимых политических беженцев. Тут вооруженный рэкет, наркобизнес, воровство, автоугоны…

Конечно же, не всякий, дезертировавший на Запад, становится бандитом или рэкетиром. Многие ведут себя законопослушно. Однако дезертир, он и в Америке дезертир. Неспроста на всякого из них военная прокуратура заводит уголовное дело. Ведь сегодня с полной уверенностью можно сказать: дезертирство носит никак не политический характер. Не мечты о демократических свободах, а банальное стремление к сытой жизни у ее истоков. Измена Родине зиждется чаще всего на торгашеских замашках нынешних «лжеузников совести».

Жаль только, что это не всегда и не всюду понимают. И не только в бывших республиках Советского Союза, а ныне суверенных государствах.

Не верится? Хотите подтверждения? Пожалуйста.

На имя военного прокурора ЗГВ пришло представление из Беларуси. Оказывается, дезертиры В. Кочик, В. Подкориков и Г. Рушелюк, нахлебавшись «сладкой жизни», вернулись в родные края. И что бы вы думали, «блудных сыновей» наказали? Как бы не так. Белорусские прокуроры известили своих коллег в Западной группе войск, что уголовные дела, возбужденные по факту дезертирства, «подлежат прекращению в связи с изменением обстановки».

Одним словом, преступлений военнослужащие никаких не совершали.

О воинской клятве белорусские прокуроры не вспоминали.

Будем надеяться, что «беглецы» станут служить Беларуси не так, как служили бывшему Отечеству — Советскому Союзу. Только вот народная мудрость по этому поводу гласит нечто иное… Помните?.. Единожды солгав…

…В рабочей семье Колесниковых вместе с отцом, скажем высоким евангельским слогом — Учителем, было двенадцать воспитанников. Один оказался иудой.

…Козленко в письме из Америки написал-таки несколько слов правды. А может, они вырвались непроизвольно, как крик души: плохо мне, плохо.

Поделом тебе, иуда.

2

Группа советских, а позже российских войск в Германии. Что происходило с ней в последние годы?

Правда ли, что она «морально разложилась», погрязла во взятках и мздоимстве, стала прибежищем мафиози, отпетых воров и проходимцев?

Верно ли, что некогда элитные войска ее превратились в сборище контрабандистов, торговцев оружием, спекулянтов и коррупционеров?

Приведу два свидетельства, две противоположные точки зрения.

> Журнал «Шпигель». Март 1991 года.
>
> «Вирус капитализма уже полгода «свирепствует» между Эльбой и Одером в войсках, которые постоянно считались лучшей частью советских вооруженных сил.
>
> Контакты с Западом заметно разлагают мораль армии. Западная марка манит к себе жадных до валюты военнослужащих… Контрабанда, «шабашные» приработки, спекуляция и коррупция царит в гарнизонных городках…»

> Телепрограмма САТ-1. Апрель 1991 года.
>
> «Западная группа войск — это здоровый организм. И только здоровому организму по плечу такая огромная задача, как подготовка к выводу и вывод».

Это мнение Главкома группы, генерал-полковника Матвея Бурлакова.

Кто прав? В споре схлестнулись десятки газет, журналов, агентств, телеканалов, радиостанций, экспертов и аналитиков, парламентариев, представителей правоохранительных органов.

За годы вывода Западной группы каких только комиссий, проверок, ревизий, инспекций не перебывало тут. В том числе самых высоких — из Министерства обороны, из Генеральной прокуратуры, из Верховного Совета и даже от самого Президента.

Но и их компетентные заключения были порою резко противоположны.

27 ноября 1992 года Главный государственный инспектор Российской Федерации Юрий Болдырев направил Президенту Борису Ельцину докладную записку. В ней он докладывал о грубом нарушении

должностными лицами ЗГВ и Минобороны государственной и финансовой дисциплины.

На основании этой записки Контрольное управление подготовило проект указа Президента России, по которому «за совершение проступков, дискредитирующих высокое звание офицера», лишались воинского звания генерал-полковник Геннадий Стефановский, генерал-лейтенанты Григорий Каракозов, Николай Садовников, Владимир Блохин, генерал-майор Евгений Круглов.

Министерству обороны предписывалось в месячный срок рассмотреть вопрос о служебном соответствии Главнокомандующего ЗГВ генерал-полковника Матвея Бурлакова и еще двух генералов из состава группы.

Ельцин этот указ не подписал. Юрий Болдырев был отправлен в отставку.

Последователь Болдырева — А. Ильюшенко тоже побывал с высокой проверкой в Западной группе войск.

Но вот незадача. На заключительной пресс-конференции по итогам инспекции новый Главный государственный инспектор заявил совершенно обратное, нежели его предшественник. А именно. Привожу дословно.

«Фактов коррупции комиссией, побывавшей в ЗГВ, не установлено, хотя и имеются отдельные нарушения со стороны военнослужащих».

Спустя два месяца Западную группу посетил председатель Комитета Верховного Совета Российской Федерации по вопросам обороны и безопасности С. Степашин. Он возглавлял делегацию авторитетных парламентариев.

Изучив обстановку на месте, С. Степашин, выступая перед руководящим составом группы, высказался более определенно.

«Пора покончить с попытками в политической борьбе разыгрывать военную карту. Есть все основания, в том числе и юридические, чтобы определить обвинения в адрес Западной группы войск, как голословные, а заявления по поводу коррумпированности ЗГВ оценить, как злонамеренную ложь».

Согласитесь, со стороны эта «перестрелка» высочайших комиссий страны выглядит по меньшей мере странной. И потому всякий гражданин России, а стало быть налогоплательщик, вправе задать вопрос — кому верить? Есть ли, в конце концов, коррупция в ЗГВ или ее нет?

Этот вопрос не потерял актуальности и до сих пор. Ведь споры вокруг Западной группы не утихают и сегодня.

Как ни прискорбно, но думаю, что однозначного ответа на этот вопрос не найти. Хочу быть правильно понятым. Западная группа войск — особое,

ни с чем не сравнимое явление в нашей жизни. Своего рода маленький райский уголок в нищей России. Оазис в пересохшей пустыне. Туда тянулись многие. И те, кто хотел купить новые штаны взамен изношенных, и те, кому для полного счастья не хватало десятка-другого миллионов.

Я уже рассказывал о гостях группы. Кого тут только не перебывало за 4 года «валютного бытия». Кто только не припадал к этому «живительному источнику». В меру сил, конечно, а точнее властных полномочий, данных ему Отечеством. Были среди них и те, кому Отечество ничего не поручало, и тогда они брали сами.

Возьмите для примера сферу весьма далекую от армии — артистическую. В своей книге «Возвращение» Главком Матвей Бурлаков приводит любопытный случай.

«Помню… в группу приехал начальник управления торговли министерства обороны СССР генерал Садовников с одним известным в нашей стране певцом. В разговоре со мной этот певец спросил: «Вы знаете, что я подобрал фирмы и кормлю ЗГВ». Я ему в ответ: «Что поешь хорошо, знаю, а вот кормишь нас — нет!» Он сообщил мне, что подобрал в Берлине ряд хороших фирм, которые торгуют и поставляют товары в группу.

Честно скажу, этому разговору я тогда особо не придал значения. Однако вызвал к себе начальника штаба тыла и попросил доложить мне: с какими фирмами мы торгуем и почему? Как выяснилось, многие из фирм являлись очень дорогими для нас. Я приказал разобраться и найти более выгодных партнеров. И такие фирмы были найдены…

Конечно, действия Главнокомандующего ЗГВ вызвали гнев и негодование фирм и их покровителей в Бонне, Берлине и, как ни странно, в Москве. Борясь за рынок в ЗГВ, определенные круги в Германии, России и даже США поставили перед собою цель — снять с должности мешающего им Главкома Бурлакова».

Кто же этот известный певец? Читатель, думаю, уже догадывается. Это любимый наш Иосиф Кобзон. В последнее время пресса много писала о нем, не только как об эстрадной «звезде», но и весьма удачливом коммерсанте.

Но тут уж вольному воля — хочу пою, хочу Западную группу кормлю. Это право никто не ставит под сомнение. Дело в другом. Отлучение некоторых фирм от «валютного корыта» ЗГВ имело свои громкие последствия, как считает Бурлаков. Статья М. Дейча в «Литературной газете», опубликованная в 1992 году, по мнению Главкома, стала сигналом к травле неугодного руководства группы.

Право же, не знаю, так ли это, но, помнится, статья наделала много

шума. Прочитав ее, подивился я тогда двум обстоятельствам — поразительной информированности нашего американского коллеги в делах столь неблизкой и весьма закрытой ЗГВ, а также скорому «суду» в прессе над Бурлаковым. Думаю, что Главком едва успел принять огромное, многотрудное хозяйство. К выходу статьи он был у руля ЗГВ всего несколько месяцев, но уже получил первый удар под дых.

Вызывает недоумение и еще одно обстоятельство. Какая из американских газет предоставит российскому корреспонденту в штатах хоть абзац своей площади для разоблачения беспорядков в частях военного контингента США в Европе? Фантастическая ситуация, не правда ли? А у нас проходит, и никто в обморок не падает.

Так что некоторые «деятели» искусств были далеко не носителями высокого в массы воинов, но скорее предприимчивыми «доярами» ЗГВ. Один изо всех сил желал кормить и поить группу, хотя она его об этом не просила. Заметьте, именно группу войск в Германии, а не гарнизон Аплаккурти на Крайнем Севере. Коли уж у вас этакая любовь к армии.

Да, они любят армию, но, как писал поэт, «странною любовью». В дни вывода ЗГВ на родину в прессе проскочило сообщение — один из наших талантливых артистов-юмористов, купив автомобиль в Германии, решил не доставлять его обычным путем. Знаете ли, дорого, суетно, да и небезопасно. Рэкет на дорогах Польши, Беларуси, России. Тем более, что время благородных воров и бандитов прошло, они не посчитаются и с артистом.

Словом, обратился артист к летчикам, попросил перебросить автомобиль воздушным мостом. Перебросили. Прямо в Москву, считай к порогу квартиры. Удобно, ни тебе рэкетиров, ни погони. И главное, пилоты с юмором попались — попросили оплатить провоз. А самолет стоит недешево. Не понял их «юмора» артист, обиделся. Он-то думал о летчиках как о людях серьезных, рассчитывал на «халявный» перевоз. Так что ждем-с, должен же артист как-то «отблагодарить» военно-воздушные силы.

Да уж, «халявщиков» из плотно сомкнутых рядов артистической богемы здесь перебывало немало. Однако пусть не потирают руки представители других богемных и не богемных кланов. От них тоже отбою не было. Если слегка перефразировать классика нашей эстрады, то «всяк хотел урвать кусок масла Западной группы на свой кусок хлеба».

Доказательства? Примеры? Право, я в растерянности. Из их перечисления можно сложить тома. Потому приведу пример весьма распространенный и известный всякому, кто служил в группе. Сам встречал и провожал не одну сотню гостей ЗГВ. Прилетая с тощими

портфельчиками, все (подчеркиваю, все до единого) они улетали, увешанные коробками, свертками, сумками, баулами. Заверяю — никто из Западной труппы не улетал, не уезжал без подарков. Каких? Туг уж как заведено — по чину и рангу. Предвидя возмущенные голоса, отвечаю сразу — автор не забыл о кровных командировочных, заработанных в поту и трудах праведных на немецкой земле. Командировочные марки (да простит меня командированный в ЗГВ люд) — тоже своего рода подарок группы. Вспомните, как поили и кормили вас за счет ЗГВ, парили и мягко стелили. А марки советовали приберечь для подарков семье, для пополнения достатка в доме. Понимаю, все от бедности нашей проклятой. Будь чиновник, артист, журналист богат, разве позволил бы он пить да есть за чужой счет, да еще подачки принимать. Только вот беда, не видел я в ЗГВ богатых чинов. Речь, конечно, не о погонах да громких званиях-должностях, а о пустом кармане. Потому, безусловно, порочная практика содержания гостей на полном пансионе стала обычной и обыденной.

Но тогда возникает вопрос, правомерно ли говорить о коррупции только в Западной группе, или речь идет об уровне коррупированности в стране вообще? И не только в рядах чиновников, на которых кивает всяк кому не лень.

Признаюсь, такой постановки вопроса я почему-то не встречал ни в устах парламентариев, ни контролеров, ни инспекторов. Знаете ли, судить себя не сподручно, вот коли Бурлакова топтать, да его генералов-полковников, тут проще. Это они такие-сякие наливали, угощали, топили бани. Но вы — пили, ели, парились. Не забывайте об этом, господа.

Ах не вы? Вам не посчастливилось, простите, было противно ездить в Германию. Тогда спросите коллег по парламенту, правительству, министерству, ведомству, коллегии, редакции, отделу и т. д. и т. п., какую праведную жизнь вели они в российском «оазисе» за бугром. И вам, самым яростным и принципиальным, станет ясно — корни коррупции находятся совсем в другом месте, не там, куда мы чаще всего тычем пальцем.

Что же касается ростков этих ядовитых корней, то о них мне и хотелось бы поговорить. Авось, мы приблизимся к разгадке вечных русских вопросов — кто виноват и что делать? И потому начинаю с себя.

…Я покинул Германию весной 1982 года. Вернулся через одиннадцать лет — весной 1993-го. Сойдя с подножки поезда Москва-Вюнсдорф, особых перемен не заметил. Разве что над крышей немецкого вокзала висел сонный «клюв» подъемного крана, да двухэтажный дойч-поезд был окрашен в непривычно светлые тона белого с голубым. Помнится, в «гэдээровские» времена эти вагончики имели скромный серый окрас.

В день приезда не выдержал, бросив все неотложные дела, махнул в Потсдам, город моей офицерской юности. Здесь, практически в центре, на Ципеллинштрассе квартировала моя родная газета группы войск — «Советская Армия», теперь «Наследник Победы».

Сколько раз в прошедшие годы проделывал этот путь. Вот знакомый перекресток, скрипучая, деревянная дверь и, как прежде, солдат на посту. Взяв под козырек, он пропускает меня и о, чудо! — иду вдоль вереницы автомобилей. Их столько, что рябит в глазах — белые, голубые, желтые. Даже не знаю каких они марок. Читаю на капоте — «БМВ», «Фиат», «Мицубиси», «Мерседес», наши Жигули, «Фольксваген», «Опель»… Боже мой, откуда же столько машин? А, ну да… Потихоньку прихожу в себя, вспоминаю рассказы вернувшихся из ЗГВ товарищей, удобные сиденья их автомобилей. Германия!..

Но «шок» не проходит. Это я потом увижу забитые машинами стоянки в воинских частях, разгляжу прогнившие крылья и кузова, научусь маленько разбираться в иномарках. А сейчас все это для меня иной, сумасшедше богатый, недоступный разуму нищего российского офицера мир. Еще вчера в Москве я думал, как выкроить лишнюю сотню на новые сапоги дочери. Старые-то совсем развалились. Но лишней сотни не было. Да и не могло быть. Офицерское жалованье мое составляло немногим более 10 тысяч, килограмм колбасы перевалил далеко за тысячу, а сапоги, сказать страшно, стоили 25–30 тысяч.

Мне стыдно было смотреть дочери в глаза, но воровать я не умел. И потому она шлепала в старых обносках, больше похожих на лыжи, чем на женские сапоги. И это семнадцатилетняя девушка…

Ответственный секретарь редакции, мой старый друг, с которым мы начинали еще корреспондентами, Олег Зинченко, обнял меня и, извиняясь, сказал:

— Ты подожди минутку, сейчас народ собираем. Сделаем маленькое вливание, и я свободен… Сядем… Поговорим…

— А что надо вливать?

— Не пишут, — развел руками ответсек. — На полосу хоть сам ложись.

— Да ты что, господь с тобой. Вспомни нас десять лет назад. Конкурс материалов, «бой» за место в газете…

— Хе-ге, куда махнул… Мы о чем с тобой думали тогда? О службе, о работе. А они?

И он красноречиво кивнул за окно, на вереницу машин. Это походило на стариковское брюзжание, мол, молодежь пошла… Но перламутровый

бок мерседеса доказывал, что старый мой друг прав.

Таким было мое второе свидание с Германией. О чем говорило оно? О падении нравов у офицеров ЗГВ, о загнивании нашей морали? Возможно, я бы и ответил положительно на этот вопрос, но опыт подсказывал иное. Я только что приехал из России, из Москвы и видел, как «загнивали» мы там, как офицерская честь и совесть сгорали в горниле коммерции. Грязной, вульгарной коммерции. Все это лишь служило подтверждением тому факту, что и за три границы группа войск оставалась нашей родной, российской. Она болела теми же смертельными для воинства болезнями, как и вся армия. Только здесь открывалась возможность приторговывать чем-то реальным: старыми подержанными автомобилями, например, а не «воздухом», как случалось в России.

Всякий, кто прочтет эти строки, вправе возмутиться — как же называть тогда офицеров — торгашами, спекулянтами, бизнесменами, предпринимателями? Как хотите… Хоть горшком назовите… Они не хуже и не лучше тех, кто служит в Москве, Ростове, Мурманске, на Дальнем Востоке.

Чем вынужден был заниматься офицер российской армии в последние годы? Дабы прокормить семью — или уходить из армии, или искать «нелегальный» приработок на стороне. Далеко не всем это удавалось. Не позволяла служба, не всяк смел тут ухватить, а там втридорога продать. Иным было просто противно. В конце концов — они офицеры. Однако как странно звучит теперь это некогда высокое и чистое слово — «офицер».

Тот, кто «не смел и не сумел», кто по-прежнему офицер, то есть беден и горд, слывет не иначе, как дураком и неудачником. А в «дураках» оказались очень многие. Особенно кому нечего продать.

Сегодня предельно ясно — армия и бизнес несовместимы. Хотя, думаю, процентов десять российских офицеров считают иначе. Это те, кто прикрываясь мундиром, еще носят погоны так, на всякий случай, и даже изображают служебное рвение, но мыслями и душой они уже там, «в мире денег Адама Смита». Эти люди потеряны для армии. Более того, они опасны для армии. Все что было им дорого вчера — боевое братство, товарищи по подразделению, совесть и честь офицера — теперь превратились в ненужный хлам. Девальвируются их взгляды, выжигаются чувства. Форма нужна лишь для благочинного прикрытия коммерческих делишек.

Нет, я не против коммерции и предпринимательства. Снимаешь военную форму и волен идти хоть в сторожа, хоть в миллионеры.

Став министром обороны, Павел Грачев быстро разглядел, сколь

пагубен для армии даже запах коммерции. Он сделал многое для того, чтобы содрать торгашескую рясу с офицерских мундиров.

Но только ли в ней дело. Признаемся, офицеров на дорожку коммерции толкнуло родное государство. Да что там толкнуло, гнало пинками. Начиная с 1985 года, с началом перестройки, армии уготована нищенская судьба. Не среднего достатка, как порой оправдывались правительственные чиновники, а именно полуголодного, полуодетого, вечного просителя…

Я помню то чувство стыда и унижения, когда на станции метро «Пушкинская» вывешивались объявления — требуется оператор уборочных машин, то бишь обычная уборщица, и указывалась сумма оклада. Когда там предлагали 500 рублей, мне, подполковнику, закончившему высшее военное училище и академию, прослужившему более двадцати лет в армии, помотавшемуся по свету без крыши над головой, родной начфин выдавал на руки лишь три сотни. Когда же родное ведомство отвалило наконец полтысячи, метрополитен обещал 700.

Я не говорю о водителе троллейбуса, который стал притчей во языцех и всегда имел больше пилота, поднимающего в небо стратегический бомбардировщик.

В октябре 1993 года телеканал «Останкино» сообщил официальные цифры — зарплата в 30 тысяч — нижний уровень нищеты. Подчеркиваю, нижний. Денежное довольствие лейтенанта в те месяцы было примерно 80–90 тысяч. А в семье, как правило, неработающая жена (в гарнизоне работать негде) да детишки. На троих считайте нижний уровень, а коли на четверых?..

И так не год, не два — десятилетие. Осенью 1994 года «Независимая газета» сообщила — прапорщик в президентской охране получает больше армейского полковника. Газета назвала это геноцидом, развязанным против собственной армии.

Вот почему, говоря, казалось бы, о благополучной и сытой Западной группе войск, я раз за разом возвращаюсь к проблеме нищеты нашей армии.

Вся «дойч-марочная» четырехлетняя история группы прошла под нищенской звездой российского офицерства. Она диктовала правила жизни и службы в ЗГВ, возможности попасть в «валютный рай» или остаться за его бортом, размер мзды и весомость подарков, отправляемых в Москву. Это первая мысль. И вторая. Чтобы раскрыть ее, хочу напомнить безусловно историческое событие, почему-то не замеченное как отечественными, так и зарубежными историками. Событие, которое имело

решающее влияние на умы и сердца крупного чиновничества в России. А именно — смерть члена Политбюро, первого секретаря Московского городского комитета КПСС Виктора Гришина. Всемогущего, легендарного Гришина, долгие годы вертевшего многомиллиардным хозяйством города-гиганта, как собственным мизинцем.

Он умер в очереди за нищенской пенсией!!

Это был страшный удар по сознанию чиновничества. В том числе, конечно, и военного. Смерть Гришина стала сигналом бедствия. Пришло время хапать. Сколько можешь, пока руки носят, пока ноги держат. Хапать на одну, на две жизни. На детей, на внуков, на правнуков, на тех, кто еще в чреве матери, и на тех, которые не зачаты.

Что же касается примеров для подражания, их уже было достаточно в нашей стране. Одним словом, никто не хотел умирать… Умирать в очереди за грошевой пенсией.

3

Нищета стояла на пороге нашей армии. Российская нищета писала неписаные законы Западной группы войск.

Редкий генерал в группе проходил службу в «одиночестве». Как правило, на разных должностях служили и работали во благо ЗГВ генеральские домочадцы — зятья, невестки, братья, сестры, не говоря уж о дочерях и сыновьях.

Право, не знаю, с какого высокопоставленного родственника и начать? Не стану врать, родственников Президента в группе не встречал, а вот брата экс-вице-президента, подполковника Руцкого знавал.

Ну а уж званием да родством пониже — этих хоть пруд пруди.

По принципу «а мы что — хуже» действовали наиболее влиятельные полковники. Тут пристроить свое семейство удавалось не всем, не по чину, как говорят.

Выпадали из этого ряда подполковники, майоры, тем самим бы задержаться, не до братьев-сестер. Но была особая категория ЗГВ — прапорщики. Глядя на них, часто думал — удивительную «касту» мы создали в армии. Доблестный представитель этой «касты», старший прапорщик, «продовольственник» 3-го городка Вюнсдорфа, мог ли он позволить служить своему сыну в Забайкалье или на Дальнем Востоке?

Это ниже его «прапорщицкого» достоинства. И потому сын служил, конечно же, в группе.

Однако происходили и более удивительные события. Волей-неволей я сам оказался участником такового.

Скажу прямо: журналисты центральных военных изданий были окружены в группе достаточным вниманием. Нас постоянно принимал Главком, выслушивал, помогал. Видя такое отношение к прессе первого лица группы, подобающим образом относились к нам и подчиненные Бурлакова.

Казалось, что для нас нет закрытых дверей, любая проблема, в принципе, разрешима. Но жизнь однажды развеяла мои заблуждения. Случилось это накануне окончательного вывода. Ко мне в корпункт журнала позвонил офицер автомобильного батальона. Батальон этот обслуживал управление штаба ЗГВ. Так вот, офицер предложил заменить водителя на моей служебной машине. Я наотрез отказался. Каково же было мое удивление, когда на следующий день мне представили другого шофера

— вольнонаемного служащего Вооруженных Сил.

Почему это случилось, никто не мог объяснить. Комбат мямлил и кивал на вышестоящее начальство, командир полка обещал разобраться, но прошел день, другой, третий, а прежний водитель не возвращался.

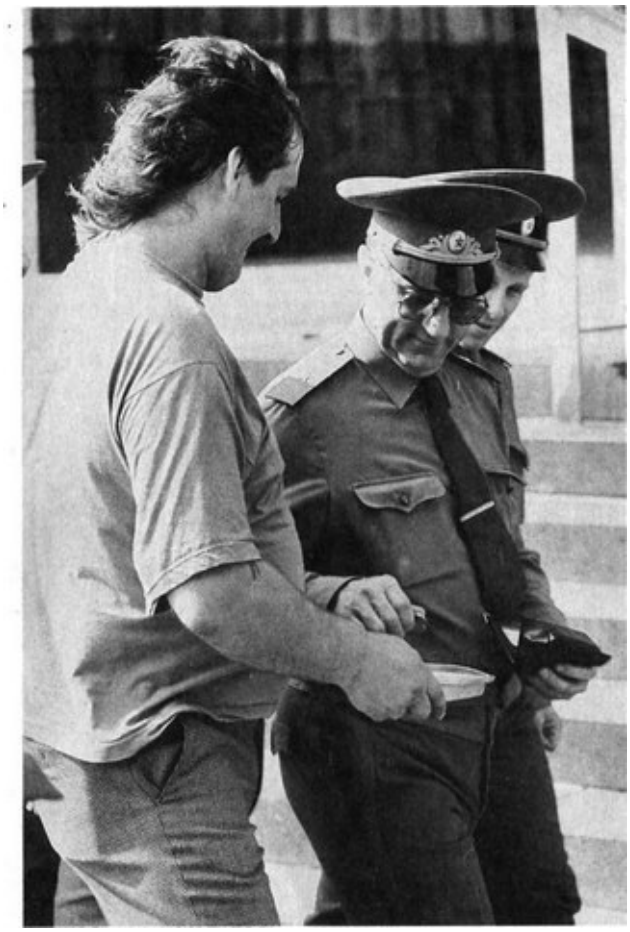
Не хотелось идти к Главкому по такому поводу, и я смирился. Водитель попался никудышный, машину не знал, следил за ней плохо, а однажды исчез совсем. Вместе с командиром полка полковником Лавровым мы стали разыскивать подчиненного. Каково же было наше искреннее удивление, когда узнали — он убыл в командировку. Меня и командира полка даже не соизволили поставить в известность.

Хочешь-не хочешь, воображение рисует облик этакого всесильного генеральского отпрыска, который просто плюет на своих начальников. Увы, нас ждет разочарование, дорогой читатель, за спиной водителя только… мама. Да, да, одинокая женщина, вырастившая двух сыновей. Правда, ей удалось старшего определить в военное училище, а потом послать в Германию, следом за братом в ЗГВ приехал и младший, а потом и его жена с ребенком. Словом, собралась вся семья.

Кто она, эта одинокая мама? Всего лишь рядовая телефонистка на групповом узле связи, которая умеет устроить своих сыновей получше любого генерала. А мы все тычем пальцем — генералы, генералы… Хотя, думаю, что и здесь не обошлось без доброхотов-благодетелей. Не знаю, в каких они чинах-званиях, но уверен — без их крепкого плеча не вытащила бы мать-одиночка всех сыновей, невесток, внуков в Германию. Вот так…

Однако я рассказываю об этом не для того, чтобы создать впечатление, якобы ЗГВ была каким-то особым оазисом семейственности. Совсем нет. Семейственность — проклятие нашей армии.

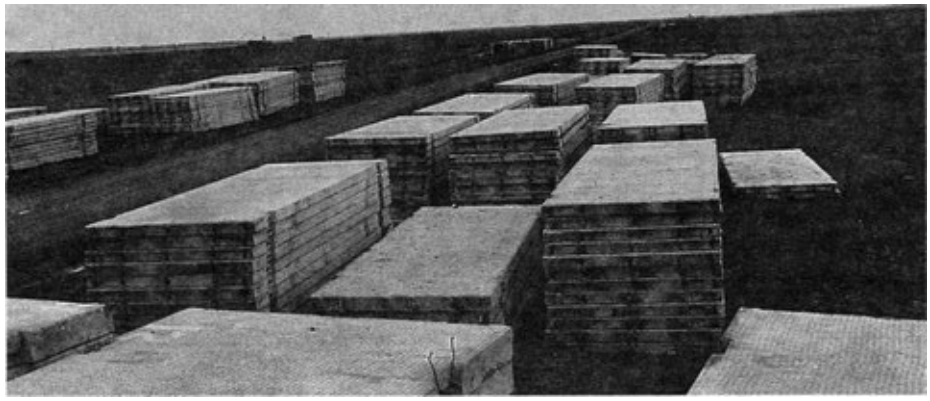
Председатель правительства России В. Черномырдин и его министры в Вюнсдорфе



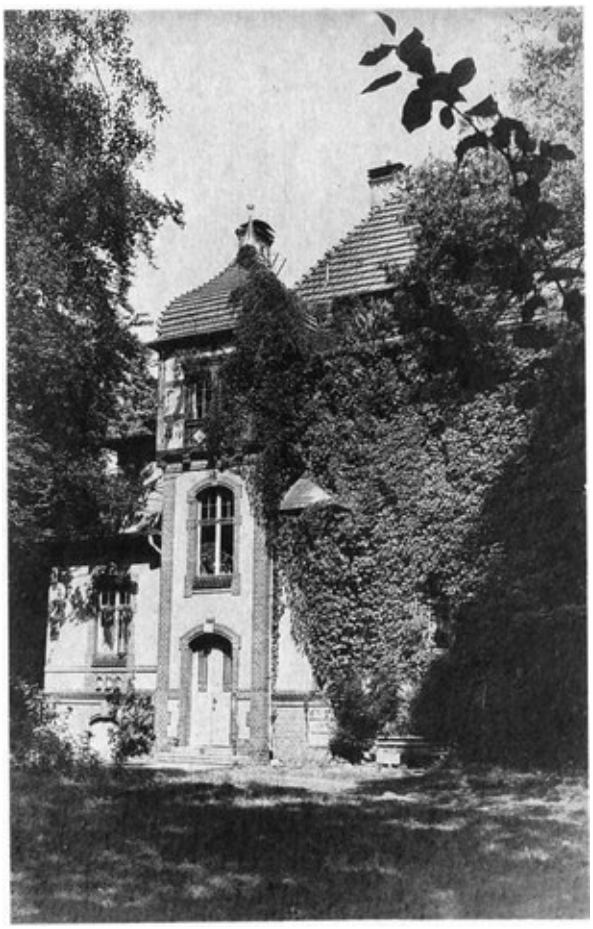
На улицах Бонна. Генерал-майор Ю. Иванушкин подает милостыню.

София Ротару на сцене Вюнсдорфского Дома офицеров (ЗГВ).

«Вот так и живем, не ждем перемен.»



Апрель 1993 г. г. Зерноград Ростовской области. Прибывший из ЗГВ авиаполк увидел вот такую картину. Здесь будет город заложен.



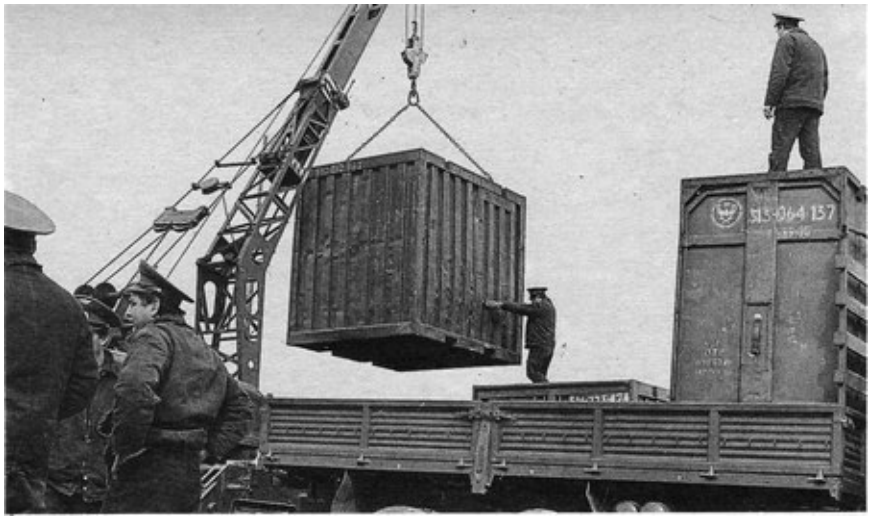
Дом в Беелитцах, в котором жил Э. Хонеккер.

Эрих Хонеккер и Маргарет Хонеккер в Беелитцком госпитале

Начальник госпиталя полковник В. Пичугин с историей болезни Хонеккера, которую у него пытались купить.

ННА ГДР была одной из самых боеспособных армий в Европе. Теперь ее нет…

Берлин. Продается с лотков форма бывшей ННА ГДР



Привычная картина. В ЗГВ грузят контейнеры.

Прощайте, друзья!..

Последняя надпись.

Монумент в Трептов-парке в Берлине.

Реликвии, которым мы поклонялись, теперь идут на металлолом.

Акт вандализма на российском кладбище.

В прежние времена то и дело поднималась проблема «сынков». Главным аргументом «защиты» был тот, что и «сынки» имеют право на выбор профессии. Но разве о праве идет речь?

В войсках давно бытует шутка: сын генерала должен стать генералом, а сын крестьянина может стать майором. При этом ударение делается на два опорных понятия — должен и может.

Много мудрости в шутке!

За двадцать с лишним лет службы в армии мне, конечно же, приходилось встречаться с теми, кто обречен стать генералом. Имел честь быть представленным сыну Маршала Советского Союза Соколова, тогда начальнику штаба дивизии, знавал сына генерала армии Лизичева, еще в бытность его замполитом роты, начинал службу с сыном генерала армии Беликова — Лешей Беликовым. Не повернется язык отказать им в праве на профессию. Хотят быть офицерами — ради Бога, но так, как все — в едином строю, с одинаковыми для всех правами и обязанностями.

А то ведь, что ни сын с известной генеральской фамилией, то крупный военный талант, стратег и полководец — в двадцать восемь командир

полка, а в тридцать пять — комдив, а в сорок — командарм, а то и начштаба округа.

Я как-то беседовал с бундесверовским полковником Фрайтагом. Привожу наш диалог дословно:

— У вас (имеется в виду в бундесвере — Авт.) можно стать в 35 лет генералом?

— Нет, — ответил с уверенностью Фрайтаг.

— А полковником?

— Я не знаю ни одного такого.

— Но если он сын самого Министра обороны?

— Ну и что? — пожал плечами бундесверовец, явно не понимая меня. — Министром обороны он может стать, но полковником в тридцать пять — никогда.

Позаимствовать бы нам этакую социальную справедливость. Но что потом? Захочется большего — и достойную офицера зарплату, и такие квартиры, как у военнослужащих бундесвера, и обмундирование. Что ж, хотеть не вредно…

Однако вернемся в ЗГВ. Там служили не только генералы, прапорщики, но и люди без погон. Зарплата у них, как правило, была поменьше денежного довольствия военнослужащего, но все равно не сравнима с родной, российской.

Купить хотелось многое, а марок, увы, не хватало. Страдали от этого особенно женщины — те, которые прибывали по оргнабору. Как один миг пролетали три года, а уезжать так не хотелось. И тогда… Самое время вспомнить незабвенного Остапа Бендера. Как там у Ильфа и Петрова?

«Ипполит Матвеевич опомнился:

— Хочется ведь скорее, — сказал он умоляюще.

— Скоро только кошки родятся, — наставительно заметил Остап. — Я женюсь на ней.

— На ком?

— На мадам Грицацуевой.

— Зачем же?

— Чтобы спокойно, без шума покопаться в стуле.

— Но ведь вы себя связываете на всю жизнь!

— Чего не сделаешь ради блага концессии!»

Так вот, у сына турецко-подданного было немало последователей, вернее, последовательниц в группе войск.

Вспоминаю случай с моим знакомым, старшим лейтенантом. К нему вдруг стала проявлять интерес дама бальзаковского возраста. Служила она

по общепитовской части и обладала достоинствами, которым могла бы позавидовать сама мадам Грицацуева.

Молодой офицер терялся в догадках относительно истинных намерений общепитовской дамы, но, слава Богу, она сама вскоре внесла ясность.

Оказывается, заканчивался ее срок пребывания на благославенной немецкой земле, а уезжать ох как не хотелось. Вот и предложила она старшему лейтенанту стать ее мужем. Однако предупредительно заявила, что брак ни к чему не обязывает и даже отметку в личное дело ему не поставят. Уж она позаботится.

К своей «пылкой любви» дама решила приложить гонорар (так сказать, за моральные издержки). Сумма предлагалась немаленькая, равная месячному окладу офицера.

Но старший лейтенант мужественно отказался от сделки. Не соблазнился ни дойч-марками, ни достоинствами дамы. Чем сильно огорчил претендентку на супружеское звание. Правда, разбитная тетка горевала не долго. В ее сети вскоре попался молодой сержант-сверхсрочник.

На языке юристов то, что задумал и осуществил незабвенный Остап Бендер и его последовательница «общепитовская дама», называется не иначе, как фиктивный брак.

Таковые браки, свершаемые явно не на небесах, были не редкостью в наших гарнизонах. Однако опять не скажешь, что это явление присуще лишь Западной группе войск. Разве Фемиде не приходилось изобличать супруга-подлеца где-нибудь в Туле, Саратове или далеком Владивостоке и доказывать, что супружеские узы для него (или для нее) не более чем шаг к заветной квартире, прописке, деньгам…

Но что же тогда было порождением сугубо групповым, какой порок появился именно тут и расцветал пышным цветом? Увы, должен разочаровать моралистов и хранителей нравственных ценностей, ничего этакого, сверхъестественного и особенного не происходило в ЗГВ.

Нет, не капиталистическая мораль и не дойчмарка разлагали лучшие элитные войска Советского Союза, а потом России. Нищенское существование, бедность, неверие в завтрашний день, отсутствие перспективы, оплеванные, попранные идеалы — вот что отравляло сознание всех, кто входил в состав ЗГВ.

В одной из предыдущих глав я привел слова советника Президента СССР академика О. Богомолова, сказанные им еще в 1990 году на германском телевидении, о том, что «Западная группа войск в настоящее

время находится в стадии морального разложения».

Будь оно, это мнение, единичным, «штучным», можно было бы и пропустить, не обратить внимания. Но в том-то и трагедия — подобное мнение превалировало в президентском окружении Горбачева. Они панически боялись, что увидев марку, мы потеряем разум, забудем об офицерской чести и совести и продадим за вожделенную валютную бумажку отца и мать родную.

Как показало время — не забыли, не потеряли, не продали. Хотя не скажешь, что вышли мы из Германии без потерь. Но даже эти «потери» не определяют лицо нашего офицерства.

Президентский советник торопил, призывал вывести войска раньше запланированного и без того архикороткого срока.

Но куда? Задавали ли они себе этот вопрос?

Академик боялся морального разложения армии. Но что может более «разложить», чем «однокомнатная, комфортабельная» палатка на семью в двадцатиградусный мороз, омертвевшая техника, занесенная снегом и ты, некогда боевой командир, «сложивший крылья посреди степей».

Кто ты теперь? Плотник, каменщик, бетонщик, кровельщик? Там, куда выведены дивизии Западной группы войск, нужны любые профессии, кроме одной, некогда воспетой в стихах и песнях — героической профессии защитника Родины.

Вот она, истинная трагедия. Но где Президент Горбачев, советники его, академики? Молчат академики. Некому ответ держать.

Что ж, пусть пока тешат себя мыслью, якобы мы все забыли, все простили. У нас хорошая память, господа.

Журнал «Шпигель». Март 1991 года.

> «Мораль и дух славной Советской Армии, которая победила фашизм, начинают все более расшатываться. Не только из-за соблазнов капитализма, но и благодаря перестройке и гласности, сумятице в стране, конфликтам, напоминающим гражданскую войну, в которые втягивается вся страна…»

4

Журнал «Шпигель». Март 1991 года.

«Рука легендарной советской мафии простирается почти до Эльбы. Армия бессильна перед профессиональными преступниками»

…Ограбление, намеченное на июль 1992 года, могло стать ограблением века. Во всяком случае для Западной группы войск.

На пути транспорта, в сейфах которого покоилось 15 миллионов (!) немецких марок, чеченская мафия устроила засаду. Такое количество даже родных «деревянных» рублей было тогда весьма немалой суммой, не говоря уж о твердой «дойч-валюте».

Бандиты просчитали все: маршрут от штаба группы войск до города Эберсвальде, время выхода транспорта, силы охраны и многое другое. Не просчитали только одного — высокого профессионализма людей, которые действовали против мафиози из Чечни.

Через полгода, в январе 1993-го, преступная группировка получила подкрепление из Грозного. В Германию прибыли «высококлассные» специалисты по разбою и грабежам. Вновь в недрах мафиозной структуры тщательно прорабатывалась операция по захвату денег Западной группы войск. Теперь бандитами были взяты под контроль практически все маршруты движения транспорта. Но командование группы, прокуратура вновь получили информацию. На сей раз был найден простой и по-своему гениальный выход — деньги перебросили воздушным мостом. Мафия осталась ни с чем.

Кто же спас «золото» группы войск? Кто тонко и умело вел оперативную работу, накапливал информацию, постоянно держал нас в курсе преступных планов бандитов?

Имя этой организации — «Тайга». Специальное подразделение уголовной полиции земли Бранденбург «Тайга» создано с целью борьбы с организованными преступными группировками из СНГ.

Сбылся прогноз крупнейшего специалиста по борьбе сорганизованной преступностью в нашей стране, доктора юридических наук генерал-майора А. Гурова, который три года назад сказал мне: «Советская мафия устремилась в Европу. Она становится трансконтинентальной».

Первым лакомым куском для этой трансконтинентальной мафии стала

Западная; группа войск.

Так что же это за подразделение «Тайга»? И отчего такая высокая честь для нашей мафии — специальное формирование? Или мафиози из Чечни переплюнули саму «Коза ностру»?

На эти непростые вопросы согласился ответить начальник отдела по борьбе с организованной преступностью уголовной полиции земли Бранденбург господин Юрген Альбрехт. Он стоял у истоков создания этого спецподразделения.

В беседе принимали участие непосредственный командир отряда «Тайга» и его заместитель. Однако они попросили не называть их имен, добавив, что у них есть семьи, дети, а «чеченская мафия отличается особой жестокостью».

Оказывается, и здесь «мы впереди планеты всей».

Наш разговор с начальником отдела начался со знакомства с историей подразделения «Тайга».

— ГосподинАльбрехт, стало быть, спецподразделение «Тайга», по существу, и было создано для спасения транспорта с деньгами Западной группы войск?

— Да, «Тайга» существует не так давно, и вначале на нее возлагалось проведение этой, можно сказать, уникальной операции. Но потом появились другие задачи, и мы решили сохранить это формирование, превратить в постоянно действующее.

В состав «Тайги» входят в основном полицейские-восточники, работавшие прежде в полиции ГДР и достаточно хорошо изучившие психологию «гостей» из бывшего Советского Союза.

— «Тайга» занимается в первую очередь оперативной работой?

— Нет, крепкие парни в краповых беретах, преступники, уложенные наземь, щелкание наручников — это последний этап. Возможно, самый эффектный, если смотреть со стороны, как, впрочем, и самый опасный, но основная работа — иная, аналитическая. Чтобы бороться с преступными группировками, надо знать очень многое о них. Состав, структуру, обычаи, национальные традиции, язык, почерк бандитов. И тут нам архитрудно. У нас, например, нет специалиста по чеченскому языку. И негде его взять. А он крайне нужен. Правда, нам оказывают помощь сотрудники Министерства внутренних дел России, но основная работа на наших плечах.

— Вы упоминаете лишь чеченскую мафию, а украинская, русская?..

— О, этого «добра» у нас достаточно. Есть и украинская, и русская, и балтийская. У них свои сферы влияния. Так, например, в районе Потсдама

особенно сильна украинская мафия. Это объясняется, как вы понимаете, не какой-то особой любовью к определенному городу. Просто нынешние мафиози служили прежде в этом районе солдатами. В танковом полку, например, или в артиллерийской дивизиии. У них есть определенные связи с местным населением, они хорошо знают город. Живут в домах, которые покинули российские войска.

Архив военной контрразведки ЗГВ.
Секретно.

«По данным подразделения по борьбе с организованной преступностью г. Берлина, с которым у военной контрразведки ЗГВ налажено сотрудничество, на территории ФРГ действуют около 400 групп из эмигрантов и граждан СНГ, в том числе бывших военнослужащих группы, которые, имея связи на территории содружества, активно устанавливают контакты с международными преступными структурами».

— Говорят, жестокость — это отличительная черта преступных групп из СНГ. Или она характерна также для мафиози из других стран — Америки, Югославии, Италии?

— Готовность к насилию отличает чеченскую, кавказскую мафию от каких-либо других. Даже от всемирно известной «Коза ностры». Хотя нельзя считать, что мафия из СНГ находится в ребяческом возрасте. Просто о ней не принято было прежде говорить. Нам рассказывали коллеги из России> что уже не одно десятилетие существуют маковые плантации, к уничтожению которых привлекаются войска. Называется цифра — в Москве более двух тысяч преступных группировок. Так что российская мафия достаточно опытна и сильна.

Что же касается жестокости, то, думается, это может стать решающим для мафии из стран СНГ. Они уже сейчас прокладывают себе дорогу все больше на Запад и вступают в борьбу за передел поделенного «пирога».

Архив военной контрразведки ЗГВ.
Секретно.

«Противоправная деятельность преступных группировок в значительной степени влияет на обстановку в войсках Группы. Участились случаи насильственных действий в отношении личного состава и объектов ЗГВ. Так, группа лиц кавказской национальности у КТП 310-й артиллерийской бригады ограбила

и жестоко избила старшего лейтенанта Приходько и прибывших по гостевым визам граждан России Утюнина и Турина. В непосредственной близости от жилых домов гарнизона Нойштрелитц эти преступники, угрожая оружием, ограбили лейтенантов 16-й танковой дивизии Каблукова и Метельского. В гарнизоне Эберсвальд 6 эмигрантов совершили разбойное нападение на квартиру военнослужащего Костюка. Угрожая пистолетом «ПМ», преступники избили хозяина и находившихся там трех его знакомых, забрали их документы, личные вещи и скрылись на автомобиле Костюка. В гарнизоне Гоосс-Дельн тремя неизвестными совершено нападение на авиамеханика расчета подготовки самолетов младшего сержанта сверхсрочной службы Вишнякова, который был избит и ограблен. В гарнизоне Финов совершено вооруженное нападение на квартиру прапорщика Токмакова.

При следовании в составе колонны, убывшей с пункта отправки (Франкфурт-на-Одере), были ограблены на объездной Варшавской дороге военнослужащие 16-й танковой дивизии подполковник Кудинов и прапорщик Онищенко. В дневное время их остановили на трассе 3 автомашины («Опель», «Мерседес» и «БМВ»), в которых находилось более 10 человек, вынудили заехать в лес и, угрожая обрезом карабина, забрали все вещи и деньги.

14 ноября 1992 года в 80 км от Варшавы совершено нападение на отставших от колонны военнослужащих 94-й мотострелковой дивизии лейтенанта Литвиненко и прапорщика Бабний. Двумя автомашинами («Опель» и «БМВ») их прижали к обочине и ударили в борт, после чего автомашина врезалась в дерево. У находившихся в бессознательном состоянии после получения травм различной степени тяжести военнослужащих были похищены все вещи. Пострадавших подобрала полиция и доставила в больницу г. Лович, где они находились 2 суток, затем через военную комендатуру г. Франкфурта-на-Одере они были переправлены в военный госпиталь гарнизона Шверин.

Противоправные действия групп криминальной направленности приобретают все более сосредоточенный характер. Между ними не стихает вражда за зоны влияния. Эти группы являются как «национальными» (чеченскими, армянскими, азербайджанскими), так и «интернациональными»,

состоящими в основном из бывших военнослужащих и служащих ЗГВ и других граждан СНГ».

— Аналитики подразделения «Тайга», видимо, хорошо изучили преступников из России, Украины, Чечни. А если попытаться дать обобщенный портрет мафиози из СНГ? Кто приезжает сюда, что это за люди, нападающие на наши гарнизоны?

— Не простой вопрос. Дело в том, что бандиты из Советского Союза приезжали в Германию до ее объединения. В таких городах, как Берлин, Мюнхен, Дюссельдорф, давно концентрировались преступные элементы с Востока. Сегодня они уже разбогатели, являются владельцами магазинов, фирм. Особенно преуспели и, по существу, захватили рынок, связанный с игорным бизнесом. В Берлине есть улица Каркштрассе, там около 90 процентов магазинов принадлежат русским эмигрантам.

Это, если так можно выразиться, первый пласт эмигрантской преступности. О втором мы говорили: тут речь идет о бывших военнослужащих из группы войск. Они увольнялись в запас, выезжали на родину и через некоторое время возвращались в ФРГ Среди них очень много рабочих и служащих, которые прежде работали в ЗГВ.

Нередко эти люди возглавляют преступные группы. А в состав банд входят их друзья, знакомые, примкнувшие уголовные элементы.

Архив военной контрразведки ЗГВ.

Секретно.

«В последнее время активизировалась деятельность преступных группировок, состоящих из граждан СНГ, в том числе и бывших военнослужащих ЗГВ, по различным каналам прибывших в Германию.

Так в г. Финов выявлена группа лиц кавказской национальности, возглавляемая бывшим офицером 20 общевойсковой армии Хохлачевым, уволенным из рядов Вооруженных Сил летом 1992 года.

Установлена группа чеченцев, состоящая из 8–9 человек и занимающаяся рэкетом в отношении эмигрантов, торгующих в г. Равенсбрюк и Потсдам.

В Потсдаме, на Паппельаллее вот уже длительное время проживают эмигранты из бывшего СССР. В одном из боксов 64-го мотострелкового полка, выведенного в Россию, устроили мастерскую по ремонту и перепродажной подготовке

автомобилей, перепродают спиртные напитки и табачные изделия. Есть основания полагать, что там же находятся группы рэкетиров».

— Создается впечатление, что для преступников не существует границ, и Германия для них страна с распахнутыми дверями… Но, насколько мне известно, в немецком консульстве в Москве не так-то просто получить визу на въезд. Как проникают сюда уголовники мафиози?

— Путей очень много. Виза нужна для честного, законопослушного человека. Уголовник за визой не пойдет, знает: его все равно не пустят в Германию. И потому они едут нелегально на поездах, самолетах, морскими транспортами из Клайпеды в немецкий порт Мукран. Попадают из Польши, Чехии и Словакии. Представьте себе: граница нашей земли Бранденбург с Польшей 250 километров. И это открытая граница.

Конечно, есть и те, кто приезжает с официальной визой и остается. В нашей практике достаточно арестов именно таких людей.

Есть и те, которые располагают фальшивыми военными документами. После проверки оказывалось, что в войсковых частях такого человека нет и никогда не было.

Архив военной контрразведки ЗГВ.
Секретно.

«Военной контрразведкой группы войск были задержаны два человека, по национальности татары, прибывшие из СНГ.

На допросе показали: за 1 тысячу долларов в Москве, в штабе Сухопутных войск они приобрели воинское предписание с печатью и поддельной подписью начальника управления кадров генерал-лейтенанта Пшеничникова. В предписании указывалось, что они сопровождают секретные документы в отдел кадров ЗГВ. Пользуясь визой на бесплатный пролет, задержанные беспрепятственно пересекли границу на самолете военно-транспортной авиации Вооруженных Сил России».

— Для разбойных действий нужно оружие. Было время, когда о Западной группе войск в немецкой печати писали, как об оружейной лавке, где направо и налево продавались автоматы, пулеметы. Вот лишь одна цитата. Берлинский журнал «Экстра». Март 1991 года. «Из советских гарнизонов в Восточной Германии исчезают автоматы, пистолеты и даже части ракет. Разве две бутылки спиртного не стоят одного пистолета?»

Что вы скажете по этому поводу?

— Оружие действительно для мафиозных группировок крайне необходимо. Кроме того, что они вооружаются сами, это часть их преступного бизнеса.

Бывали случаи, когда представители преступных группировок подходили к российским солдатам на посту или на контрольно-пропускном пункте и просили продать оружие. Однако в освещении проблемы продажи оружия пресса явно переусердствовала. Доказательством этой мысли может служить то, что и на сегодняшний день спрос на оружие вокруг гарнизонов очень велик. Если бы так просто было купить оружие, как «в оружейной лавке», вряд ли продолжались бы нападения на часовых, воинские склады, штабы. Вспомните город Альтенграбов, дерзкое нападение чеченской преступной мафии на штаб войсковой части. В результате этой акции было похищено двенадцать пистолетов Макарова.

Нет сомнения, если бы мафиози могли приобрести эти пистолеты за деньги, они бы не рисковали своими жизнями.

— В телепрограмме РТЛ германского телевидения была названа цифра в 100 миллионов марок. Таков, по мнению журналистов, ущерб, нанесенный немецкому государству мафией из стран Содружества независимых государств. Не велика ли сумма?

— Дело не только в сумме. Она явно взята с потолка и приведена в расчете на сенсацию. Ну как можно конкретно подсчитать ущерб от преступных действий русской или итальянской мафии? Да, реально было бы оценить ущерб, нанесенный, к примеру, воровством автомобилей. Здесь есть точные данные, на них можно опираться.

Кстати, по поводу мафии, размера ущерба, нанесенного ею, говорится много глупостей. Печально, что все эти разговоры идут не на бытовом уровне, порой даже наша прокуратура приводит невероятные факты, цифры. Но когда мы начинаем спрашивать конкретно, никто не может сказать, откуда взяты эти расчеты.

Что же касается программы РТЛ — так этот канал не может жить без сенсаций. Мы не против сенсаций, если они правдивы и основаны на реальном материале.

Мы же выросли и много лет проработали в полиции. А эта работа как на Западе, так и на Востоке, требует конкретности, объективности, реального взгляда на проблему.

— Российские войска покинули Германию, а что же мафия, которая «гкормилась» разбоем и грабежами вокруг наших гарнизонов, ушла она или осталась с вами, господин Альбрехт?

— Сомнений нет, преступные группировки остались на немецкой земле. Прежде чеченская мафия устанавливала негласное правило — нападать только на своих соотечественников. Расчет прост: авось немецкая полиция не будет вмешиваться, а до русской милиции далеко.

Однако они просчитались. И если вчера мы изучали и анализировали деятельность преступных групп из СНГ, то сегодня нами отработан комплекс мер по пресечению деятельности не только мелких мафиозных структур. Мы вышли на крупные кланы.

Придет время, и мы освободим немецкую землю от этой нечисти. Нашему государству с нею не по пути.

Я верю немецкому полицейскому Юргену Альбрехту, его коллегам. Они не пишут указы и не создают многочисленные комиссии по борьбе с организованной преступностью. Они просто борются с ней днем и ночью, каждый час. Подтверждение этому я видел совсем недавно собственными глазами.

…Воскресным днем к нелегальному рынку на привокзальной площади Вюнсдорфа, где нередко мафия сбывает краденое, подкатил обычный рейсовый автобус. В салоне дремали редкие пассажиры, сонно поглядывая на юрких «продавцов» на привокзальной площади.

Автобус затормозил, из него выпрыгнули спортивные парни в краповых беретах, с короткоствольными автоматами «Узи» в руках.

В мгновение ока они окружили площадь. В кольце «беретов» заметались испуганные люди, стараясь прорваться на свободу. Но вскоре они уже лежали лицом к земле, на капотах машин с наручниками на запястьях.

«Храповые береты» только ведомым им путем отделяли «продавцов» от покупателей, зевак от подозреваемых. Автобус и полицейские машины пополнялись задержанными.

Кто-то из толпы наблюдающих спросил по-русски стоявшего в оцеплении двухметрового полицейского:

— «Тайга»?

Тот, не оборачиваясь, с улыбкой кивнул:

— Я, я, «Тайга»!

5

«Создается впечатление, что подобные типы пытаются за время пребывания в Германии хапнуть сразу на две жизни вперед…»

М. Бурлаков. Эксклюзивное интервью

РИА «Новости».

Наши бабушки и Дедушки хорошо помнят задорную песню их юности: «Прокати нас, Петруша, на тракторе». Спустя много лет в Западной группе войск передовой опыт Петруши с успехом применит первый заместитель командующего 16-й воздушной армии генерал-майор авиации Николай Селиверстов. Своих пилотов он использует в роли Петруши, но «катать» будут не советских колхозниц до околицы их родной деревни, а немецких граждан. Разумеется, не бесплатно, а за твердую валюту.

Право же, в том нет ничего предосудительного. Годы вывода советских, а потом и российских войск на Родину — это годы открытости и сближения с нашими бывшими противниками в «холодной войне». Не стану перечислять сотни мероприятий стой и с другой стороны, которые способствовали укреплению политических, военных, да и просто человеческих связей. Назову лишь некоторые из них. Офицеры ЗГВ побывали на американском полигоне Графенвер, британском учебном центре Зеннелагер и авиабазе Гютерсло. В свою очередь военные делегации США, Англии, Франции, Германии посетили наши гарнизоны — Мальвинкель, Планкен, Виттнток, Вюнсдорф.

Уже в 1991 году советские солдаты проводили рождественские праздники в немецких семьях, вместе высаживали на Зееловских высотах лес Мира. Особой любовью немцев пользовались дни открытых дверей в частях ЗГВ. Сюда приходило огромное количество людей. Многие приезжали с западных земель ФРГ.

Ну а «прокатиться» на советском боевом вертолете, об этом только приходилось мечтать. И поэтому от желающих стать пассажирами воздушных извозчиков отбою не было. Однако осуществлять благотворительное «катание» дело слишком дорогое. Решили брать плату.

И немцы, привыкшие к тому, что за удовольствие надо платить, выкладывали свои дойч-марки.

Никто не сомневался в правильности такого решения. Западная группа, брошенная родным государством, по сути, на произвол судьбы, должна была зарабатывать. На жизнь. На встречу многочисленных гостей. На покупку квартир бездомным офицерам.

Доход от посещения немцами наших авиационных гарнизонов и вывоз их на вертолетах составил около 162 тысяч бундесмарок. Эти тысячи и поступили в кассу ЗГВ. Однако ни одна тысяча не была подтверждена документально. Но тогда возникает вопрос — почему 162 тысячи, а не 262, к примеру, или больше? Или, наоборот, меньше?

Да, билеты продавались, но точного числа их практически никто не знал. За исключением главного организатора праздников генерала Селиверстова. Таким образом, открывалась дорога для злоупотреблений.

Потом в печати неоднократно склонялась фамилия первого зама командующего 16-ой воздушной и всякой раз раскрытие финансовых злоупотреблений приписывалось энергичным следователям Генеральной прокуратуры России. Оказывается, все было значительно прозаичнее. Первыми неладное почуяли инспекторы финансовой службы ЗГВ. Начальник инспекции полковник Капров и его подчиненный Алексеев раскопали это, ставшее впоследствии громким, дело, и акт ревизии, как и положено, направили в прокуратуру группы. Оттуда «дело Селиверстова» передали в Генпрокуратуру.

В ходе следствия обнаружились и другие злоупотребления. Так, член правления Ново-Апостольской церкви земли Бранденбург господин У. Краузе и начальник строительного отдела церкви господин Б. Вендт обратились с предложением к генералу Н. Селиверстову о заключении договора на перевозку грузов в Целиноград. В Казахстане немцы строили и оборудовали церковь.

Российская сторона предложила оплатить два рейса транспортного самолета АН-12 из расчета 3934 марки за час полетного времени.

Заказчики отказались. Дорого. Вот тогда Селиверстов предложил более дешевый вариант. Рейс будет стоить вдвое дешевле, ну и в знак, так сказать, благодарности генерал хотел бы получить наличными по 10 тыс. марок за каждый рейс.

Ударили по рукам. На аэродроме Селиверстову дважды вручали конверт с деньгами. Однако понадобился и третий рейс. Не влезал в самолет церковный орган. Генерал дал «добро», но договор заключать не стал. Ибо все это пришлось бы согласовывать с финслужбой. Словом, совет

церкви на сей раз выдал Селиверстову на руки 35 тысяч марок. Тот обещал лично передать их финансистам, но, по всей видимости, «запамятовал».

Следствием также доказано, что Селиверстов организовывал наземные гонки самолетов российских ВВС с немецкими гоночными автомобилями. За что получил наличными в валюте.

Кстати говоря, за что и расписался в германских финансовых документах. Немцы, как известно, народ пунктуальный.

На этом пожалуй, можно было поставить точку, если бы не октябрь 1993 года. Москва. Белый дом. Арест Руцкого. В ноябре генерал Селиверстов неожиданно дает новые показания военному суду Московского гарнизона.

Вот как об этом сообщает газета «Коммерсантъ»:

«Как стало известно «Ъ» из источников, близких к Генеральной прокуратуре, на судебном заседании арестованный впервые остановился на личных взаимоотношениях между ним и бывшим вице-президентом России Александром Руцким и назвал причины предвзятого отношения к нему со стороны бывшего вице-президента. Во-первых, Николай Селиверстов был против присвоения г-ну Руцкому звания Героя Советского Союза, так как тот «необоснованно рисковал жизнью своих подчиненных при выполнении боевых задач». Во-вторых, в период службы в ЗГВ Николай Селиверстов настаивал на своевременном (то есть в течение 1991 года) выводе из Германии части, где замполитом эскадрильи служил брат г-на Руцкого. Часть вывели по графику, но брата г-на Руцкого перевели в другое подразделение, которое должно быть выведено позже*. В итоге отношения между вице-президентом и генералом Селиверстовым охладились».

Заявление на суде генерала Селиверстова вызвало в группе войск скептическую улыбку. Причем тут Руцкой и охлаждение их отношений, если первый зам находился под следствием по обвинению в хищениях и получении взяток (статьи 931 и 173.3 УК РФ).

В личном деле Руцкого, к сожалению, нет документальных свидетельств того, что Селиверстов имел свое, особое мнение по поводу присвоения Александру Владимировичу звания Героя Советского Союза.

Наградной лист, подписанный командующим ВВС 40-й армии генерал-майором авиации В. Котом в апреле 1986 года, где он считает, что «за личное мужество и героизм, умелое командование полком…Руцкой достоин присвоения звания Героя Советского Союза», — есть. Еще одно представление уже нового командующего ВВС генерал-майора авиации Д. Романюка от 23 августа 1988 года с визой командующего 40-й армии

генерал-лейтенанта Б. Громова тоже есть. Существует и Указ, подписанный М. Горбачевым. Он подшит в дело. Но, увы, ни слова сопротивления Селиверстова. Возможно, генерал устно высказывал свое мнение, но, как видим, оно не повлияло на решение вопроса. Руцкой получил Золотую Звезду.

Что же касается брата бывшего вице-президента — подполковника Владимира Руцкого, то он действительно служил в Западной группе войск практически до ее вывода. В сообщении газеты просматривается явный намек на то, что братец остался в Германии благодаря заботе Руцкого-старшего. Ведь эскадрилья-то ушла, а Владимир оказался переведенным в другую часть.

Не знаю, была ли проявлена подобная «забота», не была, но генерал Селиверстов, делая свое сенсационное заявление, умолчал об одной весьма существенной детали — еще в 1990 году майор Владимир Руцкой проходил службу в г. Ряжске Московского военного округа. Это значит, что приехал он в ЗГВ либо в конце 1990 года, либо весной 1991-го. А эскадрилья выводилась в 1991-ом году. Выходит, не успел приехать — собирай чемоданы. При таких обстоятельствах командование, кадровые органы старались поступить по-человечески, переводили офицера в другую часть, которая выходила позже, чтобы дать возможность послужить, подзаработать, поддержать семью. И так было не только с Руцким, но с сотнями офицеров и прапорщиков.

Как сообщила газета, «следствие проявило к новым показаниям г-на Селиверстова необычайный интерес», но посчитало «нецелесообразным освобождать его из-под стражи».

Интерфакс. 13 января 1995 г.

«Бывший первый заместитель командующего ВВС Западной группы войск генерал-майор авиации Николай Селиверстов приговорен в четверг Военной коллегией Верховного Суда РФ к 5 годам лишения свободы условно с испытательным сроком в 2 года. Он признан виновным «в присвоении вверенного ему имущества». Суд обязал генерала возместить государству 64 млн. рублей.

Следствие инкриминировало генералу получение взяток на общую сумму в 20 тыс. ДМ от Новоапостольской церкви за перевозку ее имущества из Германии в Казахстан. Кроме того, он обвинялся в хищении государственных средств на общую сумму в 64,1 тыс. ДМ.

Приговор Военной коллегии окончательный и обжалованию не подлежит.»

Другим генералом, оказавшимся под стражей за свои неблаговидные делишки в Западной группе войск, был начальник службы горюче-смазочных материалов В. Семин.

Суть преступления проста: топливо группы войск продавалось по заниженным ценам. Россия потеряла миллионы марок.

Но ситуация здесь в корне иная, чем в случае с генералом Селиверстовым. Семин оказался лишь одним из звеньев этой преступной цели. Дело в том, что непосредственно Западной группе войск реализовать топливо не разрешили. Слишком уж это лакомый кусочек. Центральное управление ракетного топлива и горючего Минобороны России во главе с генерал-лейтенантом В. Блохиным в июне 1991 года заключило договор с совместным российско-швейцарским предприятием «Мосэнико-Инвест», которому было представлено монопольное право на реализацию топлива ЗГВ. Оно и реализовывапо. Моторное топливо, к примеру, продавалось по ценам, заниженным против мировых в 1,5 раза.

Как констатировала комиссия Ю. Болдырева, «упущенная выгода от таких сделок составила около 12 млн. немецких марок».

Конечно, сыграла свою роль и наша сущая безграмотность в вопросах рынка. Российский генерал, будь он семи пядей во лбу, приехавший в ЗГВ из внутреннего округа, был более похож на слепого котенка, нежели на чиновника, призванного защищать интересы государства и армии. Видимо, прежде чем посылать его продавать, реализовывать, торговать, следовало хоть познакомить с азами рыночной экономики. Но кому до этого дело? Счастье, что «Дойче-банк», совместно с министерством экономики ФРГ бережно учили и наставляли наших военных финансистов. Но тут была прямая заинтересованность — денежки-то немецкие. И уж Германии никак не хотелось, чтобы мы по недогляду, недомыслию, а тем паче низкой профессиональной подготовке пустили их не туда, куда положено. Потому и заботились. Но топливо, как известно, принадлежало не бережливой, расчетливой ФРГ, а России, и потому уплывало в чужой карман почитай за полцены.

Были, конечно, в ЗГВ и другие, не столь громкие дела.

Два офицера управления группы, подделав документы и сговорившись с немецкой фирмой, пытались сдать в цветной металлолом гильзы от снарядов.

Начальник вещевой службы дивизии сбывает «модное» на местных

толкучках обмундирование. Особенно отличалось подобной «предприимчивостью» управление торговли группы. Так, начальник управления торговли дрезденского гарнизона подписывает немцам-поставщикам накладные на получение товара, который он потом и в глаза не увидит на своем складе. Те же в свою очередь продают его на внутреннем рынке по более высокой цене. Ну а дележ выручки — не более чем дело техники.

Или еще один пример. Директор магазина с хорошей такой русской фамилией Степанов грузит машину спиртного и пытается ее реализовать немцам. Разумеется, водка идет по более высоким ценам.

Справедливости ради надо сказать, что у многих желающих «хапнуть» на пути вставала прокуратура группы, местная полиция, но были и те, которые выходили сухими из воды. Мне рассказывали прокурорские работники, сколь умело и много наворовал полковник Басюк, бывший заместитель командира артиллерийской дивизии ЗГВ, сумевший скрыться в суверенной Украине. Увы, обращения к правоохранительным органам «самостийной» республики ничего не дали. Тут уж, как ни горько говорить, действует правило некоторых украинских политиков: чем хуже, тем лучше.

Писать об этом тяжело, но уверен — надо. Ибо персонажи столь трагического действа никуда не исчезли. Кое-кто вернулся в наручниках, но многие вышли из Германии с почетом и почестями. Вчера они обворовывали Западную группу войск. А кого будут обворовывать сегодня? Тебя, меня, нас?

6

На этом, собственно, и заканчивался криминальный раздел моей книги. Был еще жив и здоров Дмитрий Холодов. Никто не знал, да и не мог знать о грядущей трагедии.

Последние, завершающие слова главы, думаю, служат подтверждением тому, что я не тешил себя наивными надеждами, якобы в ЗГВ нет преступников, по которым плачет тюрьма. Но это и не означало, что группа поголовно погрязла в аферах и коррупции.

Наверное, можно было подробнее и ярче расписать «злодеяния» генералов-коррупционеров Селиверстова, Семина, посвятить их темным делишкам не маленькую главу в семь страничек, а добрую четверть повествования, а то и половину. Но я исходил из того, что о генералах немало написано и в центральной прессе, не говоря уже о местной — групповой, армейской. Ну что тут переливать из пустого в порожнее. Да, воровали, за что и находятся под судом.

Однако сколь наивен я был. Оказывается, если вытащить старое, даже крепко пропахшее нафталином тряпье, и в нужный момент потрясти его, пыль поднимется не малая.

Как я писал уже, заявление главного редактора «МК» после смерти Холодова казалось многообещающим. В тот момент взоры людские были обращены в сторону Павла Гусева. Народ устал от воровства, мздоимства, бандитизма, нескончаемой цепи убийств и потому готов был верить и молиться любому, кто поднимет голос против криминала. И какое же это, право, разочарование, обмануться в надеждах.

Вместо настоящего, обещанного разоблачения мафии вдень похорон Холодова, «МК» публикует статью о покупке двух «Мерседесов» в Германии. Так что ж тут нового? Об этих «Мерседесах» написаны тома. При всяком удобном и неудобном случае как правая, так и левая пресса колет глаза генералу Павлу Грачеву уже полтора года кряду. Впервые об этом написала «Российская газета». Даже заголовок статьи не «МК», его ввел в оборот Прохановский «День». По правде говоря, если уж и писать о «мерседесах», то возникает вопрос: почему именно машинам Министерства обороны отдается предпочтение? Не пора ли уделить внимание и другим «мерсам», они ничем не хуже грачевских. Ну, например, автомобиль той же марки, купленный на денежки, отпущенные ФРГ для переподготовки военнослужащих замами министров Госкомтруда

и Гособразования СССР Ковригой и Перегудовым. Сегодня нет уже ни первого, ни второго ведомства, ни самого Советского Союза, а где интересно «мерседес»? Ведь он не мог исчезнуть вместе с Советским Союзом?

Следующая наиболее заметная публикация, содержащая не эмоциональные выпады и взаимную перебранку, а конкретные факты и обвинения — это вновь почти полосная статья «Богатые генералы бедной армии». Подзаголовок гласит — доклад Болдырева. Да, есть такой доклад. О нем знали в группе войск, да и в стране. Но газета пишет: ««Доклад Болдырева» стал легендой. Все о нем слышали — никто не читал». Я перечитываю эти строки с удивлением и до сих пор. Зачем понадобилось Александру Минкину, мягко выражаясь, лгать? Ведь два дня назад он гневно обличал в этом Грачева, а теперь вот сам…

Обидно. Легендарный «Доклад Болдырева» был опубликован 8 апреля 1993 года в печати. Нет, не в заводской многотиражке и не в ротном боевом листке — в газете Верховного Совета России, выходящей весьма солидным тиражом. Утройте этот тираж, как минимум. Статью «Уходим из Германии, обворованные до нитки» читали не только в семьях, но передавали из рук в руки родственникам, друзьям, знакомым.

Так что же вы нас за лохов держите, господа?

Такого рода пассажи вряд ли укрепляют веру читателей в правдивость публикаций.

Кстати, о правдивости. В конце сентября в «МК» была опубликована сенсационная корреспонденция. Называлась она «А мы их танками закидаем». Автор публикации утверждает: «Некоторое время назад в результате странного соглашения МО с Турцией Западной группой войск этому государству было передано около 16,5 тысяч танков».

Эту цифру я впервые услышал случайно в вагоне электрички. Один из мужчин, прочитав заметку в газете, стал громко возмущаться: мол, смотри, что делают, сволочи. Распродают Россию. И сунул газету своему товарищу, сидящему рядом. Тот долго читал заметку, потом поднял голову, усмехнулся: «Х… все это. Обувают нас, Петя, как дурачков». Однако Петя не согласился с замечанием. Разгорелся спор.

Победил-таки Петин товарищ, усомнившийся в правдивости заметки. И доказал свою правоту доброй половине вагона на удивление просто. На что способен всякий, послуживший некогда в армии. Потому не могу удержаться от соблазна пересказать сей монолог.

— Во взводе три танка, — начал мужичок, — Так, Петя? Сомнений ни у кого не было. Это все равно, что дважды два — четыре.

— В роте три взвода по три танка. Итого — девять. Плюс танк комроты — десять, — Петин товарищ хитро подмигнул: — В батальоне — три роты по десять танков — тридцать штук. — Говоривший задумался: «Не знаю сколько в управлении батальона танков. Ну, пусть две штуки. Всего — тридцать две машины».

— В полку три батальона. Девяносто шесть танков. Сюда приложим командирский танк, управление. В общем, грубо — сто танков.

— В танковой дивизии — два танковых полка

— 200 танков и еще отдельный танковый батальон. Стало быть, в дивизии на все про все — двести тридцать танков. Ну, пусть для круглого счета — двести пятьдесят штук. В группе войск было двадцать дивизий — значит, самое большее там 5 тысяч танков.

Петя сидел с раскрытым ртом. Его только и хватило на то, чтобы смачно выругаться. Усмехнулись мужчины на соседних скамейках, потупив глаза, они ведь тоже поначалу поверили в 16,5 тысяч танков, хотя каждый из них знал — во взводе — три танка и ни танком больше.

Хочу добавить лишь только то, что Петин друг делал расчеты, как он выразился «грубо», то есть без учета мотострелковых дивизий. А они в ЗГВ были. Целая общевойсковая армия. Так вот в этих дивизиях по штату было не два танковых полка, а один. Это значит на 100 танков меньше. Ибо мотострелки имели на вооружении боевые машины пехоты и бэтээры.

Петя и его товарищ недоучли и еще некоторых обстоятельств, которые не мог не знать журналист, тиражирующий в тысячах экземпляров столь тяжкое обвинение. Впрочем, даже если автор и не знал и не собирался перепроверять эти воистину фантастические цифры, то просто исходя из здравого смысла он должен был поставить перед собой некоторые вопросы. ЗГВ было передано Турции 16,5 тысяч танков, утверждает журналист. Факт свершившийся. Но как они переданы, каким образом вывезены? Те самые пять тысяч мы тащили через Польшу, Чехословакию, Белоруссию, Украину, морем через Мукран и Росток, потом через Литву с диким напряжением почти 4 года. А тут в три раза больше! Как удалось нам с такой танковой лавиной перемахнуть несколько морей или пройти незамеченными по территориям нескольких стран? И это при самом строгом контроле со стороны немецких властей, представители которых рассчитывали график движения эшелонов и провожали их до границ своего государства.

Свидетельством тому слова ответственного чиновника земли Бранденбург, которые на страницах «Литературной газеты» приводит В. Запевалов, собкорр в Бонне.

«Мы не можем выступить в роли судей, для этого необходимы

доказательства преступлений и нарушений генералитетом ЗГВ. Между тем и федеральная, и наша, земельная, полиция держала Вюнсдорф под постоянным контролем, сопровождала российские военные железнодорожные составы и автоколонны аж до самой польской границы, но ничего серьезного не обнаружила».

Вот так, сумели мы облопошить неусыпных немецких стражей порядка, вывезли в Турцию 16,5 тысяч «бронированных крепостей», а они «ничего серьезного не обнаружили».

Но довольно. В эти сказки при всем искреннем уважении к популярной газете весьма трудно поверить. Поверить еще и потому, что за каждый наш вагон и платформу платила Германия, а не мы. Неужто и вправду в чьем-то воспаленном мозгу могла родиться безумная мысль, будто германское государство оплатило транзит 16,5 тысяч российских танков до Стамбула.

Возвратимся еще раз к докладу Болдырева. Теперь уже не к вводным словам и оценкам журналиста, а непосредственно к его сути. Документ серьезный. Требующий юридической проработки каждого факта, примера, цифры. Насколько мне известно, ни один из генералов, названных в докладе, не лишен воинского звания, не посажен на скамью подсудимых. А пора бы поставить все точки над «i». Если в докладе указаны истинные злоупотребления, за них должны ответить истинные виновники. Обязательно с широким оповещением общественности.

Если же юристы, работающие по докладу Болдырева, не нашли доказательств преступлений, следует снять подозрения раз и навсегда. Об этом опять же надо рассказать в прессе.

Вообще, рискуя получить от коллег-журналистов увесистую оплеуху, хочу тем не менее признаться: мне жаль Матвея Прокопьевича Бурлакова. Спешу успокоить подозревающих. Нет, мы не родственники и не друзья. Мы принадлежим к разным классовым прослойкам армии — он крупный генерал, заместитель министра, я — рядовой журналист, офицер. Мне очень не хочется, чтобы Бурлакова «вырывали» из контекста событий, из той жизни и обстановки, в которой он находился.

В ноябре 1994 года «Комсомолка» опубликовала статью «В армии у всякого своя нужда». Статья доказательная, в ее основу положены материалы прокурорского расследования. Там говорится о закупленных в Германии ваннах, раковинах, биде, сушилках, ковриках, светильниках, ручках, замках, дверных цепочках, обоях ит. д.

Не знаю, в гостях у Бурлакова не был, но с трудом верю, что все эти ванны, биде, сушилки с дверными цепочками расставлены и развешаны в

его квартире. Ну сколько нужно биде Бурлакову? Тут и ослу ясно.

Как ясно и другое, что Бурлаков был ни больше, ни меньше — командующим округом. Да, именовался он Главкомом и командовал особой, крупнейшей группой войск, но по своему служебному положению являлся лишь одним из многих. Над ним — главкомы видов, заместители министра, сам министр. И все его, Бурлакова, начальники, командиры.

Однако он являлся слугой не только родного военного ведомства. Группа готовила недвижимость, а реализовывало ее Министерство внешних экономических связей. С руки ли ему ссориться с таким могучим министерством? Стало быть, надо служить.

А Минфин? Могло ли оно упустить из поля зрения живую «германскую валютку»? Наезжали комиссии и оттуда. Спорить с всесильным минфином? Только окончательно выживший из ума пойдет на это.

Ну а Госкомтруд и Госкомобразование существовавшего тогда СССР, назначенные переобучать и переквалифицировать военнослужащих ЗГВ, как думаете, они ходили в подчиненных у Бурлакова?

А Госкомимущество России и его представители в Германии? В моем архиве хранится немало документов, в которых то и дело чиновники этого ведомства шлют послания Главкому, где настаивают «использовать опыт и возможности Западной группы» для решения различных проблем.

Да что там говорить о министерствах и ведомствах. Возьмите сугубо частные визиты. Ну, например, министра безопасности России. Он начальник для Главкома Бурлакова или нет? А министр здравоохранения? А глава администрации Ставропольского края, куда выходит несколько дивизий из ЗГВ?

Вопросы весьма интересные. Встаньте на место Бурлакова и попытайтесь ответить хотя бы на некоторые из них.

Я же не юрист и не имею права никого обвинять, пока вина не доказана в судебном порядке. Однако в подтверждение только что сказанному предложу читателю лишь одно соображение по докладу Ю. Болдырева. Прочитайте внимательно еще раз этот документ. Вот лишь некоторые выдержки из него:

«Комиссия по использованию имущества ЗГВ при Правительстве России (председатель Е. В. Арапов), управление подготовки собственности Минобороны России (начальник М. А. Филимонов), рабочая группа государственной внешнеэкономической комиссии по экспорту и импорту вооружения и военной техники Министерства внешних экономических связей России (руководитель В. В. Шляхтенко)… работают плохо».

«Бывший начальник центрального управления ракетного топлива и горючего Минобороны России генерал-лейтенант В. П. Блохин… заключил договоры…»

«Начальником Главного технического управления Министерства внешних экономических связей России контр-адмиралом С. Н. Красновым были выданы доверенности…»

«По письменным указаниям бывшего начальника Главного управления торговли Минобороны России генерал-лейтенанта Н. Г. Садовникова и его заместителя генерал-майора Е. М. Круглова было переведено в Банки США, Швейцарии, Финляндии… 17 млн. марок».

«Бывшим начальником ГУТ МО России генерал-лейтенантом Г. А. Каракозовым в нарушение распоряжений Правительства…»

Арапов, Филимонов, Шляхтенко, Блохин, Краснов, Садовников, Круглов, Каракозов, Стефановский… Кто эти люди? Они никогда не состояли в списках личного состава Западной группы войск. Вы уже догадались — это высокопоставленные чиновники из Правительства России, Министерства внешних экономических связей, Минобороны. А кто стоит за ними? Узнаем ли мы когда-нибудь их имена?

Это по их указанию реализовывали имущество и недвижимость, продавали топливо и горючее, подписывали договора, переводили деньги в зарубежные банки… Но их почему-то незаслуженно редко вспоминают. Эхом по страницам газет катятся две фамилии — Грачев и Бурлаков. Оказывается, они самые богатые и коррумпированные. Верит ли кто-нибудь в это? Даже тот, кто кричит об этом на каждом углу? Но если так случилось, и сегодня все кому не лень тащат этих двух к барьеру, уверенные, что именно таким образом истребят коррупцию, то я уверен в ином — шеренга эта намного шире и открывается совсем иными фамилиями — негромкими и внешне вполне благопристойными. Эти фамилии не любят шума и газетной трескотни. Они смеются над сегодняшними разоблачениями. Ибо знают им цену.

Газета «Известия». Ноябрь 1994 года.

«…Те, кто два года назад занимал ключевые посты в правительстве «либеральных реформ» и не только не помогал нам, а и чинил препятствия, теперь вдруг принимают резолюции на политсоветах с требованиями привлечь к ответственности, освободить министра обороны; хочу спросить их: неужели армия по масштабам коррупции превосходит другие государственные структуры?

Что два года назад кто-то чего-то не знал? И почему так узко — только об армии?»

Бывший Гпавный государственный инспектор России Ю. Болдырев.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Куда «уплыли» миллиарды Коля?
Сердце для России.
Живые уходят, павшие остаются.

1

Уже в сентябре 1990 года, когда в Советском Союзе и слыхом не слыхивали о Договоре с Германией, телевидение ФРГ передало сенсационную новость: в Москве завершена работа над текстом соглашения о предоставлении СССР финансовой помощи, связанной с содержанием и выводом Западной группы войск. Была названа и конкретная цифра: 12 миллиардов немецких марок.

И действительно, через месяц в Бонне правительства ФРГ и СССР подписали соглашения о некоторых переходных мерах. 7,8 млрд. марок планировалось использовать для финансирования строительства, 1 млрд. выделялся на транспортные расходы и 200 млн. на переподготовку и переквалификацию военнослужащих и членов их семей.

Однако Западной группе войск все эти годы надо было на что-то жить, и потому в статье 1-й соглашения было записано: «Договаривающиеся Стороны соглашались»… Здесь специально хочу обратить внимание, на что же соглашались стороны? На то, что «Советская Сторона на основе соответствующих договоров с Федеративной Республикой Германии несет расходы и затраты, связанные с временным пребыванием советских войск, их личного состава и членов семей».

Для погашения «расходов и затрат» создается так называемый «переходный фонд», в который ФРГ вносит 3 млрд. марок. Это, подчеркну, беспроцентный кредит.

Ах, соблазнительные миллиарды Коля! На дворе, не забудем, кризисная осень девяностого года, а впереди — невообразимо тяжелая зима. Впервые за многие десятилетия после войны мы встали перед катастрофической проблемой — нечем кормить армию.

А тут «живые» немецкие денежки. Как хотелось запустить руку в казну ЗГВ. Конечно же, во имя самого святого — спасения Отечества. Ну а переживем зиму, поднимем экономику, вернем долги, построим квартиры. Эти мысли вынашивались в ЦК, в правительстве. Начальник Политического управления Западной группы громогласно возмущался, мол, немцы не хотят отдать почитай наши, кровные денежки.

Какое все-таки счастье, что немцы не отдали тогда миллиарды. Не было бы сегодня ни квартир, ни жилья, а денег и подавно. Правительство ФРГ поставило жесткие условия — финансирование только под конкретные программы. Будь то жилье, транспортировка,

переквалификация военнослужащих.

Но были миллиарды, которые Федеративная Республика не могла не отдать. Речь идет о переходном фонде. И она регулярно выплачивала деньги. В IV квартале каждого года Советский Союз, а позже Россия, запрашивали полагающиеся суммы на содержание ЗГВ, и они выделялись. Итак, с 1991 года по 1994 год — 3 млрд. марок.

Не открою Америку, если скажу, что наше родное государство время от времени умело обкрадывает свой народ. Не стану долго распространяться по этому поводу, — это известно каждому, прессой писано-переписано, и потому лишь задам вопрос: имея возможность «наложить лапу» на немецкие миллиарды, неужто оно не воспользовалось этой возможностью? Неужто не обокрало Западную группу войск?

Вижу скептическую улыбку на вашем лице, дорогой читатель. Конечно же, воспользовалось. В 1991 году правительство страны еще перечисляло на содержание группы войск 820 млн. марок, а уже в следующем, 1992-ом, ЗГВ в «затяжных боях и походах» удалось вырвать лишь 19,8 млн. На том все и кончилось.

А где же, простите, остальные денежки из толстого кошелька «друга Гельмута»? Где они, миллиарды Коля? И как, в конце концов, жила и служила, выполняла важнейшую государственную задачу по выводу войск Западная группа без пфеннинга в кармане? Ведь ей надо было выплачивать денежное довольствие военнослужащим и заработную плату вольнонаемным, рассчитываться по закупкам продовольствия, топлива, производить оплату коммунальных услуг, материалов, необходимых для службы и вывода войск. Да мало ли на что нужны деньги при содержании многотысячного коллектива.

На лечение в немецких клиниках наших больных детей, оплату операций пострадавших в автомобильных катастрофах, закупку квартир бездомным офицерам и многое, многое другое.

Однако Отечество забыло о своих сыновьях, которые несли нелегкую службу за тремя границами. И вспоминало лишь тогда, когда надо было в очередной раз запустить руку в тощую казну ЗГВ.

Но все-таки эта казна существовала. Ведь сегодня многоголосный хор отечественной прессы трубит лишь об одном, — отдельные личности, стоящие у кормила власти в ЗГВ, разворовывали, проматывали и пускали по ветру богатства России, имущество вооруженных сил в Германии. Но кто тогда кормил, поил, платил деньги тысячам людей, если родное правительство бросило их, по существу, на произвол судьбы? Откуда брались миллионы в казне ЗГВ, если «переходной фонд» перешел Бог знает

куда?

Поначалу, признаться, надеялись на «недвижимость». Вот мол, продадим городки и аэродромы и заживем. Не вышло. Подоспел «нулевой вариант», и все пошло прахом.

Но надо было выживать, выводить группу, а значит, искать способ заработать. И искать его в совершенно новых условиях. Если в родной стране еще только говорили, рассуждали о какой-то далекой и непонятной рыночной экономике, то в ЗГВ «рынок и капитализм», как непрошеные гости, стояли на пороге каждой части, подразделения, отдела. В группе не было и быть не могло специалистов по международной торговле и финансам, международному праву, земельным вопросам и недвижимости, экологии. Всему приходилось учиться на марше.

Мне рассказывал мой земляк — смолянин, подполковник Сергей Будиловский, кстати прекрасный специалист, занимавшийся передачей немцам наших городков, с каким удивлением и страхом смотрел он в первый раз на германский земельный кадастр. Да и где ему было изучать немецкое земельное право, в КЭЧ смоленского гарнизона? Однако он его изучил. И работал на равных с самыми лучшими правоведами — профессионалами Германии.

Но это было потом. А поначалу офицеры ЗГВ немало набили себе шишек. Нас учили. Учили по-разному. Кропотливо и заботливо, как например «Дойче-банк», и очень жестоко, как некоторые представители немецкого бизнеса.

В 1990 году Западная группа продавала металлолом по цене 50–60 ДМ за тонну. К весне 1991 года цена подскочила до 140 ДМ. И вдруг, по чьей-то команде, все фирмы-покупатели отказались брать наш металлолом. Полгода никто его не покупал. Что делать, пришлось снижать цену.

Однако и специалисты ЗГВ обретали опыт, работая в условиях реального рынка. Для этого надо было порою «перевернуть» себя. Ну где это видано, чтобы на заборах воинских частей размещали рекламу? А собственно, что в том дурного? Помните километры наших унылых заборов, выходящих на улицы и дороги городов? От рекламы в Германии они не стали хуже, наоборот. Да еще и «принесли» в копилку группы ни много ни мало, а 600 тысяч марок.

Теперь Западная группа не хватала первую попавшуюся фирму и не заключала контракт на поставку продовольствия. Тем более, что закупки продовольствия делались в весьма крупных объемах. От желающих продать не было отбою. 38 фирм боролись за право насытить прилавки магазинов группы мясом. Но в ходе проведенного конкурса победили те,

кто предлагал свои услуги на лучших условиях и по более низким ценам. И это немалая экономия.

Группа искала любую возможность, чтобы пополнить собственную копилку. Деньги нужны были как воздух. Пожалуй, больше воздуха. Группа закупала квартиры для своих офицеров, оплачивая 75 процентов их стоимости. Закуплено более 2 тысяч квартир. Она строила 100-квартирный дом в Смоленске для выведенного туда управления 1-ой танковой армии, а также дом в Чебаркуле. Она помогала Центральному театру Российской Армии в ремонте и поставках оборудования. Она в групповом госпитале в Беелитцах открыла отделение реабилитации детей из России, Беларуси, Украины, пострадавших от Чернобыльской катастрофы.

Поэтому сдаются в аренду здания, помещения, аэродромы, земельные участки, радиочастоты. Экономический эффект -5,7 млн. ДМ.

Сокращается управленческий аппарат. Доход — 8 млн. марок.

Деньги зарабатываются даже на элементарной финансовой аккуратности. За счет своевременной оплаты счетов и четкого выполнения условий договоров получена скидка и сэкономлено 2,1 млн. марок.

Премия, или на языке финансистов всего мира — бонус — за размещение больших объемов поставок продовольствия или топлива. Эта статья дала 780 тысяч.

Было и еще много чего — сокращение аренды холодильников, уменьшение каналов связи, снижение цен на производственно-техническую продукцию, банковский процент от умелого размещения валютных средств ЗГВ.

Не стану больше заниматься перечислениями. Знаю и без того, голос мой одинок, словно глас вопиющего в пустыне. Все пишут о том, как Западная группа продавала, проматывала, пускала на ветер народное добро, а я рассказываю о неких находках, сбережениях. Право же, это не очень интересно и совсем не попахивает сенсацией. Что поделаешь — жизнь, армейские будни не сотканы только из скандалов и сенсаций. И слава Богу!

В конце концов, важно другое, — брошенная на произвол судьбы крупнейшая военная группировка не только успешно справилась с беспрецедентной в мировой практике операцией по выводу войск, но и первой встретившись с капитализмом, познала законы рынка, освоилась и выжила в нем, по существу, сама себе заработав на жизнь. Она накопила редкий опыт, которого нет, да и не могло быть в вооруженных силах России. Нужен ли он сегодня армии? Трудно сказать. Ведь многое, чем занималась группа, уникально и неповторимо.

Канула в историю Западная группа войск… Но как бы не хотелось,

чтобы сама история величайшей группы канула в лету.

2

Случай этот поразительно ярок, кажется, и не было пятнадцати лет…

В 1980 году войска Варшавского Договора проводили традиционные учения. «Братство по оружию». Как оказалось, то было последнее «Братство…»

Мне пришлось принимать участие в маневрах в качестве военного корреспондента интернациональной редакции, которая выпускала газету на шести языках.

Прекрасные, незабываемые дни. Помнится, мы успевали побывать на высадке совместного десанта советских и польских морских пехотинцев в Пейнемюнде, на марше болгарского полка имени Георгия Димитрова, на боевых полетах авиационной части ННА ГДР имени Юрия Гагарина, а вечером… пили чешское пиво и русскую водку. Пели песни.

В один из таких вечеров мы сидели за одним столом с болгарами. В бар вошли немецкие офицеры, кто-то из них окликнул меня. Оказалось, мой приятель, военный корреспондент немецкой газеты «Фольксармее». Мы оба искренне радовались встрече, обнялись, поговорили накоротке, и я вернулся к болгарам.

За столом какая-то угрюмая тишина. Болгары даже не прихлебывали пиво. Первым заговорил майор, старший за столом.

— Михаил, — обратился он ко мне и кивнул в сторону немца, с которым я только распрощался. — Он чужой!

Прошло пятнадцать лет, а я до сих пор помню глаза болгарского майора Милчо Томова.

За годы службы в группе войск в Германии многие немецкие офицеры стали для нас если уж не друзьями, то товарищами, партнерами. А вот для болгар они по-прежнему были чужими.

Нет, конечно, ничего подобного майор Томов не писал в газете, но так он чувствовал, таково было состояние его души. И душа, «сдобренная» спиртным, вдруг распахнулась.

Потом, я часто думал над признанием болгарского майора, словно примерял его оценки к себе. Чем была для меня Германия? Кем были для меня немцы?

Я не знал войны. Но война родилась вместе со мной и росла. Ненависть к фашистам, страх и боль переплелись в моей душе лишь только стал осознавать себя. Они входили в мою жизнь слезами в выцветших

глазах бабули, портретом погибшего на фронте дяди, отмороженными под Москвой в 41-ом ногами отца, ранними сединами матери.

Эти чувства живут и до сих пор во мне. Но я люблю Германию. Здесь прошла моя офицерская юность и становление. Здесь обрел я настоящих друзей. Нет, не для прессы и не ради красного словца говорю: немцы не чужие мне. И страна «дождей и велосипедов» близка и понятна.

Кто дал мне эту любовь и понимание? Кто переплавил ненависть и страх в терпимость и доброту? Конечно же, сами немцы. Но возможность узнать, разглядеть, понять немецкую нацию мне дала военная служба в группе войск в Германии.

Многое из того, что почувствовал я здесь — незабываемо.

' В последние годы пребывания российских войск на немецкой земле родилось общественное движение, которое назвали «Сердце для России».

Трудно теперь узнать в чьих душах и умах появилось столь романтичное название. Движение это занималось помощью детям — жертвам Чернобыльской катастрофы. Казалось бы, у Западной группы войск столько своих забот, хлопот, а тут еще дети… Да, дети, русские, белорусские, украинские. Впрочем, их здесь не делили по национальности.

Медицинская служба группы во главе с генералом В. Лютовым, с участием полковников Пичугина, Маева, русская православная церковь в Германии при личном участии метрополита Минского и Слуцкого Экзарха всея Беларуси Филарета, немецкая фирма «Агра» впервые в практике военной медицины развернули в главном госпитале ЗГВ специализированное отделение по обследованию, лечению и реабилитации детей, пострадавших от Чернобыльской аварии.

Из самых дальних уголков Беларуси и России, из деревень, сел, маленьких городков привозили сюда детей.

Поначалу случались попытки местных чиновников пристроить своих кровных чад отдохнуть в Германии. Естественно, чада были вполне здоровы. Надо отдать должное, один из инициаторов этого благородного движения настоятель храма-памятника в Лейпциге протоиерей Федор Повный предвидел такой поворот событий. И потому сам лично приезжал из ФРГ отбирать детей для поездки в Германию.

Мальчишек и девчонок здесь обследовали, лечили, хорошо кормили, старались приодеть, обуть. Недели, проведенные в Беелитцах, запоминались детям поездками по Германии, экскурсиями, встречами с немецкими сверстниками.

Содержалось отделение за счет Западной группы и добровольных пожертвований представителей немецкого бизнеса, деловых кругов, да и

просто рядовых граждан ФРГ.

Был создан благотворительный фонд «Дети Чернобыля», и за несколько месяцев на его счет поступило 515 тысяч ДМ. Щедрую финансовую помощь отделению оказали немецкие фирмы «Астра», «Рациофарм», «Гедекс», «Томмс».

Вдова известного западно-германского издателя Шпрингера — Гриде Шпрингер, побывав в гостях у «чернобыльских» детей, передала госпиталю чек на полмиллиона марок.

У детей были и свои постоянные друзья — учительница из Вердера Майон Дидек, фокусник из Берлина Игорь Ерлин, американский журналист Джим Кент. Это они организовали экскурсии в Потсдам, Вердер, столицу Германии — Берлин, приглашали детей на праздники, привозили им подарки.

По примеру «беелитцкой инициативы» преподаватель архитектурной академии, доктор Хармут Кеплер на свои средства и частные пожертвования организовал пансионат, где каждый месяц проходили лечение 40 детей из Чернобыльской зоны.

Сколько таких, трогательных до слез историй великой человеческой доброты хранит наша память.

…Случилось несчастье, и сыну военнослужащего ЗГВ Диме Зиваку оторвало обе ноги. Немец Гюнтер Меллендорф, отец троих детей откликнулся, помог в беде. Он вложил сбережения своей семьи в изготовление протезов для Димы. Его дочь Изабель, узнав о беде русского мальчика, отдала тысячу марок из собственной копилки.

…Групповая газета «Наследник победы» опубликовала обращение: «Люди, помогите Сереже!» В публикации рассказывалось о тяжело больном мальчике, сыне офицера Сереже Власюке. После аварии на Чернобыльской АЭС поселок, в котором жил маленький Сережа и его мама, оказался в зоне заражения. Это сказалось на здоровье ребенка. Надо было спасать мальчика, но на Родине это сделать, как оказалось, невозможно.

Офицер Власюк обратился к командованию с просьбой перевести его в Западную группу войск. И вот уже Сережа обследован в университетской клинике в Лейпциге. Врачи обнадежили родителей — сына вылечить возможно, но для этого потребуется 200 000 марок. Где взять такие деньги?

Вскоре о беде Сережи узнали граждане Германии. Одними из первых в редакцию прислали письмо школьники из города Франкфурта-на-Одере. Они писали: «На уроке русского языка мы прочли о судьбе советского мальчика Сережи Власюка. Нас глубоко тронула и взволновала его судьба,

боль и тревога родителей Сережи. И хотя авторы статьи обращаются к советским военнослужащим, хотим помочь и мы, ученики специальной школы имени Карла Фридриха Гаусса. Мы хотим, чтобы больше людей узнали о Сереже. Постараемся через различные газеты рассказать о нем. Рассказать, как необходима материальная помощь его семье, постараемся организовать мероприятия, а вырученные деньги отправить в фонд помощи Сереже…»

К больному мальчику каждый день приходили гости, подбадривали его, приносили подарки. А однажды среди гостей оказался немец Фальк Юоблер. Он когда-то сам был пациентом университетской клиники и даже лежал на той же кровати, что и Сережа. Фальк поднял на ноги всех одноклассников и собрал для своего русского друга 300 марок.

…Бывший шахтер, пенсионер Рейнхард Хельникк, коренной житель западных земель Германии решил отблагодарить советских солдат за миролюбие и добрые чувства к немцам. Через местную городскую газету он обратился к своим землякам: кто хочет помочь русским — обращайтесь ко мне. И с того дня его домашний телефон не замолкал.

В ноябре 1990 года у КПП Берлин-Карлсхорстского гарнизона наших войск остановился немецкий грузовой автомобиль с подарками для военнослужащих. 500 километров проделал Хельникк, чтобы доставить подарки.

Потом он бывал в других гарнизонах. 10 сентября 1993 года Рейнхард в сорок пятый раз приехал к российским солдатам. Десятки тонн грузов переправил он в наши гарнизоны. Множество встреч вместили его визиты, сотни людей были вовлечены в благотворительную акцию.

Я привел лишь несколько случаев из тысяч добрых дел германских граждан. Они есть прекрасное подтверждение великодушию немецкого народа.

> *«Мы иногда слышим слова сомнения о том, нужна ли такая помощь вообще. Причем нередко от достаточно влиятельных людей. К сожалению, эта помощь не может коренным образом изменить ситуацию в нашей стране. Но она имеет принципиальное значение для жизни нашего народа, являясь знаком надежды на то, что проблемы, которыми живут люди, будут решены, надежды на то, что народ, который избрал новый путь развития, не одинок в этом мире, что есть рядом люди, готовые помочь…»*

Епископ Феофан.

Управляющий Берлинской и Германской Епархией.

3

Мы уходили из Германии. Что могли, увозили. Что не могли, — оставляли. Жаль отданных городков, казарм, домов, бассейнов, парков боевой техники. Жаль упущенных миллиардов.

Однако не все в нашей жизни меряется деньгами. Есть иные, святые понятия. Великий русский поэт называл их «любовью к отеческим гробам».

Когда мы стали судорожно собираться бежать из Германии (поскольку этот фантастический бросок более чем полумиллионной группировки войск в столь короткий срок иначе и не назовешь) вдруг со всей очевидностью встал вопрос — что делать с могилами наших воинов? Как быть с танками, пушками, грузовиками, самолетами на пьедесталах, которым покланялись столько лет? Волновала судьба и всемирно известных монументов — солдата-освободителя в Трептов-парке, монументы в Тиргартене.

Конечно, первый чисто человеческий порыв — увезти все это с собой. Как сделали давным давно американцы — не оставили ни одной своей могилы на территории Германии. Перезахоронили погибших солдат либо в родной земле, либо за пределами ФРГ.

Мне рассказывал майор Олег Старков, офицер историко-мемориальной группы штаба 3ГВ, какое впечатление произвела на него поездка в Голландию, на воинское кладбище американских солдат. Расположенное в красивейшем месте, оно любовно ухожено, содержится в прекрасном состоянии. Руководит всем — отставной майор армии США, который командирован в Европу полтора десятка лет назад.

Старков назвал умопомрачительную, с нашей точки зрения, сумму, которая выделяется Соединенными Штатами на содержание кладбища — 1 млн. долларов в год. Каждый день ровно в 8 часов утра на высоком флагштоке, хорошо видимом из самых отдаленных уголков голландского городка, вздымается американский флаг.

Рассказ этот вызвал в моей душе острое чувство боли и безысходности. Наверное, нечто подобное испытали солдаты и офицеры первых советских частей, покидающих Германию. Они в последний раз пришли к «отеческим гробам», чтобы проститься с ними. В последний раз привели в порядок могилы, за которыми ухаживали почти полвека. В последний раз возложили венки и цветы.

Живые уходили, павшие оставались…

Нет, мы не могли, подобно американцам, забрать прах своих воинов с собой. Не было денег, возможностей, да и захоронения у нас — не чета американским. Около 600 тысяч солдат и офицеров покоится в немецкой земле. А сколько похоронено пленных, замученных в концлагерях, сколько сожжено в печах крематориев и пепел развеян по ветру? Офицеры, занимавшиеся этой проблемой, считают, что еще тысяч четыреста. Значит, всего не менее миллиона. А может быть и больше… И это только на территории Германии, а сколько их лежит в Польше, Чехословакии, Венгрии, Австрии, Югославии…

В Генеральном штабе вовремя поняли — годы вывода войск из стран Восточной Европы — воистину золотые годы. Многое можно успеть, пока еще стоят там наши войска.

Конечно, такой подход вызывает горькое сожаление. Помните народную мудрость: как на охоту ехать, так собак кормить. За пятьдесят лет не сумели навести порядок в этой работе, так хоть за последние годы кое-что успеть…

Право же, упрек не к нынешнему поколению. Работу по поиску и увековечиванию памяти погибших надо бы начинать не в 90-е годы и даже не в 45-ом, а еще раньше. Вместе со всеми цивилизованными странами.

Европа содрогнулась и прозрела, подсчитав потери одной из самых массовых и жестоких войн истории человечества — 1-й мировой. Тогда перед живыми впервые встал вопрос — что делать с захоронениями?

В Германии уже в 1919 году создается Народный союз по уходу за могилами жертв войны. Он существует и до сегодняшнего дня. В мае 1994 года Союз торжественно отметил свое 75-летие. На него возложена миссия по поиску и увековечиванию памяти погибших на территории других стран. Внутри же ФРГ этими вопросами ведает Министерство внутренних дел, Министерство по делам семьи и престарелых.

Подобные министерства, общества, службы были созданы и в других странах. В Австрии — Черный крест, в Италии — специальный комиссариат по делам воинских захоронений, в США — комитет воинских захоронений. И только нам, понесшим в двух мировых войнах самые большие потери, все было недосуг организовать подобную службу. Уповали то на следопытов-пионеров, то на поисковые отряды.

Безусловно, к этой деятельности следовало привлекать и пионеров. Ведь в Германии школьники тоже выходят на улицы с кружками и собирают пожертвования. Необходимо поддержать и энтузиастов-поисковиков. Но основную кропотливую, каждодневную аналитическую,

архивную, поисковую работу должна вести либо государственная структура, либо общественная (как Народный союз в ФРГ), но с максимальной поддержкой государства. Тот же Народный союз основывается в своей работе далеко не на голом энтузиазме. Его ежегодный бюджет 24 млн. немецких марок. Весьма солидная сумма.

А у нас созданная в последние годы в ЗГВ группа по историко-мемориальной работе вообще не имела бюджета как такового. Но спрашивается, как вести работу? Где взять деньги на самый обыкновенный венок? А учитывая количество захоронений в Германии, нужна не одна сотня венков. Или за какие, простите, «шиши» изготовить мемориальную плиту с вновь открытыми именами захороненных, как это было в населенном пункте Глазов, в земле Бранденбург?

Значит, эти деньги «тащили» из бюджета Западной группы, или ехали с протянутой рукой к немцам. Иного не дано.

И тем не менее надо отдать должное руководителям Министерства обороны и Генерального штаба — сначала в ЗГВ была создана группа по подготовке к выпуску книги Памяти, потом группа, офицеры которой занимались судьбой памятников и мемориальных образцов техники. Наконец, эти две группы слили в единую — историко-мемориальную. В своем составе она насчитывала всего 9 (!?) человек. Но, как говорят, и на том спасибо.

Подчеркиваю, это неспроста. Только у нас в стране почему-то стало делом обыденным считать, что поиском и увековечиванием памяти погибших должна заниматься армия. Но в Германии бундесвер этим практически не занимается. Как, впрочем, и во многих других странах. У нас, конечно, свой подход, свои традиции. Но, думаю, и нам бы следовало привыкать к цивилизованному подходу: поисково-мемориальная работа — дело государства прежде всего и, возможно, армии, в частности.

Но так или иначе, всю тяжесть этой работы в годы вывода ЗГВ, взяло на себя военное ведомство и группа войск в Германии.

Нет, совсем не значит, что историко-мемориальная группа начинала в Германии с нуля. Многое было сделано и до них. Группа войск занималась этим всегда, хотя и не очень активно. И дело тут прежде всего в том, что нелегкую ношу по поиску и увековечиванию памяти погибших несли коменданты гарнизонов. А как известно, коменданты — люди занятые и мемориальная работа их далеко не самая первая обязанность. Потому центр тяжести в ней за неимением времени и возможностей смещался в сторону торжественно-ритуальной. Содержать захоронение в порядке, организовать торжественное возложение венков, прием Присяги у монументов и могил.

Что же касается розыска и установления имен неизвестных погибших, тут все обстояло значительно сложнее.

Именно на это и направило свои основные усилия историко-мемориальная группа ЗГВ. Хотя старались не забывать и о благоустройстве кладбищ, о контроле за содержанием военно-мемориальных объектов на территории Германии, о воспитательной работе.

Много ли сделано за эти годы? И много и мало. В ходе тесного сотрудничества с федеральным Министерством по делам семьи и престарелых офицеры историко-мемориальной группы обнаружили несколько сотен неизвестных ранее мест захоронений в Восточных землях ФРГ, занимались учетом и паспортизацией российских воинских могил, в том числе и времен первой мировой войны, открыли и устанавливали имена погибших, хоронили их останки с воинскими почестями, передавали под охрану немецких властей захоронения и памятники, обрабатывали подготовленные центральным архивом министерства обороны России данные на тысячи воинов, погибших на территории Германии.

Однако все это касается, в основном, восточной части ФРГ Если говорить о так называемых старых землях, то там, право же, мало что сделано. Группа в 9 человек, которая постоянно сокращалась, вместе со штабом ЗГВ большего сделать и не могла.

Что дальше? Так и останутся неизвестными тысячи имен советских воинов, безымянными сотни захоронений?

Ведь ЗГВ больше нет. Конечно, этой работой будет заниматься в меру сил своих российский военный атташе в Германии. Но вспомните комендантов. Много ли они успели за полвека? Сколько нужно времени еще? Пятьдесят лет, а может сто?

До тех пор, пока в России не будет разработана программа поисково-мемориальной деятельности, не определена ответственная за это государственная структура, ее штат и бюджет, мы и вправду за сто лет не завершим поиск. Только нужно ли это будет кому-либо через 100 лет?

Ну а что же с нашими памятниками-символами — воином освободителем в Трептов-парке, мемориальным комплексом в Тиргартене? Они стоят под защитой немецкого Закона. Правда, стоят не очень прочно, как кажется с первого взгляда. Могучий воин с мечом и девочкой на руке разрушается. Оседает земля, деформируются плиты, заложенные в основание монумента. Время! Пролетело несколько десятилетий, как взошел он на рукотворный холм в Берлине. И с тех пор, по существу, не реставрировался. Теперь на его ремонт, по оценкам специалистов, потребуется от 10 до 20 млн. немецких марок. У России, ко всеобщему

стыду, таких денег нет. Стало быть, наша гордость, воин-освободитель на полном иждивении у немцев. Хочется верить, что в отличие от нас, они найдут нужные деньги на ремонт и реставрацию, и не дадут рухнуть нашему величайшему воинскому символу.

Что же до других символов, снятых с пьедесталов, то у них разная судьба. Кое-что вывезено на родину, в российские музеи, но в основном танки-пушки сданы в металлолом. Немецкие газеты время от времени писали, как мы, уходя, варварски разбивали бетонных идолов, которым покланялись много лет. То были бюсты Героев, огромные панно — «Боевой путь части», а иногда и просто безымянные статуи солдат, наподобие «девушек с веслом», только на военный манер. Делалось это, как правило, скрытно, ночами. Пресс-центр группы как мог отбивался от обвинений. Но что оставалось? Да, это безнравственно. Верю, знаю, будь у командира свободный вагон, платформа, увез бы он к новому месту дислокации и старый танк, и полусгнившую полуторку. Но не было такого вагона. И командир неизбежно вставал перед выбором: либо взять несколько бетонных плит, кубов досок и там, в голой степи они будут на вес золота, спасут от дождя и снега, либо занять это место тоннами металлолома, пусть и фронтового и очень дорогого его сердцу. Как бы в подобной ситуации поступили вы?

Хотя бывало и другое. Мне рассказывала директор музея Западной группы войск, как немцы покупали у нас диораму «Штурм Берлина». Цену предложили достаточно высокую. Создатели диорамы, художники-грековцы давали «добро» на продажу, более того, соглашались взамен написать новое полотно. Ну, а деньги? Да мало ли у нас дыр? Купить за них квартиры бездомным офицерам.

Собственно, когда эта идея созрела, директор музея предложила ее начальнику Политуправления ЗГВ. Он, как известно, являлся главным шефом всех музеев. Генерал, услышав такое, побагровел и ответил директору гневным обвинением: «Вы продаете Родину!..»

Да, вот уж воистину, как в той старой песне: «С чего начинается Родина?» Действительно, с чего? Может, прав великий русский поэт, она начинается «с любви к отеческим гробам».

Прощай, Германия, прощай!

Первые три года вывода российских войск из Германии о самой церемонии прощания редко кто вспоминал. До того ли было? Немцы не верили, что ЗГВ сумеет уложиться в объявленные сроки. Мы же рвали из последних сил, дабы не ударить лицом в грязь.

Впервые о проводах усиленно заговорили в начале девяносто четвертого. Поздновато, конечно, надо бы это обсудить еще в 1990-ом, когда подписывали тот самый, «германский» пакет законов. Только уж куда там. Если в главном «лопухнулись» — в деньгах, ракетах, недвижимости, до проводов ли?

Однако как в сказке, долго ли, коротко дошла пора и до них. Российские верхи были заняты борьбой за власть и расстрелянный Белый дом стоял в ремонтных лесах, но сигналы, усиленно посылаемые из Западной группы, услышали в Кремле и смекнули — проводы войск из Германии — акт не военный, но более всего — политический. Потом с высоких трибун о нем скажут как о своеобразном подведении черты под итогами второй мировой войны. Верно скажут. Хочу лишь добавить к этому: не только войны, но еще почти полувекового мира. Мира, в который уместились и годы жестокого противостояния и недели балансирования на грани ядерной катастрофы и десятилетия «холодной войны».

Вот тут и возникли нешуточные разногласия между бывшими странами — участницами антигитлеровской коалиции. Мы, то бишь Россия, все больше упирали на итоги сорок пятого года, а они — девяностого. Помните заявление высоких американских руководителей о том, кто победил в «холодной войне»? Многие в нашей стране восприняли его чуть ли не за шутку заокеанских дядей. Оказывается, дяди с капиталийского холма совсем не шутили. Да в общем, не только с капиталийского, но и с Елисейских полей, и с берегов туманного Альбиона.

А поскольку вторая мировая война и сорок пятый, майский, победный лежали где-то в глубине полувековой истории, все чаще поминали другую войну — «холодную». Она была рядом. И в ней мы, как ни крути, оказались противниками, врагами. Или иначе — «оккупантами».

Газета «Вествелише нахрихтен».
Мюнстер. Апрель 1994 г.

«…Неужели Бурлаков не понимает разницы? Ведь

американцы, англичане и французы уже в начале послевоенного периода, продолжавшегося почти пять десятилетий, превратились из оккупантов в помощников и союзников, которые хорошо зарекомендовали себя в ходе нескольких опасных кризисов. Так нужно ли напоминать о разнице между ними и бывшей Советской Армией, которая в течение 45 лет являлась инструментом, с помощью которого Москва пыталась держать одну часть Германии в узде и подчинить себе ее другую часть? Поворот, начатый Горбачевым, не столь далек, чтобы забыть при том всю послевоенную историю».

Словом, «послевоенную историю» нам не простили. Ну что ж, сегодня уже пора однозначно сказать — да, была блокада Западного Берлина и устроили ее мы. Американцы, создав «воздушный мост», снабжали город продовольствием. Но была и другая блокада — ленинградская. Разве мы имеем право забывать о ней. Берлин в кольце, сложна страница истории. Но меня, право же, умиляют воспоминания немки с экранов телевидения о том, что она помнит американский шоколад. Ленинградцы помнят черный сухарь, спасший им жизни.

Нет, история едина. Не надо делить ее на удобную и неудобную. И начинается она не с 1945 года. Когда мы справедливо стыдили своих бывших союзников, мол, побойтесь Бога, ведь Советский Союз вынес основную тяжесть борьбы с фашизмом и заплатил за это самую дорогую цену, в ответ в прессе появились утверждения, что, к примеру, нормандская десантная операция в июне 1944 года «это операция… в ходе которой решалась сама судьба западной цивилизации» и потому она «заняла особое место в ходе развития войны». Что оказывается, «единственная возможность покончить с Рейхом заключалась в попытке высадиться через Ла-Манш».

А как быть с возможностями советских солдат, которые ко времени высадки союзников уже три года воевали с фашистами и разгромили 218 вражеских дивизий, 56 из которых перестали существовать вообще. Позади был Сталинград, а сам У Черчилль признавался, что «три огромных сражения за Курск, Орел и Харьков… ознаменовали крушение германских армий».

Какие уж там советские солдаты, да и Черчилль вместе с ними. Французский журнал «Лабель Франс», кстати впервые вышедший в свет на русском языке в апреле 1994 года, девять страниц посвятил высадке союзников в Нормандии, но там ни единого раза, ни одним словом не были

помянуты наши бойцы. Словно вообще не существовало восточного фронта, четырехлетней войны Советского Союза с гитлеровской Германией. «Лабель Франс» даже не вспомнил, как тот же У. Черчилль в панике просил Сталина в январе сорок пятого скорее начать наступление на восточном фронте. И мы его начали на 8 дней раньше срока, спасая от явной гибели американцев, которых немцы уже добивали в Арденнах.

Но все равно, через 50 лет французский журнал будет утверждать, фальсифицируя историю, что именно «битва в Нормандии сыграла решающую роль во Второй мировой войне», а «второй фронт, открытый в Европе», был, без сомнения, «основным».

Я неспроста подробно остановился на публикации во французском журнале. Так, думаю, будет легче почувствовать обстановку, в которой Западная группа войск отстаивала достойные проводы из Германии сыновей и внуков солдат сорок пятого.

Но почему Западная группа? Разве это ее дело? Нет, не ее. В первую очередь, это дело дипломатов. Но им, по большому счету, было наплевать.

Газета «Наследник победы».
Февраль 1994 года.

«Почему молчат российские дипломаты?»

«Похоже, что немецкую общественность основательно готовят к тому, что «совместных проводов из Берлина российских войск и их западных союзников не будет». Именно такое заявление в очередной раз прозвучало из уст правящего бургомистра германской столицы Эберхарда Дингена.

Любопытны доводы, которые выдвигает глава берлинского правительства по данному поводу. Так, он указал, что соглашения, достигнутые в ходе переговоров «2+4», предусматривают вывод российских войск в более ранние сроки, чем союзников. И якобы уже по этой причине совместная церемония проводов невозможна. Что же касается его лично, то он придает большое значение именно раздельным проводам, чтобы показать разницу между «державами-оккупантами» и «державами-защитниками».

А что думает по этому поводу российская сторона? Какую позицию занимает в этом вопросе Министерство иностранных дел Российской Федерации, Посольство России в ФРГ? Создается впечатление, что для них никакой проблемы и нет.

В общем, Западная группа, предметно наученная своим собственным горьким опытом, вступила в очередное «сражение». На сей раз это был последний акт более чем полувековой истории, начатой фашистской Германией еще в 1939 году.

Не знаю, как в Кремле, а в Вюнсдорфе, в штабе группы хорошо понимали — проводы российских войск должны быть торжественными и не по «второму разряду», как уже раздавались голоса в Германии. Тем более, что Россия убирала все свои войска до последнего солдата, а страны — участницы антигитлеровской коалиции — только бригады из Берлина, да сокращенные части из других гарнизонов. Хотя человеку далекому от политики упорно навязывалась мысль — уходят, мол, все: и американцы, и французы, и англичане. Не знаю уж, по своей ли дремучести или нежеланию разобраться в сути дела наша пресса не уставая трубила о выводе войск четырех держав-победительниц из Германии. Так вот повторяю — все, до «последнего сапога» уходили только мы, Россия, они — оставались и остаются.

Потому у них шла речь о выводе бригад из столицы ФРГ, у нас — о выводе группы войск и берлинской бригады в том числе.

Как развивались события? Откуда появилась эта «дикая» идея проводить нас ну если не в закрытых наглухо вагонах и под охраной, как в свое время хотели поляки, то во «втором классе» — обязательно.

Поначалу федеральное правительство Германии вообще не собиралось обставлять эти мероприятиям какой-либо помпой. Планировалось скромное торжество перед зданием ратуши в Шенеберге, никаких парадов, лишь прохождение батальона почетного караула бундесвера. И только.

В немецкой прессе тех дней высказывалось предположение, мол, Коль обиделся на отказ французов пригласить его для участия в торжествах, посвященных 50-летию высадки союзников в Нормандии. Что ж, вполне возможно. Во всяком случае, его реакция не осталась незамеченной. Первыми «взбунтовались» именно французы. МИД Франции устами одного из своих дипломатов заявил: «В любом случае мы не покинем Берлин тихо. Мы настаиваем на проведении парада».

Москва, в отличие от Бонна, вновь руководствуясь какими-то высшими соображениями дипломатии, не уважила себя и не обиделась на отсутствие приглашения в Нормандию. Глава государства Российского сказал, что не видит в том ничего страшного, просто нет между нашими странами таких традиций, приглашать друг друга на праздники. Неужто у нас только одна традиция — проливать кровь за союзников?

«Бунт» Франции не останется незамеченным и Коль, не долго

упираясь, согласится на «широкую торжественную церемонию» проводов военнослужащих Великобритании, США и Франции. Но не России. Уже в марте 1994 года будет опубликовано мнение эксперта по России Франка Бомадорфа: «В любом случае, невозможно совместное проведение торжественных мероприятий союзников и российских войск».

Вчитайтесь еще раз в эти строки: «союзников и российских войск». Потом в плане проведения торжеств будет многое меняться — ритуал, место проведения, но неизменным останется одно — нас не пустят в общий строй.

Приезжающие из Москвы парламентарии, большие и малые чиновники, лишь отмахивались: нам бы ваши заботы. Совместные торжества, парады… Уйдем тихо. А известный ведущий НТВ доказывал мне в Вюнсдорфе, что и не стоит бороться за торжества. Наверное не стоит, если мы уже ровным счетом ничего не стоим на международной арене. Но тогда пора перестать кричать на всех углах, что мы великая страна.

Сейчас, когда я пишу эти строки, председатель правительства Виктор Черномырдин отложил свой визит в Польшу. Граждан России ограбили соотечественники — рэкетиры, да вдобавок отдубасила дубинками польская полиция, а нескольких человек еще бросили в тюрьму, не давая возможность встретиться с диппредставителями. И уже в российской прессе раздаются голоса — стоило ли из-за нескольких «мешочников» ссориться с Польшей? А польские чиновники, право же, удивлены, отчего такой шум? Разве впервой тем же самым «челнокам» испытывать грубость польских властей, а женщинам слышать оскорбления — «эй, вы, русские курвы», разве новость, что российским офицерам, перегонявшим машины на Родину, приходилось откупаться от польской полиции деньгами и взятками.

Да что там конкретный российский человек. Поляки нахально и открыто провокационно вздували цены на военные перевозки ЗГВ, останавливали наши эшелоны, навязывали нам кабальные условия выхода войск. А Россия молчала.

Я уже писал, как поляки хотели вывезти Северную группу войск: в опломбированных вагонах, без оружия. Как скотов. И Россия молчала. И так продолжалось не один год. Что же мы теперь хотим?

Вот почему французы не желали покидать столицу Германии тихо. Только с парадом. Уметь уважать себя. И быть исключительно щепетильным в этом вопросе. Собственно, этого и хотела Западная группа войск. Главком отверг с порога предложение, как выразилась «Лейнцигер Фольксцайтунг», «тихого» проведения торжественных мероприятий вдали

от Берлина, а именно в штаб-квартире ЗГВ в Вюнсдорфе.

В марте 1994 года, на пресс-конференции в Бонне, Г. Коль предложил так называемый «веймарский» вариант проводов российских войск. В своем выступлении он сказал: «Давайте вспомним 1946 год. После окончания войны прошло только три года, когда в условиях величайшей опасности победители стали защитниками, успешно и мужественно защитившими западные секторы Берлина. Воздушный мост оказался сильнее сталинского окружения.

Вернемся мысленно в 1959 и 1960 годы. Без наших американских, британских и французских друзей немецкая столица не могла бы противостоять ультиматуму Хрущева».

Что же касается российских войск, федеральный канцлер предложил торжества провести в Веймаре и в Берлине. «В первой половине дня в Веймаре они начнутся торжественным актом, а после обеда будут продолжены в Берлине возложением венков к памятнику в Трептов-парке».

Предложение канцлера озадачило руководство ЗГВ. Почему в Веймаре? Что стоит за этим предложением? Подвох? Дипломатическая подножка? Или просто, как и прежде, увести «российские торжества» подальше от центра? Объяснений канцлер Г Коль не дал.

Аналитики Западной группы долго ломали голову, копались в истории города, которому предстояло стать центром торжеств, спрашивали немцев. Но даже высокие германские чиновники не могли толком объяснить решение канцлера. Предполагали, что якобы это связано с демократической веймарской республикой, но уверенности не было.

Сомнения усиливал и тот факт, что Веймар освобождали американцы, а не русские. Рядом находился концлагерь Бухенвальд, и это тоже накладывало свой отпечаток. Дипломаты как всегда молчали, делая вид будто их это не касается. Оставалось уповать лишь на свои силы. И тогда в Москву, в Кремль было отправлено предложение командования ЗГВ. Оно и легло в основу письма Бориса Ельцина Колю. Вот что писал в нем Президент России:

> «Сначала о месте проведения. Возникают опасения, что при разделении мероприятия между двумя городами программа, из-за краткости времени, окажется скомканной. Неизбежны в этом случае недостатки организационного характера, например, переезд в сжатые сроки из Веймара в Берлин может серьезно затруднить участие подобающего такому случаю числа российских представителей, военных и ветеранов, без которых

сами торжества утратили бы смысл. Хотелось бы этого избежать. Предлагаю поэтому провести торжественный акт, а лучше всего основную программу в Берлине…

Если ты все же не сочтешь возможным отказаться от Веймара, то думаю, что мы не можем обойти стороной памятное место, расположенное неподалеку, посетить Бухенвальд, с возложением венков… Иного Россия не поймет…

Дорогой Хельмут, надеюсь что ты с пониманием отнесешься к моим встречным предложениям…

С уважением, Ельцин.

10 апреля 1994 г. Москва. Кремль».

Видимо, аргументы Президента России убедили Федерального канцлера, и празднование было полностью перенесено в Берлин. Торжества эти видел весь мир и пересказывать их нет надобности.

Хочу лишь добавить к сказанному, что раздельное чествование «стран-защитниц» и «страны-оккупанта», попытка отправить нас во «втором классе» — достаточно серьезный урок для России. Да, в послевоенной истории Советский Союз допустил немало ошибок, однако и наши бывшие союзники не были пай-мальчиками — и воевали, и посылали на далекие континенты войска, и убивали ни в чем не повинных людей, и тем не менее они явились гарантом и защитниками демократических ценностей Берлина.

Из Германии выходила не ГСВГ в Советский Союз, а ЗГВ — в Россию. В новую демократическую Россию. Как жаль, что об этом никто не вспомнил.

Вместо эпилога

Помните, у Ленина есть статья: «От какого наследства мы отказываемся?» Она совсем об ином, из другой эпохи. Но мы часто вспоминали название этой статьи там, в Германии, в Западной группе войск. И правда, понимаем ли мы сегодня от какого наследства отказались? Умом, наверное, понимаем, собрав воедино все объективные и субъективные причины, осознание того, что не вечно же тут стоять… Но сердцем и душой — никогда. Не могу смириться с тем, как развеяли в прах лучшую из армий — Западную группировку, придвинули границы почти к стенам Москвы, бросили в снега, степи тысячи людей, потеряв их окончательно для армии, а значит и для Отечества.

Кем она была для нас, группа войск в Германии? Только ли местом службы? Но где еще могли согреть сердца, да одеть, обуть семью офицеры из Сибири, Забайкалья, Приморья? Где они могли вырасти в настоящих командиров, на кадрированных ротах Поволжья и Урала? Здесь, в ЗГВ.

Нам было что вспомнить. Что вспомнят они теперь?

Но только ли для армии была она «окном в Германию», «землей обетованной» в центре Европы? Футболисты и артисты, журналисты и чиновники, проверяющие и надзирающие, контролирующие и помогающие, а также знакомые и родные, близкие и далекие тех, кто служил здесь, — все находили приют и вдохновение в ЗГВ. Их не только кормили и поили, лечили и отоваривали, их любили, как соотечественников и земляков.

Кем была для нас группа войск в Германии? Странный, право же, вопрос. Кусочком жизни и счастья, который потерян навсегда.